

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2023 • Т. 14 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бабкина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих

Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит

Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева

РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс

Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер

Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич

НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита

Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин

НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен

Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр (США-Китай)

Айгуль Кульназарова

Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин

Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев

НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева

МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра

Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Софья Константиновна Бабкина

Дарья Павловна Жабина

Анастасия Вячеславовна Павлова

Анастасия Арсентьевна Сигова

Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко

ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев

ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар

РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов

МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син

Пекинский педагогический университет

(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун

СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева

ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов

МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев

РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги

Сьянь По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллоев

Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана

(Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй

Тайваньский Национальный университет,

Университет Сунь Ятсена

(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуашэн

Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шахлевина

МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова

ТГУ (Россия, Томск)

Джин Уилсон

Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань

Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 51

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

Журнал издается при поддержке Про-
граммы стратегического академического
лидерства «Приоритет-2030»

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные
и российские библиографические базы
данных, в том числе ESCI Web of Science
Core Collection, Google Scholar, ВАК, РИНЦ
и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932
от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в отделе оперативной
полиграфии и множительной
техники МГИМО МИД России.
119454, Москва,
проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 13,5 усл. п.л.
Заказ № 501.

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций, аффилированных
с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2023
© О.В. Гаман-Голутвина, 2023
© Издательская группа «Юрист», 2023

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2023 • Volume 14 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Goluvina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
Russia, Moscow

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA-China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International Relations
RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities (Russia,
Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Sofia K. Babkina
Daria P. Zhabina
Anastasia V. Pavlova
Anastasia A. Sigova
Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezheva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoria I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 51

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO-University

The journal is published with the support
of the "Priority 2030" Strategic Academic
Leadership Program

INDEXING

The journal is included in international and
Russian bibliographic databases, including
ESCI Web of Science Core Collection, Google
Scholar, Higher Attestation Commission, RSCI
and others.

web-page: sravpol.ru
ISSN (print) 2221-3279
ISSN (online) 2412-4990

Printed at the Department
of Operational Polygraphy and
Multiplication Technology,
MGIMO University,
76 Prospect Vernadskogo,
Moscow, Russia, 119454.
Circulation 2000 copies.
Order No. 501.

«СТАРЫЙ СВЕТ» В НОВОМ МИРЕ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

- СЛОВО РЕДАКТОРА
О.В. Гаман-Голутвина
- ВОПРОСЫ СТРАНОВЕДЕНИЯ
В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ЕВРОПА
- Сепаратизм в Бельгии:
основные факторы трансформации
валлоно-фламандских противоречий
Е.А. Сергеев (МГИМО МИД России)
- Пределы сотрудничества стран – участниц
Вишеградской группы на фоне кризисов 2020-х гг.
М.В. Ведерников (ИЕ РАН)
- "Истрийский демократический сабор"
и проблематика регионализма в современной Хорватии
А.А. Пивоваренко (Институт славяноведения РАН)
- Зарубежный опыт реинтеграции территорий:
выводы для России
В.Д. Нечаев (СевГУ), *Е.С. Матюнков* (МГУ)
- НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ
- Польский авторитарно-популистский поворот
«Права и справедливости»:
сущностно-идейные основы и последствия
Т.Э. Мирзаджанов (МГИМО МИД России)
- Постконфликтная фаза вооруженной интервенции
Е.С. Зиновьева, Д.Н. Чернов, Е.С. Комарова, С.А. Аров
(МГИМО МИД России)

ИНТЕРВЬЮ

с *А.И. Аветисяном* (ИСП РАН)

КНИЖНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

От Древнего мира к Цифровому веку:
феномен внешнеполитической стратегии
в межгосударственном противоборстве
Е.Д. Спирин (МГИМО МИД России)

"OLD WORLD" IN A NEW WORLD

CONTENTS

- EDITORIAL NOTE
Dr Oksana V. Gaman-Golutvina
- 4
- COUNTRY STUDIES IN THE COMPARATIVIST DIMENSION:
EUROPE
- 9
- Separatism in Belgium:
Key Factors Governing Walloon–Flemish
Discrepancies
Dr Egor A. Sergeev (MGIMO University)
- 39
- The Limits of Cooperation of Visegrad Countries
amid the Crises of the 2020s
Dr Mikhail V. Vedernikov (IE RAS)
- 59
- Party "Istrian Democratic Assembly"
and Regional Issues in Contemporary Croatia
Dr Alexander A. Pivovarenko (Institute for Slavic Studies RAS)
- 80
- Foreign Experience of Territorial Reintegration:
Implications for Russia
Dr Vladimir D. Nechaev (Sevastopol State University),
Egor S. Matiunkov (MSU)
- SCIENTIFIC DEBUT
- 102
- Polish Authoritarian Turn of "Law and Justice":
Essential and Ideological Foundations
and Consequences
Tamerlan E. Mirzadzhanov (MGIMO University)
- 120
- Post-Conflict Phase of Armed Intervention
Dr Elena S. Zinovieva, Daniil N. Chernov,
Evgenia S. Komarova, Sviatoslav A. Arov (MGIMO University)
- INTERVIEW
- with *Dr Arutyun I. Avetisyan* (ISP RAS)
- 136
- BOOK REVIEW
- 146
- From the Ancient World to the Digital Age:
The Phenomenon of Foreign Policy Strategy
in Interstate Confrontation
Egor D. Spirin (MGIMO University)

ЗАРУБЕЖНАЯ ЕВРОПА КАК «ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Заключительный выпуск журнала «Сравнительная политика» за 2023 год посвящен преимущественно обсуждению европейской политики. Нет необходимости акцентировать актуальность этого сюжета. Исторически Европа выступала «значимым Другим» для интеллектуального сообщества России, которая вслед за веяниями европейской культуры колебалась между «гегелистами» и «нигилистами», если воспользоваться выражением тургеневского героя. Действительно, начиная с эпохи Петра Первого, интеллектуальную повестку России задавали европейские властители дум, и отечественное просвещенное общество воспринимало Европу как «страну святых чудес» (А.С. Хомяков). XX век был ознаменован двумя разрушительными мировыми войнами в Европе, что стало чудовищной травмой ее сознания и фактором ее политического упадка на фоне восхождения иных центров мощи. Сотрудничество России со странами зарубежной Европы традиционно было безальтернативным императивом ее политики, ибо согласно приписываемому Наполеону известному афоризму, география – это судьба, и ни одна из альтернатив сотрудничеству с зарубежной Европой не выглядит привлекательной. Однако последние десятилетия отмечены столь глубоким упадком культуры и политической субъектности Европы, что нынешний кризис в отношениях с ней видится следствием этого упадка. Это отнюдь не отменяет необходимости глубокого знания нынешнего состояния и понимания перспектив движения ближайших по континенту соседей, что побуждает нас обратить взор на политические процессы в странах зарубежного европейского ареала.

Открывается номер статьей Е.А. Сергеева о факторах трансформации валлоно-фламандских противоречий и их влиянии на динамику этнического конфликта в Бельгии. Сюжет хорошо известен, однако автору, представляющему новое поколение исследователей, удалость систематизировать имеющиеся представления о развитии сепаратизма в Бельгии в контексте существующего этнического конфликта посредством четкого структурирования причин и факторов обострения этнического конфликта и институционализации сепаратизма. Для достижения цели автором использован междисциплинарный подход и пул современных методов политического анализа. В числе идентифицированных автором факторов

этнического сепаратизма в Бельгии – языковое разделение, нестабильная динамика политики элит, внешний и экономический факторы, а также собственно институциональный фактор. Е.А. Сергеев зафиксировал тонкую диалектику политической динамики: стабилизация конфликта и купирование сепаратистских настроений достигнуты за счет дестабилизации центральной власти в стране. Со своей стороны могу подтвердить это суждение: мой опыт изучения политических элит Бельгии показал, что перемещение из региональных органов управления на уровень общенационального правительства рассматривается как чувствительное карьерное понижение. Солидарна также с мнением автора, что в настоящее время тематика этнических размежеваний отчасти отходит на второй план из-за появления новых вызовов, включая миграцию, экономический кризис и др.

Тему сепаратизма и регионализма продолжает А.А. Пивоваренко на примере кейса «Истрийский демократический сабор» (ИДС) – политической силы, выступающей за предоставление региональной автономии полуострову Истрия в составе государства Хорватия. Этот малоизвестный за пределами профильного профессионального сообщества сюжет показывает потенциально бездонный потенциал сепаратизма – субъекты отделения могут умножаться до бесконечности, вплоть до последней деревни. В начале 1990-х гг. Хорватия вместе со Словенией стала локомотивом развала федеративной Югославии, однако хорватское руководство жестко пресекло попытки обретения Истрией большей степени региональной автономии в рамках Хорватии. Ее первый президент Ф. Туджман назвал «инспирированным Белградом и Москвой» съезд партии ИДС в апреле 1995 г., где должна была быть презентована инициатива Истрийского еврорегиона.

На данном этапе в академическом плане принципиален вопрос о типологизации этого кейса в контексте европейского регионализма и сепаратизма, поскольку, с одной стороны, истрийский вопрос характеризуется как относящийся к «слабым вызовам», а с другой – нередко рассматривается в качестве рукоположенного с каталонским, баскским, шотландским, баварским, корсиканским, северо-итальянским случаями. Кроме того, адекватная трактовка данного кейса улучшает возможности прогноза как внутривнутриполитической эволюции Балкан, так и других стран периферии Европейского союза.

Еще одним важным европейским сюжетом данного выпуска является рассмотрение М.В. Ведерниковым политической эволюции Вишеградской четверки. Глобальная пересборка произвела множество непосредственных и отдаленных эффектов. Одним из таковых в Европе стало начало трансформации самого успешного регионального интеграционного проекта в Центральной и Восточной Европе за последние 30 лет – Вишеградского объединения. Несмотря на имевшие место в прошлом кризисы,

В4 сохраняла устойчивость, в том числе благодаря способности адаптироваться к изменяющимся внешним условиям и разнообразным вызовам. Однако накопленный за тридцать лет груз противоречий дает о себе знать – не случайно нынешнее состояние В4 эксперты оценивают как наиболее глубокий кризис за всю историю существования объединения. В качестве проявления внутреннего кризиса, в частности, рассматривается тот факт, что на фоне единой позиции в пользу поддержки киевского режима правительства В4 не смогли найти прочную основу для сотрудничества, хотя и достигли согласия относительно углубления взаимодействия в области обороны и безопасности, которая ранее не была важным направлением совместной деятельности. Вишеградский кризис также стал следствием растущих амбиций руководства стран В4 и их стремления к самостоятельной деятельности в европейской и мировой политике.

Не противоречивым для «европейского» выпуска является обсуждение темы реинтеграции, где одним из двух рассмотренных кейсов выступает Германия. Общая актуальность изучения феномена реинтеграции определена тем, что этот опыт может быть востребован в контексте воссоединения Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г. и расширения числа субъектов Российской Федерации в 2022 г. в результате включения в него новых регионов. Упомянутые события 2014 и 2022 гг. в зарубежном научном и политическом дискурсе трактуются как девиация. Между тем это не исключительные примеры – прецеденты реинтеграций имели место в различных регионах мира, и нет оснований полагать, что этот перечень закрыт. Ректор Севастопольского университета профессор В.Д. Нечаев и его последователь Е.С. Матюнков из МГУ им. М.В. Ломоносова рассмотрели два кейса реинтеграций: Восточную Германию–ФРГ и Гонконг–КНР. Различная географическая локализация и специфика этих случаев с точки зрения социально-экономических параметров (вхождение социалистического государства в капиталистическое и наоборот) добавляют результатам анализа убедительность. Успешности изучения способствовала разработка авторами матрицы исследования для сравнительного анализа реинтеграционных процессов.

Рубрика «Научный дебют» нынешнего выпуска включает обсуждение результатов деятельности платформы «Право и справедливость» в Польше. Данное образование как возмутитель спокойствия в рамках партийно-политического ландшафта ЕС на протяжении многих лет находится в эпицентре научной и политической критики. Тем не менее, Т.Э. Мирзаджанову удалось избежать повтора известных тезисов благодаря четкой систематизации информации и следованию строгой логике изложения в формате трех пространств анализа. Первым стало рассмотрение предпосылок формирования авторитарной идеологии ПиС, определенных ее ориентацией на авторитарные и популистские установки. Второй

плоскостью изучения стала специфика конвертации этих установок непосредственно в политические и управленческие решения. Третьим форматом стал анализ способа реализации принятых решений.

Статья «Постконфликтная фаза вооруженной интервенции» представляет собой пример и результат плодотворного сотрудничества опытных ученых, в категорию которых входит профессор МГИМО Е.С. Зиновьева, с аспирантами и студентами. Другим достоинством данной публикации является опора на эмпирическое исследование с использованием количественных методов и обращением к базе данных о вооруженных интервенциях за 1992–2022 гг., созданной сотрудниками Института международных исследований (ИМИ) МГИМО. Актуальность работы определена тем, что с ростом количества гражданских конфликтов наблюдается расширение практики вооруженного вмешательства третьих сторон, нацеленных на продвижение своих национальных / бизнес интересов. В период, за который в базе имеются данные, европейские страны не часто прибегали к методам вооруженной интервенции в национальном формате – для многих из них этот формат присутствия в системе международных отношений остается преимущественно в прошлом. Однако участие в составе коалиционных интервенций (тому пример – агрессия НАТО против Югославии в 1999 г., участие в начавшейся в 2003 г. войне в Ираке и в войне в Ливии 2011 г. и др.) было отнюдь не единичным. Поэтому данная статья органично вписывается в тематику «европейского номера». Данное исследование интересно тем, что его фокус локализован на постконфликтной интервенции. Не исключено, что изучение на значительном эмпирическом материале издержек вооруженного вмешательства третьих стран в гражданские конфликты может стать фактором сдерживания такового в будущем.

В разделе интервью текущего выпуска приводится интервью с директором Института системного программирования РАН им. В.П. Иванникова, академиком РАН А.И. Аветисяном, посвященное невероятно интригующему сюжету – обсуждению нынешнего состояния и перспектив развития искусственного интеллекта (ИИ). Несмотря на естественную ограниченность объема жанра, беседа с А.И. Аветисяном, кажется, объела почти необъятное – такие вопросы, как новые технологии искусственного интеллекта; нынешнее состояние борьбы за преуспевание в его разработке; возможности и технологии его регулирования и доступа к нему как квалифицированных продвинутых институциональных структур, так и рядовых пользователей; угрозы неконтролируемого применения ИИ; влияние глобальной турбулентности и режима санкций на возможность дальнейших разработок ИИ и др. Особый сюжет – использование ИИ в социогуманитарных науках, что потенциально способно поставить под вопрос базовую идентичность этого вида деятельности, поэтому столь востребовано стратегическое видение темы.

Учитывая тематику интервью А.И. Аветисяна, вполне логичным выглядит представление в разделе рецензий Е.Д. Спириным основных идей книги под редакцией Х. Бредса «Создатели современной стратегии: от античности до цифрового века», поскольку рецензируемая им публикация посвящена крайне дефицитному модусу мышления – способности к стратегическому целеполаганию. Правильно поставленная цель – половина успеха, и обладание стратегической инициативой лежит в основе большинства побед. Однако стратегия – настолько редкий гость современного политического мышления, сфокусированного преимущественно на текущих тактических задачах, что стратегическое целеполагание многие управленцы готовы делегировать искусственному интеллекту. В рецензируемом сборнике поднимается ряд значимых теоретических и практических вопросов, связанных с принятием внешнеполитических решений и процессом формирования внешней и оборонной стратегии государств. Несомненный интерес представляют предпринятые авторами попытки обновления теоретического фундамента стратегических исследований с опорой на меняющийся информационно-технологический ландшафт.

Акцентируя внимание на значимости стратегического целеполагания, редакция «Сравнительной политики» выражает надежду на укоренение данного модуса в отечественных аналитических кругах и готова по мере возможностей тому способствовать.

О.В. Гаман-Голутвина,
главный редактор журнала «Сравнительная политика»,
президент РАПН, член Общественной палаты РФ,
член-корреспондент РАН

СЕПАРАТИЗМ В БЕЛЬГИИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВАЛЛОНО-ФЛАМАНДСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Егор СЕРГЕЕВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Настоящее исследование посвящено ретроспективному анализу развития проблемы сепаратизма в Бельгии в контексте существующего этнического конфликта между фламандцами и валлонами и представляет собой очерк исторической и современной динамики проблемы. Цель исследования – выявить факторы, которые способствовали обострению этнического конфликта и институционализации сепаратизма, а также влияли на дальнейшую трансформацию сепаратистского дискурса в стране. Для достижения цели автором задействуется междисциплинарный подход с использованием исторических, политологических и экономических категорий и методов. Методологическую основу работы составляют современные теоретические воззрения на типы и причины сепаратистских настроений, а также варианты и стратегии купирования проблемы. Исследование опирается на качественные исторические методы, в нем также используется статистический анализ, задействуются данные социологических опросов, анализируется широкий пласт документов, включая программы политических партий.

Можно утверждать, что на эволюцию этнического сепаратизма в Бельгии повлияли следующие факторы: языковое разделение (как фундаментальная предпосылка конфликта), фактор элит (определявших основной вектор движения сепаратистского дискурса), внешний фактор (способствовавший оформлению фламандского сепаратизма), экономический фактор (придавший стимул институционализации разделения страны) и сам «институциональный» фактор. Под последним понимается формирование в стране фактически изолированных друг от друга этнических групп за счет развития полноценной системы региональных институтов и институтов сообществ. Этот фактор представляется крайне важным, поскольку он способствовал «замораживанию» этнического конфликта и одновременно инкорпорировал в систему консоциативной демократии большое количество дисбалансов, связанных с этническим разделением. В результате стабилизация конфликта и купирование сепаратистских настроений достигнуты за счет дестабилизации центральной власти в стране. В современной политической системе сепаратистский дискурс крайне сильно инструментализирован. Вопросы

Егор Александрович Сергеев – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID 0000-0001-9964-9595. E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Автор благодарит за помощь в подготовке рукописи и ценные комментарии директора Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России В.В. Воротникова и аналитика Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России И.В. Киселеву.

разделения страны и реформирования государственного устройства постепенно отходят на второй план из-за появления новых (миграция, экономический кризис, антиистеблишментарные настроения) проблем и изменения приоритетов правых политических сил.

Ключевые слова: сепаратизм, Бельгия, федерализация, Фландрия, Валлония, этнический конфликт, партийно-политическая система

Введение

Проблема бельгийского (правильнее сказать, фламандского) сепаратизма отражает особенности трансформации современного сепаратистского дискурса и фактическое превращение его в инструмент внутренней политики во многих европейских странах. Она также наглядно демонстрирует особенности политического процесса в самой Бельгии. Сепаратизм здесь является во многом естественным продолжением исторических тенденций и существующих противоречий. Вместе с тем, в современных условиях он не обладает такой степенью остроты и конфликтности, как в предшествующие временные периоды.

Целью настоящего исследования является определение общей логики трансформации сепаратистского дискурса в Бельгии и выявление его роли в текущих условиях. Представляется, что на данный момент этот вопрос довольно сильно мифологизирован, учитывая количество публикаций в СМИ на тему скорого распада государства. Выявление же факторов, которые, с одной стороны, усиливали остроту этнических противоречий, а с другой – не привели к серьезной радикализации конфликта и в настоящий момент поддерживают своеобразный статус-кво, может способствовать получению объективной картины потенциальных последствий и угроз, которые несет актуальное состояние проблемы сепаратизма в стране¹.

Проблема сепаратизма в Бельгии: методологические аспекты

С одной стороны, этнический сепаратизм довольно хорошо изучен. С другой стороны, в реальности он по-прежнему может принимать разнообразные и довольно причудливые формы, иметь различные причины возникновения и специфику трансформации, что провоцирует появление множества трактовок как самого понятия, так и схожих с ним феноменов (Прохоренко, 2018). Проявления сепаратизма могут иметь вид артикулируемых притязаний на независимость и образование собственного центра власти (т.н. индепендизм) или присоединение к другому территориальному образованию

¹ В настоящем исследовании сознательно выводится за скобки вопрос членства Бельгии в ЕС как аргумента в пользу сохранения территориальной целостности страны, чтобы продемонстрировать внутристрановую специфику рассматриваемых вопросов, а также избежать погружения в вопросы, связанные с влиянием интеграции на потенциальный рост сепаратистских настроений, что не является предметом данной статьи.

(т.н. ирредентизм) (Осколков, 2021). В отдельных случаях к сепаратистским настроениям относят также требования большей автономии соответствующих территориальных образований (Heraclides, 2002). В современных условиях важную роль играет также инструментальный сепаратизм (Нарочницкая, 2015), при котором сепаратистский дискурс используется как средство воздействия на центральную власть. Мотивы, способствующие распространению сепаратистских настроений, могут быть самыми разнообразными, но наибольшее значение в настоящее время, вероятнее всего, имеют вопросы экономической дифференциации, а также долгая история этнического раскола, подкрепленная соответствующей символической аргументацией (Туров, 2021). Причем на разных этапах развития сепаратистского дискурса значимость отдельных факторов существенно варьируется.

Фламандский сепаратизм в этом смысле довольно своеобразен, поскольку зарождается как раз не на основе экономических мотивов (Осколков, 2021: 63), но именно они впоследствии окажут значительное влияние на институционализацию требований «притесняемого» (нидерландскоязычного) сообщества. Кроме того, в современных проявлениях сепаратистского дискурса довольно ярко выделяется его инструментальная составляющая. Таким образом, сепаратизм в современной Бельгии развивается и трансформируется под воздействием как политических, так и дискурсивных факторов, что отражается в своеобразном «разделении труда» между двумя ведущими правыми партиями Фландрии. В риторике «Фламандского интереса» до сих пор присутствует требование об образовании независимого государства, а в заявлениях «Нового фламандского альянса» – призыв к дальнейшему перераспределению полномочий.

Классик исследований сепаратизма Д. Горовиц выделяет в качестве одной из возможных стратегий разрешения этнических конфликтов, в которые вовлечены сепаратистские движения, необходимость рассредоточения властных полномочий (Horowitz, 1985). В целом ситуация в Бельгии могла бы быть примером реализации такой стратегии, так как во второй половине XX в. страна прошла путь легализации части требований «сепаратистски» настроенной Фландрии, а затем и федерализации страны, т.е. фактического рассеивания властных полномочий.

Действительно, многие исследователи трактуют бельгийский вариант купирования проблемы сепаратизма с помощью федерализации страны как один из возможных способов разрешения этнических и языковых конфликтов внутри государств (Keating, 2007). Однако бельгийская модель «разрешения» конфликта довольно противоречива. С одной стороны, федерализация действительно не привела к дальнейшей радикализации сепаратистских настроений и фактической легитимации распада государства (Vandenbergh, 2022). С другой стороны, она в значительной степени стимулировала развитие так называемого «парадокса федерализма» (Erk, Anderson, 2010), когда децентрализация власти ведет к увеличению требований в сторону еще большей федерализации, легитимизируя уже саму необходимость дальнейшего

перераспределения полномочий. Как представляется, политической системе современной Бельгии на настоящий момент удалось достичь определенного равновесия в этом вопросе за счет создания фактически изолированных друг от друга сообществ. Хотя в общественно-политическом пространстве страны звучат лозунги и воззвания, которые можно интерпретировать как призывы к индипендизму, они, скорее, являются требованиями о новой «рефедерализации» (дополнительном перераспределении полномочий) под прикрытием этнотерриториальных противоречий (Caluwaerts, Reuchamps, 2022: 138).

В то же время, как представляется, бельгийский вариант разрешения противоречий, хоть и в действительности поспособствовал предотвращению серьезного насильственного конфликта, не способен стать универсальной моделью разрешения этнического конфликта для других стран по нескольким причинам. Во-первых, в случае Бельгии налицо слишком большое число специфических особенностей страны, среды и времени, в которых происходили основные изменения. Во-вторых, модель, которая возникла в процессе разрешения противоречий, оказалась крайне подвижна и переменчива. Подобную подвижность, например, вряд ли могут позволить себе относительно крупные страны. Кроме того, фундаментальные противоречия, вызвавшие саму проблему сепаратизма в Бельгии, никуда не исчезли. Напротив, наблюдается разнонаправленная динамика общественных настроений в Валлонии и Фландрии.

Может показаться, что риторика ключевых политических игроков ужесточается, однако пока она не ведет к радикализации сепаратистских настроений. По сути, произошли своеобразная рутинизация и заморозка конфликта, что хорошо работает в краткосрочной и среднесрочной перспективе, но представляет некоторую опасность в долгосрочной в силу сохранения базовых противоречий (Caluwaerts, Reuchamps, 2015). В настоящий момент представляется, что «сепаратистский» дискурс стал одним из вопросов внутривнутриполитической повестки дня, включенных в традиционное предвыборное «меню» основных политических сил. В случае Бельгии подобная ситуация фактически контекстуально уравнивает понятия «сепаратизма» и «автономизма / регионализма», несмотря на явное противоречие между ними.

Любопытно, что об этом же, по сути, говорил и сам Д. Горовиц в одном из своих интервью бельгийским СМИ². С его точки зрения, Бельгия не может служить примером разрешения этнического конфликта, так как в результате нескольких раундов государственного переустройства образовалась страна, которая фактически страной не является. Под нынешней федеративной конструкцией заложена мина консенсусной демократии, которая может перестать работать в любой момент. И факторы, которые раньше стабилизировали эту систему, могут превратиться в дестабилизирующие в достаточно короткий промежуток времени.

² BRUZZ (2011) Donald Horowitz: 'België werkt separatisme in de hand'. 1 June. Available at: <https://www.bruzz.be/samenleving/donald-horowitz-belgie-werkt-separatisme-de-hand-2011-06-01> (accessed 29 March 2023).

В этом, как представляется, и состоит «бельгийский феномен»: основные факторы, воздействующие на этнический конфликт, меняются незначительно, однако на разных временных отрезках они могут либо углублять существующие противоречия, либо стабилизировать их. При этом сепаратизм как дискурс скорее инструментализируется, то есть становится средством достижения определенных политических задач, переставая быть самоцелью.

Фламандский сепаратизм: логика эволюции

Сепаратизм в Бельгии удивительно логичен, поскольку обусловлен всем ходом истории. Именно ретроспективный анализ позволяет говорить о том, что основные противоречия между фламандцами и валлонами накапливались годами и усиливались под воздействием все новых и новых факторов на каждом новом этапе развития. Закономерным итогом подобной динамики стало фактическое разделение страны под «шапкой» федерализации.

Этнотерриториальный конфликт в Бельгии прежде всего основан на языковом разделении, чисто этнический фактор играет в этом вопросе гораздо меньшую роль (ван Истендал, 2021: 121). Генезис лингвистического разделения можно проследить на самых ранних этапах развития этих территорий. Поразительным образом граница романизации (культурного пространства Римской империи) проходила приблизительно на месте современной языковой границы, и эта линия была закреплена уже в Раннем Средневековье. Так, некоторые бельгийские историки полагали, что южнее ныне существующей языковой границы никогда не было франкских поселений (Godefroid, 1895), т.е. германские племена практически не проникали на юг нынешней территории Бельгии, а значительное влияние на лингвистическое развитие этих мест оказывали кельты (Пиренн, 2001). У этого явления есть географическое объяснение: движению германцев на юг препятствовали массив угольного леса (Сильва Карбонария) и римская дорога Баве-Тонгерен-Маастрихт (Nouwen, 2020).

В дальнейшем территория современной Бельгии постоянно находилась в составе других более крупных государственных образований (Империи Карла Великого, Бургундского герцогства и др.), включая краткий этап совместного проживания бельгийцев и голландцев в составе Объединенного Нидерландского королевства (1815–1830-е гг.). В результате бельгийской революции (1830 г.) образовалось независимое Королевство Бельгия. Стоит отметить, что именно недовольство франкоязычной элиты, права которой достаточно существенно ущемлялись в Объединенном королевстве, стало одним из поводов для революции и отделения страны. В новом государстве на официальном уровне безгранично господствовал французский язык, несмотря на численное превосходство нидерландскоязычного населения (2,4 млн против 1,8 млн в 1846 г.) (Alen, 1993). Несмотря на крайне либеральный характер бельгийской конституции 1831 г., государственное управление, дело- и судопроизводство, а также образование осуществлялись на французском языке. Преимущественно крестьянское население Фландрии заметно притеснялось

(даже во многих муниципальных правительственных учреждениях говорили на французском языке), часто не получало образования (49% солдат в Западной Фландрии были неграмотными в 1848 г. (Cook, 2022: 81)) и мало участвовало в общественной жизни своей страны.

Поэтому не удивительно, что институционализация фламандского движения начинается как раз с культурных вопросов (Хендрик Консианс в 1839 г. публикует свой знаменитый роман «Лев Фландрии», посвященный битве при Куртре (Битва золотых шпор), которая и легла в основу регионального мифо-строительства во Фландрии).

Проблема сепаратизма в Бельгии – это прежде всего вопрос фламандского сепаратизма и фламандской эмансипации, что вынуждает обратить особое внимание на институционализацию фламандского движения. Фактически оно появляется в 1840 г. как движение, призывающее к чтению нидерландскоязычной литературы и обучению людей литературному нидерландскому языку. При этом, как считают некоторые историки (Vos, 1998), сама фламандская национальная идентичность начинает складываться только в последней трети XIX в. В ответ на возникновение фламандского движения позднее в 1877 г. формируется Валлонская лига, выступавшая за права валлонов и защиту французского языка.

Именно в этот период появляются политические силы, в рядах которых концентрируются нидерландско- и франкоговорящие подданные. Так, католическая и социал-демократическая партии, которые в тот момент боролись за либерализацию избирательного законодательства, все больше и больше разделялись по этническому принципу (католики в большей степени ассоциировались с фламандцами, социал-демократы – с валлонами). При этом либералы, контролировавшие политическую систему в XIX в., также могли становиться носителями этнических идей. Например, группа либеральных депутатов из Антверпена добилась ограниченного использования нидерландского языка в судах, органах управления (1878 г.) и государственной средней школе (1883 г.) (Cook, 2002).

Языковой вопрос набирал остроту на протяжении всего первого десятилетия XX в. Уже в 1910-е гг. фламандские интеллектуалы начали призывать не к расширению использования нидерландского языка, а к административному разделению страны. Этим не могли воспользоваться внешние силы, вынашивавшие планы по реформатированию Европы. Так, как в Первую, так и во Вторую мировую войну немцы делали ставку на фламандцев как потенциально более успешных союзников среди этнических групп. Знаменитая *Flamenpolitik* способствовала радикализации части фламандского движения и превращения его в «антибельгийское» (Cook, 2002). В то же время большая часть фламандцев не поддерживала сотрудничество с немцами, хотя языковой вопрос вставал все более остро (например, фламандские солдаты, сражавшиеся против немецкой армии, не всегда говорили на французском языке, а к франкоговорящим солдатам у командования было гораздо более лояльное отношение).

В межвоенный период фламандское движение начинает борьбу уже не за языковое равноправие, а за изгнание французского языка из Фландрии и установление на территории только одного национального языка. Причем из этого принципа исходят как умеренная, но при этом массовая Католическая партия, так и более радикальный Фламандский фронт (1919 г.), позднее трансформировавшийся во Фламандскую национальную лигу (1933 г.). В 1922 г. фламандский был приравнен в статусе к французскому, а в 1932 г. официально установлен принцип двойного одноязычия по территориальному принципу (каждый регион говорит на своем официальном языке) (Mпоokin, 2007). В 1935 г. этот принцип фактически распространился на суды, в 1938 г. – на армию (в ней стали формироваться одноязычные подразделения).

Во время Второй мировой войны немцы также делали ставку на фламандцев (фламандские националисты даже формировали подразделения СС, а Фламандская национальная лига позднее обвинялась в коллаборационизме), хотя поддержка нацистов наблюдалась и со стороны валлонов (т.н. рексистское движение Леона Дегреля). При этом, в отличие от Первой мировой войны, немцы быстро отказались от попыток организации местного управления и установили собственную военную администрацию.

Послевоенный период окончательно обозначил те разделительные линии в Бельгии, которые и привели к реформированию государственного устройства. Во-первых, именно с 1950-х гг. начинается хозяйственная перестройка экономики, благодаря которой Фландрия обогнала Валлонию по уровню экономического развития. Во-вторых, в этот период обостряется партийная борьба («школьные войны» между католиками и социал-демократами). В-третьих, более заметным становится демографический дисбаланс (в 1962 г. валлоны составляют лишь 33% населения). В-четвертых, валлонское население в большинстве своем было уверено в том, что фламандцы сотрудничали с нацистами и угнетали валлонов. Все это в конечном счете приводило к тому, что первые требования о федерализации страны начали звучать как раз со стороны валлонов и были подхвачены фламандцами.

Уже в 1961 г. коалиционное правительство выступило с планом по обеспечению культурной автономии валлонов (которые опасались численного превосходства фламандцев) и постепенной экономической эмансипации фламандцев (которые стремились к обеспечению своей хозяйственной самостоятельности). В результате реализации этого плана Бельгия *de facto* перешла к строительству федеративного государства, которое находится в постоянном движении (Popelier, 2020). Начиная с 1970 г. именно «ползучая» децентрализация и федерализация определяют логику развития страны.

Факторы углубления противоречий

Углубление противоречий между фламандцами и валлонами, которое привело к возникновению фламандского сепаратизма, а затем встречным требованиям со стороны валлонов, вызвано несколькими факторами, действие которых можно наблюдать по сей день. Как представляется, ключевыми

из них являются языковой, экономический, элитный, внешний, а также институциональный. В центре же противоречий, вероятно, лежит сформировавшийся под действием этих факторов ценностный разлом, преодолеть который достаточно сложно.

Языковой фактор. Безусловно, в основе этнического конфликта в Бельгии лежит языковой фактор, а также тот факт, что более распространенный нидерландский язык оказался под давлением французского (в 1846 г. 57% населения говорило на нидерландском, 42% – на французском, 1% – на немецком). Повышение необходимости взаимодействия фламандцев и валлонов друг с другом по мере экономического развития и увеличения связности страны в XIX в. привело к очевидным противоречиям. В середине века появилось фламандское движение, эволюционирующее от защиты культурных особенностей к требованиям политической автономии, а в конце – валлонское движение, имеющее охранительный характер.

Лингвистический фактор, по сути, лежал в основе федерализации страны, поскольку, учитывая различный этнический состав муниципальных районов по разные стороны от фактической лингвистической границы, мешал законодательному закреплению этой линии, которое произошло в 1963 г. (любопытно, что до этого местные власти отдельных районов пытались подтасовывать данные переписей, чтобы сознательно увеличить число «титульного» этноса).

Можно с уверенностью утверждать, что языковой фактор продолжает оказывать влияние на общественно-политическую жизнь Бельгии вплоть до настоящего времени: если Фландрия пошла на объединение органов управления региона и сообщества, то Валлония сохранила разделение между правительствами и парламентами Валлонского региона и Франкоговорящего сообщества. Это свидетельствует о том, что Фландрия и Валлония по-разному смотрят на федерализацию страны: Фландрия предпочитает разделение на два сообщества (нидерландскоговорящее и франкоговорящее, т.е. в основе лежит языковой принцип), Валлония же стремится сохранять региональный подход (Фландрия – Валлония – Брюссель-столица). Не в последнюю очередь подобные расхождения вызваны тем, что лингвистическая граница лежит к югу от Брюсселя. Последний можно считать своего рода главным активом страны, ведь именно здесь располагаются основные институты и органы Европейского союза.

В целом подобная трактовка вполне укладывается в существующее теоретическое понимание о том, что языковой конфликт может приводить к этническому, а от интенсивности лингвистических противоречий зависит и интенсивность этнического конфликта (Medeiros, 2017).

Фактор элиты. Нетрудно заметить, что двигателем этнического конфликта в Бельгии были элиты. Начиная с бельгийской революции, именно они формулировали ключевые вопросы развития страны. В ставших уже классическими работах отмечается, что элиты смогли предложить специальные консоциативные механизмы, способные урегулировать достаточно серьезные внутренние противоречия и сгладить разделительные линии в бельгийском

обществе (Lijphart, 1977). Элиты в такой ситуации играют посредническую роль и специфическим только для обществ такого типа образом умиротворяют радикальную риторику.

В реальной политической жизни практически ни один общественный конфликт не переходит в активную фазу без соответствующих действий со стороны элит. В случае Бельгии элиты одного сообщества были настроены к представителям другого сообщества не настолько радикально, как в случае других европейских этнических конфликтов. Более того, им удалось создать систему «бюрократического патронажа», который и уравнивает существующие противоречия (Covell, 1981).

Можно предположить, что в Бельгии эта система существует до сих пор, поскольку базовые предпосылки для нее сохраняются. Так, в стране по-прежнему не самый высокий уровень политического участия (иначе не было бы необходимости сохранять обязательность голосования на выборах), а субъективное ощущение дистанции от власти значительно выше, чем в Нидерландах, Австрии, Швеции и других малых европейских странах³. Формирование правительства в ходе политических кризисов, по которым Бельгию можно считать рекордсменом, представляет собой долгий процесс переговоров внутри партийных элит, а не между элитами и обществом. Более того, эти правительственные кризисы практически не оказывают влияния на стабильность государственного управления и функционирование общества. За счет выстраивания иерархии «бюрократического патронажа» каждый член общества продолжает жить своей жизнью и без правительства.

Таким образом, элита в бельгийском случае, с одной стороны, спровоцировала языковой и этнический конфликт, с другой – способствует его относительно мягкому протеканию.

Экономический фактор. Этот фактор создал благоприятный фон для роста сепаратистских настроений во фламандском обществе и необходимости ответа на него – в валлонском. Сразу после Второй мировой войны намечается переворот в географической структуре хозяйства, который начинается с Брабанта, а в 1960-е гг. перекидывается и на другие фламандские провинции. Структурный кризис на юге вкупе с ростом привлекательности основных факторов конкурентоспособности на севере, совпадающие по времени с начинающимися процессами постиндустриализации, приводят к радикальной перестройке всей бельгийской экономики. В результате к 2000 г. ВВП (ППС) на душу населения в Валлонии составлял всего 77% от среднего по Европейскому союзу⁴ (против 103% в 1955 г., 90% в 1975 г.), а Фландрия резко нарастила свои преимущества (105% от среднего по ЕС-15 против 92% в 1955 г.)⁵.

³ Hofstede Insights | Country comparison tool (n.d.). Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (accessed 29 March 2023).

⁴ ЕС в конфигурации ЕС-15.

⁵ Данные Евростата.

В 2010-е гг. Валлония обеспечивала не более 25% ВВП страны, при этом аккумулируя до 35% расходов бюджета (Jennes, 2014). Естественно, подобные диспропорции не могли не вызывать неприятия во Фландрии. Именно поэтому цель последних раундов федеративных реформ – изменение распределения фискальных полномочий.

Внешний фактор. Фламандская политика Германии и в Первую, и во Вторую мировые войны сыграла огромную роль в институционализации и развитии фламандского сепаратизма. Подобно тому как система гражданского управления в будущих Нидерландах и Бельгии была фактически привнесена Наполеоном, первое полноценное юридическое разделение Бельгии на регионы состоялось в период Первой мировой войны. Так, в 1917 г. были образованы Фландрия со столицей в Брюсселе и Валлония со столицей в Намюре, а в 1918 г. немцы провозгласили нидерландский язык ключевым языком во фламандских государственных школах. В качестве примера также можно привести перевод Гентского университета на нидерландский язык в 1915 г.

В отличие от кайзеровской политики, Гитлер не искал особенной институционализации фламандского движения, но именно его военная администрация и факт более распространенного во Фландрии коллаборационизма способствовали достаточно серьезной радикализации сепаратистской повестки в общественном восприятии уже в Валлонии.

К этому можно добавить и «королевский вопрос», остро вставший после Второй мировой войны. Бельгия снова оказалась разделена по этническому принципу на референдуме о необходимости сохранения престола за Леопольдом III в 1950 г. (большинство фламандцев проголосовало за, а валлонов – против).

Федерализация страны

Федерализация Бельгии стала тем самым компромиссным решением, которое устроило как фламандские, так и валлонские элиты (даже несмотря на то, что они по-разному видят ее принципы и задачи). Именно движение к децентрализации объясняет сохранение некоторого внутривнутриполитического баланса в стране на фоне сохраняющихся этнических противоречий. Каждый новый виток политического конфликта заканчивался очередным раундом федерализации. При этом если первые раунды касались принципиальных вопросов устройства системы управления, то последние уже в большей степени характеризуются решением проблемы перераспределения финансовых полномочий (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Реформы федерации в Бельгии¹
Table 1. Federation reforms in Belgium

<p>1-я государственная реформа (1970 г.)</p>	<p>В результате пересмотра Конституции в 1970 г. были созданы три культурных сообщества (франкоговорящее, нидерландскоговорящее и немецкоговорящее), которые получили определенную автономию по культурным вопросам (в 1971 г. были созданы советы по культуре в каждом сообществе), однако их полномочия были все еще крайне ограничены. Первая государственная реформа представляла собой ответ на стремление фламандцев к культурной автономии. В 1970 г. также началось создание трех регионов, которые, как предполагалось, в будущем будут активны в экономической сфере. Создание регионов было обусловлено стремлениями франкоговорящих жителей Брюсселя и Валлонии. В результате первой реформы были внесены коррективы в работу федеральных органов власти: с 1970 г. в правительство должно было входить равное число министров, говорящих на нидерландском и французском языках. Теперь в отношении законодательства в сфере языковой политики и некоторых конституционных законов должна применяться особая процедура голосования в парламенте: для одобрения такие законы должны получить поддержку большинства внутри каждой языковой группы и две трети голосов «за» в целом.</p>
<p>2-я государственная реформа (1980 г.)</p>	<p>С 1980 г. культурные сообщества стали называться просто сообществами: это связано с тем, что эти образования получили полномочия не только в сфере культуры, но и в области здравоохранения и социального обеспечения. Три сообщества (отныне называемые французским, фламандским и немецкоязычным) получили возможность сформировать свой совет (парламент) и правительство. Кроме того, были созданы Фламандский и Валлонский регионы, каждый из которых также получил право на собственный парламент и правительство (во Фландрии парламент сообщества был объединен с парламентом региона). Законодательные акты советов сообществ и регионов получили такой же правовой статус, как и национальные законы. Однако региональные советы и советы сообществ избирались не народным голосованием: в их состав входили члены соответствующих языковых групп из государственного парламента. В то же время Брюссельский регион пока не был сформирован, несмотря на то, что его создание было предусмотрено еще первой реформой. Финансовая автономия сообществ и регионов продолжала быть крайне ограниченной: их финансовые ресурсы поступали преимущественно в виде целевых субсидий.</p>
<p>3-я государственная реформа (1988–89 гг.)</p>	<p>В ходе третьей реформы 1988–1989 гг. был сформирован Брюссельский столичный регион, который обрел свой совет (парламент) и правительство. Сообщества и регионы получили новые полномочия: теперь в сферу ведения сообществ вошли вопросы образования, а в сферу ведения регионов – вопросы транспорта и благоустройства. Регионы и сообщества получили лишь ограниченную фискальную, но значительную финансовую автономию: так, после третьей реформы, эти образования стали обладать большими возможностями по расходованию своей доли в общем национальном бюджете, эта доля была увеличена с менее чем 10% в 1980 г. до 33% в 1990 г.</p>
<p>4-я государственная реформа (1993 г.)</p>	<p>В результате четвертой реформы 1993 г. Бельгия стала полноправным федеративным государством. За сообществами были окончательно закреплены такие полномочия, как вопросы культуры (искусство, молодежная политика, туризм), языковой политики (за исключением коммун с особым языковым статусом), политики в области здравоохранения и социального обеспечения (но не социальной защиты), образования и международного сотрудничества в этих областях. За регионами были закреплены следующие полномочия: региональное экономическое развитие, трудовая занятость в регионе, энергетическая политика (кроме национальной энергетической инфраструктуры и ядерной энергии), дорожное строительство, местное самоуправление, сельское хозяйство, внешняя торговля и др. Кроме того, в 1993 г. также был реформирован Сенат: так, теперь в него входили 40 сенаторов, избираемых прямым голосованием (25 от фламандского сообщества и 15 от французского), 21 сенатор назначался парламентами сообществ и регионов (10 от фламандского сообщества, 10 от французского сообщества и 1 от немецкоязычного сообщества), остальные 10 сенаторов назначались 61 сенатором путем кооптации. Кроме того, упразднилась система двойного мандата, при которой сенаторы и федеральные депутаты занимали места в региональных парламентах и парламентах сообществ.</p>

⁶ Источник: составлено автором по Hooghe L. (1993) Belgium from Regionalism to Federalism. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London; Belgium.be (Official Information and Services). Available at: <https://www.belgium.be/nl> (accessed 29 March 2023).

<p>5-я государственная реформа (2001 г.)</p>	<p>В 2001 г. вступили в силу Ламбермонтское и Ломбардское соглашения. Ламбермонтское соглашение передало некоторые полномочия сообществам и регионам. В соответствии с ним вопросы местного самоуправления и законодательства в провинциях, некоторые полномочия в области сельского хозяйства, рыболовства и внешней торговли были закреплены за регионами. Контроль за расходами на проведение выборов в национальный парламент и дополнительное финансирование политических партий были переданы сообществам и регионам. Кроме того, Ламбермонтское соглашение предусматривает ряд мер, связанных с финансированием сообществ и расширением фискальных полномочий регионов. Ломбардское соглашение изменило систему организации власти в Брюссельском столичном регионе. Шесть членов фламандского парламента стали избираться в Брюсселе напрямую. Также, согласно соглашению 2001 г., было изменено количество голосов, необходимое в каждой языковой группе в парламенте Брюссельского столичного региона для принятия некоторых региональных постановлений.</p>
<p>6-я государственная реформа (2011-2012 гг.)</p>	<p>Согласно шестой государственной реформе 2011 г., полномочия сообществ и регионов вновь пересматриваются. Так, некоторые компетенции в сфере медицинского обслуживания, предоставления первичной правовой помощи, исполнения наказания и уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних лиц передаются в сферу ответственности сообществ. Что касается регионов, их полномочия по вопросам организации дорожного движения и туризма были расширены. Важным изменением было предоставление регионам фискальной автономии: они получили право понижать и повышать налоги на региональном уровне, устанавливать дополнительные сборы. В результате реформы вновь был изменен состав Сената: теперь в него входят 60 сенаторов (50 из них избираются парламентами сообществ и регионов), а остальные 10 сенаторов – путем кооптации. Работа Сената также была ограничена: теперь его заседания проходят лишь восемь раз в год. Кроме того, в результате шестой государственной реформы произошло разделение избирательного округа Брюссель-Халле-Вилворде: Фламандский Брабант и Брюссель были выделены в отдельные избирательные округа.</p>

Результатом федерализации стал фактический распад страны на сообщества / регионы, который коснулся почти всех вопросов общественной жизни. По сути, в Бельгии нет общих медийного пространства, партийной, образовательной и других систем. При этом самое важное, что сепаратизм как проблема смягчился за счет федерализма и стал «респектабельным» и «интеллигентным». Можно говорить о достижении «перемирия» в отношении между фламандцами и валлонами, однако значительная часть решений носит промежуточный, временный характер (van Velthoven, 2012: 205-207).

Институционализация разделенности

Фактически за счет федерализации существенное число разделительных линий в Бельгии инкорпорировано в институциональную структуру общества. Так, систему образования контролируют языковые сообщества, которые и определяют образовательную программу. Та, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство этих самых разделительных линий. Например, программа преподавания истории во фламандских школах делает значительный упор на объяснении размежеваний между Фландрией и Валлонией, что проявляется в итоговых представлениях учеников (Van Havere, 2015: 278).

В Бельгии наблюдается очень четкое разделение на нидерландскоязычные и франкоязычные средства массовой информации, каждая из которых «обслуживают» «свою» аудиторию (соответственно на севере и на юге)⁷. Отсюда возникает любопытный феномен, связанный с тем, что валлоны и фламандцы не знают друг друга, не читают газеты друг друга, не смотрят телевидение друг друга, не слушают радио друг друга; в итоге им даже не о чем разговаривать (Verbeke, Euwema, 2010), так как они живут в своеобразном медийном «пузыре» (Sinardet, 2013). В результате фламандцы и валлоны мало институционально контактируют друг с другом. Как косвенное следствие этих процессов можно отметить низкий уровень заключенных браков между представителями нидерландскоязычной и франкофонной общин (около 0,48% в 2010 г. при гораздо большей вероятности межрасового или межконфессионального брака) (Van Leeuwen, Maas, Hin, Matthijs, 2019).

Партийная система страны также разделена по языковому признаку (см. Таблицу 2). Фактически в стране существуют отдельные региональные избирательные системы и самостоятельные региональные правительства (и правительства сообществ). А любые сложности, возникающие в двуязычных анклавах того или иного языкового сообщества по избирательным вопросам, традиционно трактуются представителями разных языковых групп как грубое посягательство на их право говорить на родном языке и голосовать за собственные этнические партии, что в конечном счете приводит к проведению дополнительных разделительных линий, например, в виде появления новых и деления старых избирательных округов (ван Истендал, 2021: 101-124).

По сути, современная партийно-политическая система Бельгии является отражением границ институционального разделения в стране. Голосование за политические партии выстроено по языковому признаку, при котором каждое из сообществ (нидерландскоговорящее, франкоговорящее и немецкоговорящее) голосует за свои этнические партии. Исключением является лишь Бельгийская партия труда, которая выступает в качестве общенациональной политической силы.

⁷ Monitoring Media Pluralism in the Digital Era. Country Report: Belgium. (2021) Centre for Media *Pluralism and Media Freedom*, p. 6. Available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/71938/belgium_results_mpm_2021_cmpf.pdf?sequence=1 (accessed 29 March 2023).

Таблица 2. Основные политические партии Бельгии⁸
Table 2. Main political parties in Belgium

Идеология	Бельгия	Фламандское сообщество	Французское сообщество	Немецкоговорящее сообщество
Правые регионалисты	-	«Новый фламандский альянс» (<i>Nieuw-Vlaamse Alliantie, N-VA</i>)	Демократическая независимая федералистская партия (<i>Démocrate fédéraliste indépendant, DéFI</i>)	«За немецкоговорящее сообщество» (<i>Pro Deutschsprachige Gemeinschaft, ProDG</i>)
		«Фламандский интерес» (<i>Vlaams Belang, VB</i>)		
Социалисты	«Партия труда» (<i>PvDA/PTB</i>)	«Вперед» (<i>Vooruit</i>)	«Социалистическая партия» (<i>Parti Socialiste, SP; Sozialistische Partei, SP</i>)	
Зеленые	-	«Зеленые» (<i>Groen</i>)	«Эколо» (<i>Ecolo</i>)	
Христианские демократы	-	«Христианские демократы и фламандцы» (<i>Christen-Democratisch en Vlaams, CD&V</i>)	«Верные» (<i>Les Engagés</i>)	«Христианская социальная партия» (<i>Christlich Soziale Partei</i>) - правоцентристская
Либералы	-	«Открытые фламандские либералы и демократы» (<i>Open Vlaamse Liberalen en Democraten, OpenVLD</i>)	«Реформаторское движение» (<i>Mouvement réformateur, MR</i>)	«Партия свободы и прогресса» (<i>Partei für Freiheit und Fortschritt, PFF</i>)

Несмотря на такую необычную конфигурацию партийных систем, существующий в стране партийный спектр вполне отражает основные тенденции общеевропейских политических трансформаций и в целом соответствует современным общественно-политическим процессам в других странах ЕС (Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2022). Так, в Бельгии присутствуют все основные типы современных европейских партий, которые в том или ином виде все еще можно расположить в рамках системы политических координат. Кроме того, здесь существуют и распространенные в ЕС практики недопущения правопопулистских партий к управлению страной. Например, к ним можно отнести т.н. санитарный кордон, который фламандские партии выстраивают вокруг «Фламандского интереса» (партии, которую СМИ именуют праворадикальной, хотя в целом она остается в рамках правопопулистской риторики). Наконец, условные регионалистские (в первую очередь фламандские) партии, т.е. силы, отстаивающие региональные политические интересы (прежде всего «Фламандский интерес» и «Новый фламандский альянс»), скорее

⁸ Источник: составлено автором.

инструментализируют сепаратистский дискурс. Их политическая риторика все больше походит на таковую среди других европейских правопопулистских партий с их антииммигрантской и антиистеблишментарной повесткой.

Таким образом, проблема современного непонимания и серьезного ценностного раскола между фламандцами и валлонами в Бельгии является в том числе следствием воздействия институционального фактора и того факта, что политики могут, с одной стороны, переоценивать остроту проблемы, а с другой – сознательно или подсознательно усугублять ее в рамках правил игры, продиктованных институциональной средой, в которой происходит процесс принятия политических решений. Косвенным доказательством этого утверждения можно считать рост сепаратистского дискурса в медиа в годы выборов или правительственных кризисов. Яркий пример – публичная риторика Барта де Вевера, лидера «Нового фламандского альянса», который неоднократно призывал к судьбоносным шагам в области государственного строительства, но фактически отказывался от собственных требований в случаях необходимости достижения коалиционного соглашения с франкоговорящими партнерами⁹. Потенциальную седьмую реформу федерации, о которой часто говорит лидер партии¹⁰, можно воспринимать в том же ключе.

Следовательно, националистическая и сепаратистская риторика в Бельгии используется в значительной степени как политическая технология (наряду с нативизмом и антиистеблишментарной повесткой дня), что сближает фламандских сепаратистов с классическими европейскими правопопулистскими партиями (хоть их бельгийская версия в значительной степени менее радикальна) (Осколков, 2017). То есть политические повестки дня фламандцев и валлонов практически не пересекаются, и сепаратистские партии выбираются фламандцами скорее из-за их экономической и антииммигрантской позиции, нежели из-за провозглашаемой задачи по разделению страны.

В результате, можно говорить о существовании так называемого фламандского парадокса (Xhardez, 2020), в соответствии с которым постепенный рост голосования за «сепаратистские» партии не сопровождается реальным усилением требований автономизации, не говоря уже о сецессии. Кроме того, *de facto* большинство фламандцев не стремится к обретению окончательной независимости.

Векторы ценностного раскола

Тем не менее, ценностный раскол в Бельгии существует, хоть и в каком-то смысле купируется текущим вариантом политической системы. Традиционно выделяют несколько направлений этого раскола между валлонами

⁹ Waarom De Wever zijn afspraak met de geschiedenis in 2024 zal missen. (2021) *De Morgen*, 8 October. Available at: <https://www.demorgen.be/nieuws/waarom-de-wever-zijn-afspraak-met-de-geschiedenis-in-2024-zal-missen~bbd99f6c/> (accessed 29 March 2023).

¹⁰ Breaking the silence: the future of power-sharing in Belgium. (2021) *Eurac Research*, 2 February. Available at: <https://www.eurac.edu/en/blogs/eureka/breaking-the-silence> (accessed 29 March 2023).

и фламандцами, которые оказывают влияние на политическую систему и политическую динамику: чувство сопричастности с собственным государством (ответ на так называемый вопрос Морено¹¹); отношение к монархии (фламандцы настроены более «республикански»), отношение к религии (валлоны воспринимаются как более секуляризованное общество), электоральное поведение (фламандцы обычно «правее», а валлоны обычно «левее») и ряд других (Billiet, Maddens, Frogner, 2010).

Можно утверждать, что принципиальные ценностные расколы в Бельгии сохраняются (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Некоторые направления ценностного разлома во Фландрии и Валлонии¹²

Table 3: Some directions of the value clivage in Flanders and Wallonia

	Фландрия	Валлония
Чувство сопричастности (Вы чувствуете себя..., 2014 г.)	Только фламандцем – 8,7% Больше фламандцем, чем бельгийцем – 18,4% Одинаково фламандцем и бельгийцем – 41,7% Больше бельгийцем, чем фламандцем – 8% Только бельгийцем – 23%	Только валлоном – 2,1% Больше валлоном, чем бельгийцем – 6,9% Одинаково валлоном и бельгийцем – 42,7% Больше бельгийцем, чем валлоном – 11,7% Только бельгийцем – 36,6%
Отношение к монархии	Общая поддержка монархии – 40–45% (60% в 1991 г.) Уровень одобрения короля Филипа – 28% (41% у Альберта в 2003 г.)	Около 65% в целом поддерживают монархию (59% в 1990 г., 70% в 2003 г.) Уровень одобрения короля Филипа: 37% (65% у Альберта в 2003 г.)
Политическое поведение на выборах	Голосование за «правые» партии в нидерландскоговорящем сообществе, 2014 г.: N-VA – 26,67%; 2019 г.: N-VA – 22,4% Vlaams Belang – 19,08%	Голосование за «левые» партии во франкоговорящем сообществе, 2014 г.: Parti Socialiste – 29,29%; 2019 г.: Parti Socialiste – 26,69% Ecolo – 19,91%
Прогнозы голосования на выборах 2024 г.	Vlaams Belang – 25,8% N-VA – 20,2% CD&V – 12,2%	Parti Socialiste – 21,8% PvDA – 19,8% MR – 19,7% Ecolo – 14,9%

Результатом подобного разделения является тот факт, что федерализация выступает в качестве сферы конкуренции между фламандцами и валлонами. В рамках существующей системы политические и экономические силы борются за более выгодное распределение финансовых, экономических и политических ресурсов, что и приводит к периодическим правительственным

¹¹ Вопрос Морено – вопрос, касающийся самоидентификации этнических групп внутри национальных государств. Пример вопроса – в табл. 3.

¹² Источник: составлено автором.

кризисам. Тем не менее институциональная среда способствует разрешению перераспределительного конфликта без полноценной угрозы распада государства.

Вопрос сохранения территориальной целостности Бельгии при нынешнем состоянии ценностного разлома, как представляется, в большей степени зависит от настроений элиты, чем от общественной динамики. В настоящее время нидерландскоговорящие и франкоговорящие бельгийские политические элиты тесно встроены в элиты Европейского союза, что добавляет им прав на получение политических и экономических дивидендов. Сохранение сепаратистской риторики при низком уровне практической реализации угроз окончательного разделения страны свидетельствует о том, что актуальное положение вещей вполне устраивает современные элиты. Потенциальный пересмотр параметров федерации возможен в силу подвижного характера системы, однако полный распад страны маловероятен в силу сохранения своеобразного элитного консенсуса и нежелания политиков разбираться с потенциальными последствиями (проблема членства в ЕС, проблема Брюсселя, проблема разноязычных сообществ и др.).

Современная динамика

Для иллюстрации подобных выводов уместно привести позиции ключевых политических партий (см. Таблицу 4). По результатам анализа можно прийти к однозначному выводу, что даже фламандские партии не стремятся к резкому отделению Фландрии от Бельгии (а именно такой вариант гипотетического распада государства видится основным). Наиболее радикально настроенная партия «Фламандский интерес» постоянно оказывается в тени гораздо менее резкого «Нового фламандского альянса», который, с одной стороны, перетягивает на себя часть сепаратистки настроенного электората, а с другой – аккумулирует голоса умеренно настроенных фламандцев. В их программе сочетаются неолиберализм и этнонационализм, хотя в целом организация идеологически сдвинулась в сторону либеральных партий (Xhardez, 2020). Вместе с тем, при попытках рассмотреть в *N-VA* продолжение фламандского сепаратистского движения, можно увидеть скорее тенденции к углублению децентрализации, чем путь к фактическому распаду страны (т.н. стратегия конфедерализации).

Таблица 4. Позиции бельгийских партий по вопросу сепаратизма¹³
Table 4: Views of Belgian parties on the issue of separatism

Партии	Позиции	Источники
Фламандские партии		
Новый фламандский альянс (<i>Nieuw-Vlaamse Alliantie; N-VA</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Не стремится к революции и стремительному отделению Фландрии от Бельгии; – Выступает за постепенное повышение эффективности государственной структуры и расширение автономии составных частей федерации: за передачу компетенций на уровень сообществ (в первую очередь, в области социально-экономической политики) и сокращение полномочий федерального уровня; – Идея «конфедерализма»: Бельгийская конфедерация, состоящая из Фландрии и Валлонии; в рамках Конфедерации Брюссельский столичный регион и немецкоязычный регион обладают особым статусом; ответственность Фландрии и Валлонии за собственные расходы и доходы. Предполагается создание «конфедеративного» парламента и правительства, состоящего из представителей Фландрии и Валлонии. Кроме того, в данном проекте предлагается совместное участие Фландрии и Валлонии (в рамках Бельгийской конфедерации) в проведении политики на уровне ЕС. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA)</i> (2015) Frequently asked questions. Available at: https://english.n-va.be/frequently-asked-questions (accessed 30 March 2023); – Confederalisme Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA) (n.d.). Available at: https://www.n-va.be/standpunten/confederalisme (accessed 30 March 2023). (доклад, подготовленный по итогам партийной конференции, где была разработана концепция «конфедерализма»).
Фламандский интерес (<i>Vlaams Belang; VB</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за создание независимого Фламандского государства. Утверждает, что Фландрия имеет право на независимую политику, на укрепление национальных интересов и сохранение финансовых средств, а также их самостоятельное распределение; – Критика в отношении текущего федеративного устройства Бельгии: нидерландскоязычное и франкоязычное население придерживаются разных взглядов практически по всем вопросам; отмечается неэффективность двухуровневой федерации (пересечение полномочий, сложный процесс принятия решений). Языковая граница де-факто является политической, социальной, правовой и культурной границей в современной Бельгии. В результате, затрудняется процесс принятия решений, интересы Фландрии ущемляются. Фландрия де-факто является финансовым донором для Валлонии. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Programa / Een onafhankelijk Vlaanderen</i>. Available at: <i>Vlaams Belang</i> (2022) <i>Programma</i>. Available at: https://www.vlaamsbelang.org/programma (accessed 30 March 2023).
Христианские демократы и фламандцы (<i>Christen-Democratisch en Vlaams; CD&V</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Исторически партия являлась одним из главных сторонников процесса федерализации, выступая за формирование Бельгийской «конфедерации» (однако четкая концепция последней не была выработана); – В настоящее время выступает за поддержание стабильности государственного устройства страны, последовательное и постепенное реформирование органов управления для повышения их эффективности, против отделения каких-либо частей страны; – Считает, что сообществам и регионам могут быть предоставлены дополнительные полномочия. В 2023 г. партия обновила сайт, и теперь в опубликованной программе вообще нет пунктов, посвященных вопросам сепаратизма, устройству федерации и роли регионов. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Visie Staatshervorming and democratie</i> (n.d.) Available at: https://www.cdenv.be/standpunten/visie-wij-geven-vorm/ (accessed 30 March 2023). Программные пункты на новой версии сайта: <i>cd&v</i> (n.d.) <i>Onze standpunten</i>. Available at: https://www.cdenv.be/onze_standpunten (accessed 30 March 2023).

¹³ Источник: составлено автором.

Открытые фламандские либералы и демократы (<i>Open Vlaamse Liberalen en Democraten; Open VLD</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – В 1960-х и 1970-х гг. партия (до 1992 г. – Партия Свободы и Прогресса, предшественник) позиционировала себя как защитник единства Бельгии; – В 1990-е гг. стала поддерживать автономию регионов при сохранении единства страны; – Рассматривает возможность передачи дополнительных полномочий на федеральный уровень. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Open Vld</i> (n.d.) Open Vld. Available at: https://www.openvld.be/ (accessed 30 March 2023).
Зеленые (<i>Groen</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Поддерживает укрепление федерации, предоставление особых полномочий регионам; подчеркивает важность сотрудничества Фландрии и Валлонии как двух территориальных единиц Бельгии; – Выступает за реформу федеративной системы; в долгосрочной перспективе регионам могут быть переданы полномочия сообществ с целью сокращения количества парламентов и правительств, а также повышения эффективности государственных структур; – Предлагается упразднение Сената и введение единого избирательного округа на федеральном уровне; – Подчеркивается необходимость административно-территориальной реформы во Фландрии и в Брюсселе; – Отмечает возможность передачи полномочий в стратегически важных сферах на федеральный уровень. Подчеркивается важность учреждения единых министерств в следующих областях: внешняя торговля, климат и энергетика, сотрудничество в целях развития и др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Groen</i> (n.d.) Staatshervorming. Available at: https://www.groen.be/staatshervorming (accessed 30 March 2023).
Социалистическая партия (<i>Vooruit / Socialistische Partij Anders</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за последовательное реформирование федеративной системы с целью повышения ее эффективности; – За продвижение нидерландского языка. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Vooruit</i> (n.d.) De weg vooruit is duidelijk. Ontdek onze standpunten. Available at: https://www.vooruit.org/standpunten (accessed 30 March 2023).
Валлонские партии		
Социалистическая партия (<i>Parti Socialiste</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за стабильную и устойчивую федерацию; – Против седьмой реформы федерации (2024): на данный момент Фландрия и Валлония обладают необходимыми полномочиями; – Подчеркивает важность сохранения связи между Фландрией и Валлонией при взаимодействии в таких сферах как политика, культура и т.д.; – Критика фламандского движения и скепсис в отношении их программ (в частности, <i>N-VA</i>). Слова лидера партии: «Фламандцы должны понимать, что если они когда-либо и объявят о независимости, то это произойдет без Брюсселя». 	<ul style="list-style-type: none"> – Интервью лидера партии Пола Магнетта: <i>La Libre</i> (2022) Paul Magnette ne veut pas de réforme de l'Etat en 2024. 18 June. Available at: https://www.lalibre.be/belgique/politique-belge/2022/06/18/paul-magnette-ne-veut-pas-de-reforme-de-letat-en-2024-6UB3UCQ4LFHQTFHSCBRM3JFFFY/ (accessed 29 March 2023).

<p>Социалистическая партия (<i>Parti Socialiste</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Против идеи «конфедерации», которую продвигают некоторые фламандские партии; – Против новой реформы федерации. <p>Принципы, на которых, должны проводиться реформы государственного устройства:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Поддержка федерального социального обеспечения, являющегося основой солидарности между «Севером и Югом»; – Повышение уровня координации между учреждениями франкоязычного сообщества; – Более эффективное распределение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти; укрепление взаимодействия между ними (отмечается, что эта необходимость ярко проявилась в период пандемии); – <i>PS</i> отмечает свое согласие на продолжение переговоров по вопросам разграничения компетенций между правительством немецкоязычного сообщества и правительством Валлонии. 	<p>– Программа партии (2024): <i>NationBuilder</i> (n.d.) Du Parti Socialiste. Available at: https://assets.nationbuilder.com/psbe/pages/2953/attachments/original/1708434441/Programme_PS_2024.pdf?1708434441 (accessed 29 March 2023).</p>
	<ul style="list-style-type: none"> – Поддержка федерализма; – Выступает за рационализацию и оптимизацию структур управления; – Поддерживает создание единого избирательного округа на федеративном уровне; – Разрабатывает проект «Бельгия 2030»: обязательное изучение нидерландского языка в Валлонии; – Критика в отношении реформы федерации 2024 г. и создания четырех регионов; – Слова лидера партии Ж.-Л. Буше: «Раскол Бельгии» = раскол между левыми и правыми, а не Фландрией и Валлонией. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>MR</i> (n.d.) Bonne gouvernance. Available at: https://www.mr.be/projet/bonne-gouvernance/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– Интервью лидера партии Жоржа-Луи Буше. Available at: <i>MR</i> (2022) Le MR plaide pour l'apprentissage obligatoire du néerlandais. Available at: https://www.mr.be/le-mr-plaide-pour-lapprentissage-obligatoire-du-neerlandais/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Реформаторское движение (<i>Mouvement Réformateur; MR</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – За более эффективное распределение компетенций между федеральным и региональным уровнями власти (в результате шести реформ система государственного управления стала слишком сложной); – Более эффективное распределение полномочий и повышение качества подотчетности разных уровней управления в социальной сфере; – Повышение уровня сплоченности и взаимодействия между жителями Валлонии и франкоязычными жителями Брюсселя; – За более четкое распределение полномочий между регионами и муниципалитетами; – За реформу Сената: трансформация его в орган, который будет принимать решения в области внешней политики, то есть без одобрения на иных уровнях федерации; кроме того, в нем будут приниматься решения о распределении полномочий; орган будет образовывать арбитражную палату в случае возникновения споров и разногласий между субъектами Федерации. 	<p>– Программа партии 2024 г. (со стр. 195): <i>MR</i> (n.d.) Programme Général 2024. Available at: https://www.mr.be/wp-content/uploads/2024/02/PROGRAMME-GEN-2024-1.pdf (accessed 29 March 2023).</p>

<p>Эколо (<i>Ecolo; Écologistes Confédérés pour l'organisation de luttes originales</i>)</p>	<p>– Ключевое место в повестке занимают экологические проблемы. Поддерживает федерализм, но считает его недостаточно эффективным, поскольку это создает сложности для осуществления энергетического перехода и реализации климатической политики;</p> <p>– Выступает за проведение реформ, включая упрощение административно-территориального устройства (за упразднение провинций), создание «межфедеральной» ассамблеи (<i>une assemblée interfédérale</i>) для решения важнейших вопросов и др.</p>	<p>– Официальный сайт партии: <i>Ecolo</i> (n.d.) Vision Belgique. Available at: https://ecolo.be/vision-belgique/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– Предложения партии по реформам: <i>Ecolo</i> (n.d.) Démocratie et gouvernance. Available at: https://ecolo.be/idees/faire-vivre-la-democratie/democratie-et-gouvernance/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Независимые демократы и федералисты (<i>Démocrate Fédéraliste Indépendant, DéFI</i>)</p>	<p>– «Федерализм – единственно возможная форма административно-территориального устройства Бельгии. Конфедератизм – лишь приманка». При этом полагает, что федеративное устройство должно стать более эффективным, для чего необходимо расширить участие граждан;</p> <p>– Выступает за целостность страны, критикует сепаратистские тенденции; скептически относится к новым реформам федерации;</p> <p>– Считает необходимым укреплять взаимодействие франкоязычного населения Валлонии и Брюсселя. Уверена, что на федеральном уровне интересы франкоязычного населения Бельгии ущемлены;</p> <p>– Выступает за установление двуязычного статуса в определенных муниципалитетах Фландрии, где большинство населения говорит по-французски, но официальным языком является нидерландский; за защиту права франкоговорящих жителей фламандских муниципалитетов использовать французский вместо нидерландского при решении административных вопросов.</p>	<p>– Официальный сайт партии: <i>DéFI</i> (n.d.) Porter une politique migratoire d'asile et d'accueil plus juste, pragmatique, et intransigeante sur les droits humains. Available at: https://www.defi.be/nos-idees/politique-migratoire-plus-juste/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– <i>DeFi</i>. (May 2021) Vers 2024. Remettre la Belgique en état... federal. Available at: https://www.defi.be/wp-content/uploads/0523_livret_axe_1_bd.pdf (accessed 29 March 2023). (доклад партии об административно-территориальном устройстве страны).</p>
	<p>Выделяет 10 ключевых идей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «Федерация» Валлонии и Брюсселя (<i>Fédérer Wallonie et Bruxelles</i>); 2. Федеративное государство как гарант безопасности существования; 3. Выведение любой будущей государственной реформы из порочного круга национализма; 4. Обеспечение равенства возможностей голландскоязычного и франкоязычного населения; 5. Закрепление за федеральным государством роли координирующей силы во время кризиса; 6. Сенат как орган проведения консультаций в Федеративной Бельгии; 7. Защита интересов франкоязычного населения во Фландрии и других районах; 8. Усиление пропорционального представительства и сокращение количества лиц, не пользующихся всеобщим избирательным правом (<i>Renforcer la représentation proportionnelle et réduire globalement le nombre de mandataires non soumis au suffrage universel</i>); 9. Укрепление и упрощение Брюссельского региона (<i>Fortifier et simplifier la Région bruxelloise</i>); 10. Закрепление в Конституции обязательного механизма формирования федерального правительства. 	<p>– Новая программа 2024: <i>DéFI</i> (n.d.) Nos publications. Available at: https://www.defi.be/nos-publications/ (accessed 30 March 2023).</p> <p>В ней выделяется 5 осей. Первая из них посвящена именно институциональным вопросам и федеративному устройству.</p> <p><i>DeFi</i>. (May 2021) Vers 2024. Remettre la Belgique en état... federal. Available at: https://www.defi.be/wp-content/uploads/0523_livret_axe_1_bd.pdf (accessed 29 March 2023).</p>

<p><i>Les Engagés</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> – За перераспределение компетенций в отдельных сферах (в том числе в области здравоохранения, климата, правосудия безопасности дорожного движения); – На федеральном уровне могут устанавливаться определенные рамочные цели, за достижение которых будут ответственны власти субъектов; – На федеральном уровне должна быть определена общая схема для бюджетных и финансовых вопросов, применимая ко всем образованиям Бельгии; – Сенат должен состоять из выборных представителей от разных субъектов федерации; – Упрощение федеративной системы; – Должно произойти слияние валлонских органов власти и франкоязычного сообщества (по примеру Фландрии, <i>Fédération Wallonie-Bruxelles</i>); – Решение вопроса о «раздутости» брюссельских учреждений. 	<p>– Программа партии 2024 г. (со стр. 562): <i>Les Engagés</i> (n.d.) Programme Élections 2024. Available at: https://www.lesengages.be/wp-content/uploads/2024/02/lesengages_programme2024_complet_2_v2.pdf (accessed 29 March 2023).</p>
<p>Партии немецкоязычного сообщества</p>		
<p>За немецкоязычное сообщество (<i>Pro Deutschsprachige Gemeinschaft; ProDG</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Ключевое место в программе занимает защита интересов немецкоязычного сообщества; поддержка автономии языковых сообществ; – Федеративное устройство является преимуществом Бельгии, позволяющим отстаивать интересы отдельных групп; считает необходимым повышение эффективности бельгийской федеративной системы; – Активно развивает сотрудничество с Фландрией. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>ProDG</i> (n.d.) Home. Available at: https://prodg.be/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Христианско-социальная партия (<i>Christlich-soziale Partei</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Исторически ключевыми пунктами программы являлись расширение автономии языковых сообществ, защита прав немецкоязычного населения и немецкоязычного сообщества; – Активное сотрудничество с Христианскими демократами Фландрии и Валлонии; – Поддерживает передачу дополнительных полномочий сообществам. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>csp-dg</i> (n.d.) CSP Ostbelgien Ziele. Available at: https://www.csp-dg.be/ziele (accessed 30 March 2023). – <i>CSP</i> (n.d.) Programm der Christlich Sozialen Partei. Available at: https://www.csp-dg.be/_files/ugd/b24477_9e0885c5e5ae4b34948f52504e7c0117.pdf (accessed 29 March 2023).</p>
<p><i>Vivant</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> – Ключевое место в повестке занимают предложения о проведении налоговой реформы (повышение НДС, отмена налога на труд и др.), введении базисного дохода (что вызывает сопротивление Фландрии), организации народных референдумов по важнейшим вопросам. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>Vivant</i> (n.d.) Programma. Available at: http://www.vivant.org/nl/programma (accessed 30 March 2023).</p>

Данные Таблицы 4 довольно наглядно показывают, что сепаратистский вопрос фактически ушел из политической дискуссии; его место заняла проблема более справедливого и эффективного государственного устройства. По мере приближения выборов 2024 г. в «сепаратистском дискурсе» также не наблюдается намеков на рост или развитие. Согласно данным *Google Trends*, поисковые запросы «независимость Фландрии», «сепаратизм», «переустройство Бельгии» (как на нидерландском, так и на французском языках) на территории страны крайне непопулярны, их интенсивность значительно ниже, чем в 2000-е годы.

Позиции современного партийного мейнстрима Бельгии демонстрируют, что проблема сепаратизма фактически не является центральной (Dandoy, Sinardet, 2021). Время от времени лидер «Нового фламандского альянса» Б. де Вевер заявляет о необходимости проведения новых реформ федерации, но это скорее говорит об использовании сепаратистской повестки в ситуативной политической риторике и борьбе. Реальное же положение вещей состоит в том, что нынешний партийный истеблишмент, вероятно, вполне устраивает сложившаяся институциональная структура гибкого федерализма. Даже в случае гипотетической победы «Нового фламандского альянса» на выборах и потенциального (крайне маловероятного) союза с «Фламандским интересом» можно ожидать скорее нового оживления дискуссий о движении политической системы в сторону конфедерации, нежели о каких-то реальных шагах в системной перестройке государственного управления. В прессе указываются следующие сферы, в которых потенциально могло бы произойти перераспределение полномочий: сфера здравоохранения, энергетика, управление водным хозяйством. Однако здесь необходимо учитывать тот факт, что большая часть населения может не поддержать такие реформы¹⁴.

Общественное мнение в Бельгии не на стороне сепаратистов. По данным последнего федерального опроса, предсказуемо более 60% валлонов выступают против отделения региона от Бельгии (см. Таблицу 5). Среди фламандцев лишь около 20% населения требуют отделения от Бельгии.

Таблица 5. Результаты опроса общественного мнения по вопросу потенциального раздела Бельгии (Вопрос: «Нужно ли разделить Бельгию на фоне результатов выборов 2019 г.?») ¹⁵

Table 5. Results of the public opinion poll on the potential partition of Belgium (Question: «Should Belgium be divided against the backdrop of the 2019 election results?») ¹⁵

	Фландрия	Валлония	Брюссель-столица	Всего Бельгия
Да	23%	13%	16%	19%
Нет	59%	66%	73%	63%
Не интересует	18%	21%	11%	18%

В данных условиях становится очевидно, что сепаратизм в современной Бельгии сохраняется в основном на уровне хозяйственного и ценностного разделения, а также в области политических риторике и технологий. Более того, современные общественно-политические трансформации в стране

¹⁴ Debat over België: zwiigende meerderheid doorbreekt de stilte (2021) *De Wereld Morgen*, 18 November. Available at: <https://www.dewereldmorgen.be/artikel/2021/11/18/debat-over-belgie-zwiigende-meerderheid-doorbreekt-de-stilte/> (accessed 29 March 2023).

¹⁵ Источник: *Exclusief onderzoek: kwart Vlamingen vindt dat België moet splitsen* (2019). Available at: https://www.hbvl.be/cnt/dmf20190531_04438449 (accessed 30 March 2023).

в большей степени определяются общеевропейскими тенденциями и проблемами, нежели традиционными для Бельгии противоречиями. Вместе с тем, преломление общих для всего ЕС трендов имеет свои особые региональные черты в бельгийском обществе. Например, общеевропейская тенденция отдавать все большее предпочтение популистским партиям, которая отражает набирающую силу антиистеблишментарную волну в Европе, в случае Бельгии по-разному выглядит во Фландрии и в Валлонии. В первой популярность постепенно набирает условно крайне правая партия «Фламандский интерес», а в Бельгии – условно крайне левая Партия труда.

Проблема сепаратизма нивелируется еще одним значимым фактором, который заключается в постепенном изменении этнического состава страны вследствие миграционных процессов. Данные Таблицы 6 демонстрируют, что лица с миграционным прошлым (мигранты первого и второго поколения) играют все более значимую роль в структуре населения Валлонии и Брюссельского столичного региона, оттеняя традиционные для страны этнические противоречия.

Таблица 6. Этнический состав населения регионов Бельгии, %¹⁶
Table 6: Ethnic composition of the population of Belgian regions, %

	Фландрия		Валлония		Брюссель-столица	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023
Коренные бельгийцы	81,7	73,7	69,9	64,7	31,8	23,4
Лица с миграционным прошлым	11,0	15,7	11,4	24,4	35,1	39,7
Граждане третьих стран	7,3	10,5	9,7	10,9	33,1	36,9

Несмотря на то, что доля лиц с миграционным прошлым во Фландрии гораздо ниже, чем в Валлонии, правый дискурс на севере страны постепенно смещается в сторону более острой оценки миграционных вопросов, чему, вероятно, способствует рост популярности правых популистов в соседних Нидерландах. Согласно опросам (см. Таблицу 7), миграция стала самой важной предвыборной проблемой во Фландрии в 2023 г. Правопопулистская партия «Фламандский интерес», известная своим сепаратистским прошлым, сегодня скорее ассоциируется с антимигрантскими заявлениями и аккумулирует значительную часть тех, кто озабочен этой проблемой.

¹⁶ Источник: расчеты автора по данным Statbel.

Таблица 7. Важнейшие проблемы, волнующие избирателей во Фландрии, 2023 г.¹⁷
Table 7. The most important issues of concern to voters in Flanders, 2023

	Фландрия целиком	Сторонники Фламандского интереса	Сторонники Нового фламандского альянса	Сторонники Христианских демократов и фламандцев
Миграция	24%	45%	34%	17%
Налоги	21%	27%	20%	18%
Экономика	21%	16%	23%	23%
Энергетика	18%	19%	14%	19%
Здравоохранение	15%	8%	9%	21%
Пенсии	14%	11%	14%	15%
Преступность	14%	25%	15%	17%
Социальное страхование	14%	10%	9%	19%
Функционирование демократии	13%	12%	15%	16%
Климат	11%	2%	11%	11%
Реформа государственного управления	7%	10%	14%	1%

Также можно обратить внимание на то, что значимость вопросов пересмотра государственного управления, которые оказывали серьезное воздействие на исход предыдущих федеральных выборов и влияли на дискуссии вокруг формирования правящих кабинетов и осуществления очередных раундов реформы федерации в стране, сегодня не являются приоритетными ни для Фландрии целиком, ни для правых избирателей.

Заключение

Проблема сепаратизма в Бельгии демонстрирует несколько важных особенностей этнических и языковых конфликтов в европейских странах в целом и в Бельгии в частности. Во-первых, можно констатировать историческую предопределенность многих этнических и языковых конфликтов, а также сепаратизма как явления. Вместе с тем, современное восприятие этих вопросов скорее основывается на внеисторическом контексте и проистекает из экономических, политических, социальных, а иногда сугубо психологических причин.

Во-вторых, степень остроты проблемы сепаратизма зависит от многих факторов, ключевыми из которых представляются фактор элит, экономический, внешний и институциональный факторы. И если первые три определяют генезис и ход конфликта, то последний, как видится, может отвечать за его купирование и / или самовоспроизводство. В частности, такой вывод вытекает из институциональной структуры современной Бельгии, которая

¹⁷ Источник: *De Stemming* (2023) Available at: https://brussels-school.be/sites/default/files/documents/DeStemming2023_Full.pdf (accessed 30 March 2023).

сохраняет базовые ценностные противоречия, как бы проводя их по кругу каждый избирательный цикл, но при этом обеспечивает относительно стабильное функционирование политической системы за счет подвижного характера федерации и запрограммированной возможности изменения ее параметров. Фактически современная бельгийская модель урегулирования этнических противоречий и снижения сепаратистских настроений построена не просто на федерализации страны, но на институционализации «разделенности» между фламандским и валлонским сообществами, при которой каждая из групп оказывается изолирована друг от друга.

В-третьих, на современном этапе сепаратизм становится политтехнологическим инструментом и скорее превращается в элемент предвыборной риторики, нежели является серьезным идеологическим принципом или убеждением. Проблема этнического сепаратизма отходит на задний план, переставая быть важным компонентом программ политических партий и объектом общественных споров, но при этом сохраняя свое значение для самоидентификации и определения ценностных различий во Фландрии и Валлонии. Сегодня при общественном выборе в Бельгии руководствуются иными проблемами, включая миграционный вопрос, экономический кризис и растущую дистанцию между властью и обществом. В то же время, с учетом общей инструментализации сепаратистского дискурса в стране, это не означает, что он не станет востребованным через какое-то время. По крайней мере в современную политическую систему Бельгии встроены элементы, необходимые для его потенциальной актуализации.

Список литературы

1. ван Истендал Г. (2021) *Бельгийский лабиринт, пер. с нидерл. В.В. Ошиса*. М.: Изд-во «Весь мир».
2. Нарочницкая Е.А. (2015) Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейской реальности. *Актуальные проблемы Европы* (6): 32–55.
3. Осколков П.В. (2017) Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе. *Современная Европа* (5): 54–62.
4. Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2023) К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий. *Мировая экономика и международные отношения* 67 (5): 57–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-57-68
5. Осколков П.В. (2021) Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? *Международная аналитика* 12(3): 59–71. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71.
6. Пиренн А. (2001) *Средневековые города Бельгии*. СПб.: Евразия.
7. Прохоренко И.Л. (2018) *Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза*. М.: ИМЭМО РАН.
8. Туров Н.Л. (2021) *Феномен сепаратизма в современном мире*. М.: ИНИОН РАН, 2021.
9. Alen A. (1993) 'Nationalism–Federalism–Democracy: The Example of Belgium', *European Review of Public Law* 5(1): 41–88.
10. Billiet J., Maddens B., Frogner A.-P. (2006) 'Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons'. *West European Politics* 29(5): 912–932.

11. Caluwaerts D., Reuchamps, M. (2015) 'Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?'. *Ethnopolitics* 14(3): 277–295.
12. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. (eds). (2022) *Belgian Exceptionalism: Belgian Politics Between Realism and Surrealism*. Routledge, 2022.
13. Cook B. A. (2002) *Belgium: A History*, Peter Lang.
14. Covell M. (1981) 'Ethnic conflict and elite bargaining: The case of Belgium'. *West European Politics* 4(3): 197–218.
15. Dandoy R., Sinardet D. (2021) 'The separatism debate in Flanders: Actors and Arguments', In A. Eppler, C. Jeffery (eds) *Qualified Autonomy and Federalism versus Secession in EU Member States*. Innsbruck: Lütgenau, pp. 187–201.
16. Erk J., Anderson L. M. (eds). (2010) *The paradox of federalism: Does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions?* Routledge.
17. Godefroid K. (1895) *La frontière linguistique en Belgique et dans le nord de la France*. In: *Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique*. Collection in-8°. Tome 48.
18. Heraclides, A. (2002). 'Partition, Autonomy, Secession : The Three Roads of Separatism'. *Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien* (34): 149–174.
19. Hooghe, L. (1993) *Belgium from Regionalism to Federalism*. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London.
20. Jennes G. (2014) 'Has Belgian Fiscal Decentralisation Reduced the Size of Government and Budget Deficit?'. Working Papers of VIVES – Research Centre for Regional Economics, Leuven.
21. Keating M. (2007) *Federalism and the Balance of Power in the European States*. OECD. Available at: <https://www.sigmaxweb.org/publications/37890628.pdf>.
22. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies*, New Haven: Yale University Press.
23. Medeiros M. (2017) 'The Language of Conflict'. *Ethnicities* 17(5): 627–645.
24. Mnookin R.H. (2007) 'Ethnic Conflicts: Flemings & Walloons, Palestinians & Israelis'. *Daedalus* 136(1): 103–119.
25. Nouwen R. (2020) 'De Romeinse weg Tongeren-Maastricht ter hoogte van Blaar'. *Tongerse Annalen* (2): 4–11.
26. Popelier P. (2020) 'How dynamic federalism sheds new light on the Belgian federalism-confederalism debate', *Fédéralisme Régionalisme*, 20. Available at: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=2041>.
27. Sinardet D. (2013) 'How Linguistically Divided Media Represent Linguistically Divisive Issues. Belgian TV-Debates on Brussels-Halle-Vilvoorde'. *Regional & Federal Studies* 23(3): 311–330.
28. Van Havere, T., Wils, K., Depaepe, F., Verschaffel, L. (2017) 'Flemish students' historical reference knowledge and narratives of the Belgian national past at the end of secondary education'. *London Review of Education* 15(2): 272–285. DOI: 10.18546/LRE.15.2.10
29. Van Leeuwen M., Maas I., Hin S., Matthijs K. (2019) 'Socio-economic modernization and enduring language barriers: choosing a marriage partner in Flemish communities, 1821–1913'. *The History of the Family* 24(1): 94–122.
30. van Velthoven P. (2012). *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte*. Soesterberg, Uitgeverij Aspekt.
31. Vandenberghe M. (2022) 'Power-Sharing and the Paradox of Federalism: Federalization and the Evolution of Ethno-Territorial Conflict in the Case of Belgium (1979–2018)'. *Ethnopolitics* 22(5): 485–506.
32. Verbeke A.-L., Euwema M. (2010) 'Negative and Positive Roles of Media in the Belgian Conflict: A Model for De-Escalation'. *Marquette Law Review* 139–171.
33. Vos L. (1998) 'Nationalism, Democracy and the Belgian State'. *Tijdschrift over de geschiedenis van de Vlaamse beweging* 57(2): 103–106.
34. Xhardez C. (2020) 'Divided Belgium: Flemish nationalism and the rise of pro-separatist politics', In C. Kostov (ed.) *Separatism and Regionalism in Modern Europe*. Berlin: Logos Verlag, pp. 33–157.

SEPARATISM IN BELGIUM: KEY FACTORS GOVERNING WALLOON-FLEMISH DISCREPANCIES

Dr **Egor A. SERGEEV** – Associate Professor, Department of World Economy, Associate Professor, Department of European and American Studies, Senior Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID 0000-0001-9964-9595. E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received January 18, 2024 Accepted February 25, 2024

Abstract: The study is devoted to a retrospective analysis of separatism in Belgium and its development given the existing ethnic conflict between Flemish and Walloons. The research depicts the historical and contemporary dynamics of the problem. The aim of the study is to identify major factors that contributed to aggravation of the ethnic conflict and institutionalization of separatism, as well as influenced the further transformation of the separatist discourse in the country. To achieve this goal, the author uses an interdisciplinary approach with the use of historic, political science and economic categories and methods. The methodological basis of the work is formed by modern theoretical views on the types and causes of separatist sentiments, as well as options and strategies for dealing with the problem. The study relies on qualitative historical methods, it also uses statistical analysis, data from sociological surveys, and analyzes a wide range of documents, including the programs of political parties. One might argue that the evolution of ethnic separatism in Belgium was influenced by the following factors: linguistic division (as a fundamental precondition of the conflict), the factor of elites (which determined the main vector of the separatist discourse), the external factor (which contributed to the formation of Flemish separatism), the economic factor (which gave an impetus to the institutionalization of the country's division) and the 'institutional' factor itself. The latter is understood as the formation of ethnic groups in the country that are actually isolated from one another at the expense of the development of a full-fledged system of regional and community institutions. This factor seems to be extremely important, as it contributed to the 'freezing' of the ethnic conflict and at the same time incorporated a large number of imbalances associated with ethnic division into the system of consociational democracy. As a result, the stabilization of the conflict was achieved at the expense of destabilizing the central government in the country. In the modern political system of Belgium, the separatist discourse is widely instrumentalized. The ideas of dividing the country and reforming the state structure are gradually losing their impetus due to the emergence of new problems (migration, economic crisis, anti-establishment sentiments) and changing priorities of the right-wing political forces.

Keywords: separatism, Belgium, federalization, Flanders, Wallonia, ethnic conflict, party system

References:

1. Alen A. (1993) 'Nationalism–Federalism–Democracy: The Example of Belgium', *European Review of Public Law* 5(1): 41–88.
2. Billiet J., Maddens B., Frogner A.-P. (2006) 'Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons'. *West European Politics* 29(5): 912–932.
3. Caluwaerts D., Reuchamps, M. (2015) 'Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?'. *Ethnopolitics* 14(3): 277–295.
4. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. (eds). (2022) *Belgian Exceptionalism: Belgian Politics Between Realism and Surrealism*. Routledge, 2022.
5. Cook B. A. (2002) *Belgium: A History*, Peter Lang.
6. Covell M. (1981) 'Ethnic conflict and elite bargaining: The case of Belgium'. *West European Politics* 4(3): 197–218.
7. Dandoy R., SinarDET D. (2021) 'The separatism debate in Flanders: Actors and Arguments', In A. Eppler, C. Jeffery (eds) *Qualified Autonomy and Federalism versus Secession in EU Member States*. Innsbruck: Lütgenau, pp. 187–201.
8. Erk J., Anderson L. M. (eds). (2010) *The paradox of federalism: Does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions?* Routledge.
9. Godefroid K. (1895) La frontière linguistique en Belgique et dans le nord de la France. In: *Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique*. Collection in-8°. Tome 48.
10. Heraclides, A. (2002). 'Partition, Autonomy, Secession : The Three Roads of Separatism'. *Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien* (34): 149–174.
11. Hooghe, L. (1993) Belgium from Regionalism to Federalism. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London.
12. Jennes G. (2014) 'Has Belgian Fiscal Decentralisation Reduced the Size of Government and Budget Deficit?'. Working Papers of VIVES – Research Centre for Regional Economics, Leuven.
13. Keating M. (2007) *Federalism and the Balance of Power in the European States*. OECD. Available at: <https://www.sigmaxweb.org/publications/37890628.pdf>.
14. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies*, New Haven: Yale University Press.
15. Medeiros M. (2017) 'The Language of Conflict'. *Ethnicities* 17(5): 627–645.
16. Mnookin R.H. (2007) 'Ethnic Conflicts: Flemings & Walloons, Palestinians & Israelis'. *Daedalus* 136(1): 103–119.
17. Narochnickaya E.A. (2015) 'Mnogoobraznyj separatizm: Problema tipologii i evropejskoj real'nosti' [Diverse Separatism: The Problem of Typology and European Reality], *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* (6): 32–55. (In Russian).
18. Nouwen R. (2020) 'De Romeinse weg Tongeren-Maastricht ter hoogte van Blaar'. *Tongerse Annalen* (2): 4–11.
19. Oskolkov P.V. (2021) 'Etnoregional'nyj separatizm v Evrope: dezintegraciya protiv integracii?' [Ethnoregional separatism in Europe: disintegration vs. integration?]. *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]* 12(3): 59–71. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71 (In Russian).
20. Oskolkov P.V. (2017) 'Pravyj populizm v stranah Benilyuks v sravnitel'noj perspektive' [Right-wing populism in the Benelux countries in a comparative perspective], *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* (5): 54–62. (In Russian).
21. Oskolkov P.V., Tevdoj-Burmuli A.I. (2023) 'K voprosu o diskursivnyh parametroh tipologizacii politicheskikh partij' [To the question of discursive parameters of the typologization of political parties]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]* 67(5): 57–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-57-68 (In Russian).
22. Pirenne, A. (2001) *Srednevekovye goroda Bel'gii [Medieval Cities of Belgium]*. Saint-Petersburg, Eurasia. (In Russian)

23. Popelier P. (2020) 'How dynamic federalism sheds new light on the Belgian federalism-confederalism debate', *Fédéralisme Régionalisme*, 20. Available at: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=2041>.
24. Prohorenko I.L. (2018) *Evropejskaya integraciya i problema separatizma v gosudarstvachlenah Evropejskogo soyuza [European integration and the problem of separatism in the member states of the European Union]*. Moscow, IMEMO RAN. (In Russian).
25. Sinardet D. (2013) 'How Linguistically Divided Media Represent Linguistically Divisive Issues. Belgian TV-Debates on Brussels-Halle-Vilvoorde'. *Regional & Federal Studies* 23(3): 311–330.
26. Turov N.L. (2021) *Fenomen separatizma v sovremennom mire [The Phenomenon of Separatism in the Modern World]*. Moscow, INION RAN.
27. Van Havere, T., Wils, K., Depaepe, F., Verschaffel, L. (2017) 'Flemish students' historical reference knowledge and narratives of the Belgian national past at the end of secondary education'. *London Review of Education* 15(2): 272–285. DOI: 10.18546/LRE.15.2.10.
28. Van Istendael, G. (2021) *Bel'gijksjij labirint [The Belgian Labirinth]*. Moscow, Ves' Mir Publishing. (In Russian).
29. Van Leeuwen M., Maas I., Hin S., Matthijs K. (2019) 'Socio-economic modernization and enduring language barriers: choosing a marriage partner in Flemish communities, 1821–1913'. *The History of the Family* 24(1): 94–122.
30. van Velthoven P. (2012). *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte*. Soesterberg, Uitgeverij Aspekt.
31. Vandenberghe M. (2022) 'Power-Sharing and the Paradox of Federalism: Federalization and the Evolution of Ethno-Territorial Conflict in the Case of Belgium (1979–2018)'. *Ethnopolitics* 22(5): 485–506.
32. Verbeke A.-L., Euwema M. (2010) 'Negative and Positive Roles of Media in the Belgian Conflict: A Model for De-Escalation'. *Marquette Law Review* 139–171.
33. Vos L. (1998) 'Nationalism, Democracy and the Belgian State'. *Tijdschrift over de geschiedenis van de Vlaamse beweging* 57(2): 103–106.
34. Xhardez C. (2020) 'Divided Belgium: Flemish nationalism and the rise of pro-separatist politics', In C. Kostov (ed.) *Separatism and Regionalism in Modern Europe*. Berlin: Logos Verlag, pp. 33–157.

ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН – УЧАСТНИЦ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ НА ФОНЕ КРИЗИСОВ 2020-Х ГГ.

Михаил ВЕДЕРНИКОВ
Институт Европы РАН

Аннотация: На данный момент Вишеградская группа (В4), объединяющая четыре пост-социалистических государства (Венгрию, Польшу, Словакию, Чехию), является наиболее узнаваемым, влиятельным и долгоживущим региональным образованием в Центральной Европе. Впрочем, в последние годы на фоне особого внутривнутриполитического развития и внешних шоков «четверка» вступила на путь перманентного кризиса, который проявился в затухании многих традиционных форматов сотрудничества. В этой связи цель статьи – проанализировать фундаментальные причины начавшейся трансформации, обозначить глубину возможных перемен и обрисовать перспективу последующего центральноевропейского взаимодействия. Отмечено, что с момента образования группы в 1991 г. ее деятельность была нестабильна: за временем бурной активности наступали периоды зстоя. Чередование этапов зависело от множества факторов: политических предпочтений политиков; появления повестки, спланивающей интересы всех четырех государств; благоприятных внешних условий и др. Сделан вывод, что В4 сумела продержаться «на плаву» в течение более 30 лет также за счет организационной аморфности объединения, участия в ее работе множества политических акторов (подчас с противоположными взглядами) и получения странами-участницами определенной добавленной стоимости от сотрудничества. На руку «четверке» играл приобретенный за годы функционирования имидж, в том числе негативного свойства. Впрочем, как показано в работе, к моменту начала Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. внутри группы был накоплен обширный пласт противоречий, который открыто дал о себе знать сокращением традиционных форматов сотрудничества, реконfigurацией моделей внутривнутригруппового взаимодействия и началом дискуссий о грядущей трансформации объединения.

В исследовании поставлен вопрос о «кризисе Вишеграда» как окне возможностей, с одной стороны, для отдельных центральноевропейских государств (Польша, Чехия), заявляющих о политических амбициях на фоне глобальной пересборки, с другой – для других региональных объединений («Инициатива трех морей», Бухарестская девятка). Сделан прогноз, что произошедшие в конце 2023 г. политические перемены в некоторых странах – участницах В4 не приведут к смене обозначенных трендов в развитии Вишеградской группы. Ее участники будут стремиться свести деятельность группы к трансграничному сотрудничеству, взаимодействию гражданских обществ.

Михаил Владимирович Ведерников – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН.
ORCID 0000-0002-5046-719X. E-mail: vishma@mail.ru
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

Поступила в редакцию: 26.02.2024

Принята к публикации: 13.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01204, <https://rscf.ru/project/23-78-01204/>.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Центральная Европа, Специальная военная операция (СВО), региональная интеграция

После «бархатных революций» конца 1980-х гг. на пространстве центральноевропейского региона образовался политический вакуум, вызванный полным разрывом с прежними политико-экономическими структурами, которые ранее ориентировались исключительно на Советский Союз. В условиях озвученного пришедшими к власти диссидентами-революционерами курса на «возврат в Европу» уже в постсоциалистических государствах стали возникать различные региональные объединения, которые были призваны восполнить утраченные механизмы взаимодействия и способствовать реализации программы по интеграции в евроатлантические структуры (ЕС и НАТО). Наиболее заметной структурой, появившейся на свет в 1991 г., стала Вишеградская группа, которая объединила сначала три, а после «нежного развода» чехов и словаков в 1993 г. четыре государства: Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию. В договоре о ее создании была зафиксирована цель по достижению «полноценной вовлеченности в европейскую политическую и экономическую систему», также подчеркивались основы межгосударственного сотрудничества. Они сводились к «координации усилий с учетом национальных особенностей для повышения шансов на достижение желаемых целей»¹.

После 2004 г., когда все участники «четверки» (В4) стали полноценными членами ЕС и НАТО, ее деятельность не была приостановлена. 12 мая 2004 г. была подписана Кромержижская декларация, где были обозначены новые приоритеты, впрочем, достаточно расплывчато и без подробностей: «Сотрудничество будет основываться на конкретных проектах и иметь гибкий характер»². Отсутствие детализации взаимодействия, с одной стороны, не накладывало прямых обязательств на участников, с другой – давало возможность подстроить деятельность группы под определенную задачу. Выбранная парадигма вела к тому, что деятельность объединения имела скачкообразный характер – за периодами активизации следовало временное угасание В4. Однако такой вариант функционирования до недавнего времени не ставил

¹ *Visegrad group* (1991) Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (accessed 17 October 2023).

² *Visegrad group* (2004). Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1> (accessed 17 October 2023).

вопрос о скором конце вишеградского сотрудничества, наоборот, он рассматривался как залог неуязвимости «четверки». Явное изменение подходов произошло в начале 2020-х гг., когда стали отчетливо слышны голоса скептиков В4, заявлявших о распаде группы.

Начало Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. обозначило качественное изменение наполнения сотрудничества в рамках объединения, одним из поводов для которого стала позиция Венгрии по поставкам вооружения и военной техники киевскому режиму. Она свидетельствовала не только о появлении разногласий по отдельному вопросу повестки дня между странами – участницами В4, но и демонстрировала ее глубинные проблемы, накопившиеся более чем за 30 лет существования.

Изучение вишеградского феномена находилось в центре пристального внимания как центральноевропейских политологов, так и их коллег за пределами «четверки». Бум исследований пришелся на время после интеграции четырех государств в ЕС и НАТО в 2004 г. Политологи стремились изучить обстоятельства регионального взаимодействия, позволившие участникам объединения одновременно вступить в ЕС и НАТО. Впоследствии примечательно усиление интереса к тематике на фоне активизации деятельности В4 или нахождения ее в центре общественного внимания. Взрывной рост научных работ произошел в ходе миграционного кризиса 2015–2017 гг., когда «четверка» впервые в своей истории проявила способность прямо влиять на вырабатываемые в Брюсселе решения. Говоря о наполнении и характере научных изысканий, следует их сгруппировать в соответствии со взглядами авторов на значение и место В4 в Центральной Европе и Евросоюзе. Вполне уместно обозначить 1) оптимистичное, 2) реалистичное и 3) пессимистичное направления вишеградских исследований.

Для первого подхода свойственно преувеличенное восприятие Вишеградской группы как политического актора, который оказывает существенное влияние на выработку решений в ЕС. Также придается завышенное значение «четверке» в глазах евробюрократов. В то же время подобные серьезные выводы не подтверждаются примерами реального воздействия «четверки» на формирование европейской политики. Зачастую авторы подобных работ перечисляют общеизвестные факты, не анализируют доступные источники, используют абстрактную фразеологию и, как итог, создают искаженную картину вишеградского сотрудничества (Strážay, 2018; Оленченко, Межевич, 2021).

Представители реалистичного направления избегают преувеличения значения В4, обозначают как сильные, так и слабые стороны объединения. Для подобных исследований характерен анализ деятельности группы через оптику сложной истории региона, зажатого на пространстве между Германией и Россией и вынужденного искать особые пути для обозначения своего места в европейской политике (Шишелина, 2010). В связи с этим важное место занимают вопросы, касающиеся трансграничного и экономического сотрудничества (Четверикова, 2022), складывания вишеградской идентичности (Csaba, 2016; Křen, 2019), формирования специфического политического стиля

(Ведерников, 2017) и особенностей позиционирования группы в европейской политике (Зверева, 2019; Шишкина, Мамедова, 2023; Хотивришвили, 2023). Примечательно, что «четверка» в этих работах выступает зачастую «вещью в себе» вне зависимости от результатов ее деятельности, достигнутых успехов и признания ее веса иными внешнеполитическими акторами. Даже несмотря на бесперспективность некоторых проектов В4, ограниченность ее потенциала в отдельных сферах политики и экономики, исследователи не останавливаются на продвижении вишеградской идеи.

Третья группа авторов имеет склонность сомневаться в историческом значении группы, ее влиянии на процесс интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО и перспективах ее дальнейшего существования (Достал, 2020; Никитин, 2020). Примечательно, что работы представителей этого лагеря изначально не были широко представлены в научной среде, поскольку сложился широкий консенсус относительно В4 как константы европейской политики и ее месте в трансформации постсоциалистических государств. Однако на фоне событий начала 2020-х гг. лагерь скептиков вишеградского сотрудничества стал заметно увеличиваться, что проявилось в распространении утверждений о «закате Вишеградской группы»³, «сильнейшем кризисе с момента возникновения объединения»⁴. Научный сотрудник варшавского Центра международных отношений Е. Смолар отмечал: «Ширятся политические и культурные различия стран В4... былая романтика прошла»⁵.

На фоне ослабления вишеградского сотрудничества, которое совпало с «поликризисным» трендом мирового развития начала 2020-х гг., стоит проанализировать нынешнее состояние данного регионального объединения. Необходимо определить реальные причины упадка «четверки», обозначить актуальные направления сотрудничества и обрисовать перспективы дальнейшего функционирования объединения.

Особенности вишеградского стиля

За более чем 30 лет существования объединения направление его деятельности несколько раз кардинально видоизменялось и существенно дополнялось. После завершения интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО⁶ во внутреннем измерении групповые усилия были переориентированы

³ *PRINCEPS Advisory s.r.o.* (2023) CEE expert Pavlína Janebová: The decline of the V4 has created space for its individual members. Available at: <https://www.princepsadvisory.com/post/cee-expert-pavl%C3%ADna-janebov%C3%A1-the-decline-of-the-v4-has-created-space-for-its-individual-members> (accessed 17 October 2023).

⁴ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

⁵ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

⁶ *Visegrad group* (1999). Contents of Visegrad Cooperation approved by the Prime Ministers' Summit Bratislava on 14th May 1999. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412> (accessed 17 October 2023).

на работу межправительственных групп и углубление трансграничного сотрудничества, которое должен был поощрять созданный в 2001 г. Международный вишеградский фонд. На внешнем треке «четверка» демонстрировала стремление способствовать евроинтеграции стран Западных Балкан и Восточной Европы. В одном из документов В4, опубликованных в 2005 г., прямо отмечалось, что «объединение может формировать общую внешнюю политику ЕС в отношении соседних регионов – Украины, других стран СНГ и Западных Балкан. Такой вклад мог бы помочь этим государствам приблизиться к европейским ценностям и укрепить демократические процессы»⁷. Впрочем, для продвижения данного курса было недостаточно политического влияния четырех центральноевропейских стран, поэтому многое зависело от действий Брюсселя: торможение в интеграционном процессе вело к затуханию практической деятельности В4 по этому треку, и наоборот. Научный сотрудник венгерского Института иностранных дел и торговли А. Орос подтверждает: «Страны – участницы “четверки” способствовали росту интереса к этой тематике, но они не формировали повестку, а только следовали за курсом ЕС» (Orosz, 2017).

Косвенным успехом группы стало вступление Хорватии в Евросоюз, итоговое решение о котором пришлось на председательство Венгрии и Польши в Совете ЕС в течение 2011 г. Однако настоящим звездным часом В4 стал миграционный кризис 2015–2017 гг., когда страны сумели выступить единым фронтом против обязательного распределения беженцев на их территории (Хотивришвили, 2023). «Бунт Вишеграда», отражавший помимо прагматичных обстоятельств также неудовлетворенность стран-участниц своим положением в рамках ЕС, возвысил политическое влияние объединения, поскольку принятые впоследствии решения в Брюсселе прямо соответствовали интересам группы. Однако за ослаблением данного кризиса последовало снижение активности В4. Впрочем, на тот момент данный формат регионального сотрудничества открыто не подвергался сомнению ввиду накопившегося к тому времени у него мощного репутационного капитала.

Важно иметь в виду, что взаимодействие в рамках В4 всегда было неравномерно и его интенсивность зависела от множества факторов: личного отношения политиков к объединению, состояния межгосударственных отношений, наличия актуальной повестки, которая соответствовала интересам стран-участниц и др. При появлении таких обстоятельств сотрудничество развивалось точечно, в малых объемах, и в какой-то момент оно могло вообще приостановиться. Несмотря на широко распространенное восприятие «доЕСовского» периода существования В4 как истории успеха, отметим, что в конце 1993 г., как пишет чешский политолог Л. Лукашек, она «вообще перестала существовать... из-за возобладавшего индивидуализма

⁷ *Visegrad group* (n.d.) Programme for the Hungarian presidency of the Visegrad Group 2005/2006. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/2005-2006-hungarian-110412> (accessed 17 October 2023).

в интеграционных амбициях со стороны Чехии и Венгрии» (Lukášek, 2010). Чешский премьер-министр В. Клаус считал В4 «размытой концепцией», создававшей зону отчуждения между Востоком и Западом. По его мнению, ее участники «произносили громкие речи, делали неоднозначные заявления и затем уходили на очередные бессмысленные встречи» (Klaus, 1997). Примечательно, что реанимация В4 произошла в 1998 г. после внутривосточных перемен в странах-участницах, улучшения двусторонних отношений и появления вызывающей взаимный интерес повестки, где совместные усилия могли принести добавленную стоимость. Речь прежде всего идет о Мадридском саммите Североатлантического альянса в 1997 г., на котором Венгрия, Польша и Чехия были приглашены к переговорам по вступлению в НАТО. Если в конце 1990-х гг. сотрудничество между государствами в военной сфере способствовало реализации цели по вступлению в военно-политический блок, то, как указывает Лукашек, в вопросе интеграции в ЕС страны – участницы В4 действовали самостоятельно. «Вступление всех четырех стран 1 мая 2004 г. в Евросоюз было скорее результатом индивидуального подхода, чем итогом скоординированного сотрудничества. Хотя по вопросу евроинтеграции была создана площадка для переговоров между представителями верховной власти, на ней происходил лишь обмен мнениями, что не вело к гармонизации или координации общей повестки» (Lukášek, 2010).

Несмотря на существование подобного мнения, в исследовательской среде существует противоположная тенденция складывать достижения отдельных стран и полученную сумму выставлять как успех всего объединения. Подобный прием искажал картину реального состояния вишеградского сотрудничества и значения «четверки» как политического и экономического института. Примечательно, что в научных исследованиях практически не ставился вопрос об эффективности группы, достигнутых результатах и последствиях ее деятельности. Очевидно, что все крупные внешнеполитические акции «четверки», за исключением демарша во время миграционного кризиса, не были успешно реализованы. Отчасти это было связано с тем, что после 2004 г. не существовало достаточно областей соприкосновения и даже там, где интересы пересекались, обнаруживались противоречия, которые приходилось сглаживать и искать компромиссы. Так, в центральном вопросе по расширению ЕС Польша традиционно выступала за евроинтеграцию Украины, в то время как Венгрия и Словакия были заинтересованы в поддержке, прежде всего, западнобалканских государств. Полное согласие наблюдалось в области трансграничного сотрудничества по вопросам совместной инфраструктуры, энергетики, экономики и сплочения жителей В4. Вполне возможно, что отношения в этих сферах могли благоприятно развиваться и на двусторонней основе без привлечения В4.

Несомненным является то, что за более чем 30 лет сформировался узнаваемый политический бренд, который признавался и считывался ведущими государствами евроатлантического пространства. Так, лидеры Соединенных Штатов, Франции, Германии, Великобритании и др. не избегали встреч

с представителями «четверки» для обсуждения проблем Центральной Европы. За это время за регионом, очерченным государственными границами четырех государств, закрепилось обозначение как вишеградский, страны на страницах СМИ и в общественных дискуссиях идентифицировались как вишеградские, а венгерский историк Р. Киш-Семан счел уместным говорить о появлении нового типа европейца *“Homo Visegradicus”* (Kiss-Szemán, 2006). Ведущий отечественный специалист по В4 Л.Н. Шишелина ввела в научный оборот термин «Вишеградская Европа». Формирование образа «четверки», по ее мнению, стало возможно за счет неизменного политического стиля поведения, который она обозначила как стабильный «критический настрой». Она пишет: «Возникнув как диссидентский проект... В4 продолжает оставаться отчасти таковым и внутри ЕС... Если идея диссидентства исчезнет, пропадет и необходимость совместных действий...» (Шишелина, 2021).

В качестве одной из важных черт группы обозначались ее стрессоустойчивость и долголетие благодаря приобретенной способности адаптироваться к изменяющимся внешним условиям и новым вызовам. Показательно, что негативные стороны объединения (неформальный характер, отсутствие органов управления и ряд других) в контексте В4 оценивались как факторы, укрепляющие основы группы, предоставлявшие ей пространство для маневра. В то же время, рассуждая об отказе представителей В4 от институционализации группы, отечественный словакист В.В. Никитин приводил пример, что существовавшая Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словакией и Россией была более институционализированным объединением. Соответственно, словацко-российские отношения формально находились на более высоком уровне правовой регламентации (Никитин, 2020).

Противоречивость В4 не отменяет факта уникальности данного формата регионального сотрудничества, позволившего обозначить особое место стран Центральной Европы в рамках евроатлантического сообщества. Впрочем, за три десятилетия вишеградский проект накопил заметный груз противоречий, которые в полной мере проявились в начале 2020-х гг.

Особенности кризиса В4 начала 2020-х гг.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному при поддержке Вишеградского фонда в 2021 г., большинство респондентов считали важным продолжать сотрудничество в рамках «четверки». Но существовали заметные расхождения по странам: наибольшую поддержку В4 имела в Венгрии (82%), за ней следовали Словакия (78%), Чехия (71%), на последнем месте расположилась Польша (59%). Примечательно, что там только 49% опрошенных знали о существовании группы, 34% – слышали, но не имели представления о ее конкретной деятельности (Gyárfášová, Mesežnikov, 2021). Также показательно, что интерес к В4 с 2015 г., т.е. с момента миграционного кризиса, значительно возрос – в Венгрии, например, в 2,5 раза (с 26% до 69%). В то же время жители стран-участниц считали важным развивать отношения между

государствами, прежде всего, в таких областях (далее в порядке приоритетности), как торговля, туризм, безопасность и оборона, развитие трансграничной инфраструктуры, внешняя политика, здравоохранение. Впрочем, как отмечали словацкие политологи О. Дьярфашова и Г. Месежников, несмотря на самый высокий уровень поддержки со стороны общества вишеградского формата регионального сотрудничества за все время наблюдений, многое в судьбе В4 зависело от внутривластных процессов на национальном уровне. Приход во власть критиков «четверки» или тех, кто не придавал этому формату должного внимания, мог привести к ослаблению взаимодействия.

Начало реконфигурации Вишеградской группы связано с победой на парламентских выборах сначала в Словакии в 2020 г., а затем в 2021 г. в Чехии либеральных сил, которые не скрывали своего критического настроения по отношению к правоконсервативным правительствам в Польше и Венгрии.

Чешский аналитик В. Достал накануне словацкого общенационального голосования в феврале 2020 г. следующим образом характеризовал «четверку»: «Сегодня она носит ярлык несолидарного и токсичного объединения в Евросоюзе, где Польша и Венгрия демонстрируют пренебрежение к верховенству права, тем самым усиливая ее негативный имидж»⁸. Коалиционный кабинет Словакии под руководством И. Матовича (март 2020 – март 2021 гг.) и его преемника Э. Хегера (апрель 2021 – май 2023 г.), выступая критически в отношении Варшавы и Будапешта из-за их противоречий с Брюсселем, до определенного момента был в одиночестве и не предпринимал отрывных демаршей. Более того, на фоне разразившегося коронакризиса интересы В4 совпали по вопросу получения дополнительных средств из бюджета ЕС для постпандемического восстановления. По итогам 2020 г. В. Никитин оценивал общие усилия «четверки» следующим образом: «дипломатия стран Вишеградской группы добилась на европейском направлении впечатляющих результатов...» (Никитин, 2020).

В 2020–2021 гг. несколько иных обстоятельств также позволяли поддерживать активность В4 на высоком уровне. Во-первых, с лета 2020 г. ротационные председательства возглавляли сначала Польша, а затем Венгрия, которые были заинтересованы в использовании объединения для продвижения своих внешнеполитических приоритетов. Во-вторых, первая половина 2021 г. ознаменовалась торжественными мероприятиями по случаю 30-летнего юбилея группы. Принятая в Кракове декларация стала одним из самых содержательных документов «четверки», где была зафиксирована ее роль как «платформы для активного продвижения общих интересов»; подчеркивалась «решительная поддержка евроинтеграции стран Западных Балкан»

⁸ *Asociace pro mezinárodní otázky* (2019) Dostál V. Změni se maďarský Visegrád na polský? Available at: <https://www.amo.cz/cs/nove-horizonty-cesko-polske-spoluprace/zmeni-se-madarsky-visegrad-na-polsky/> (accessed 17 October 2023).

и развитие программы «Восточного партнерства»⁹. В-третьих, устойчивость В4 обеспечивалась установившимися за долгие годы личными доверительными отношениями между главами кабинетов А. Бабишем (Чехия), В. Орбаном (Венгрия) и М. Моравецким (Польша).

Заметный сдвиг в вишеградском сотрудничестве произошел после парламентских выборов в Чехии осенью 2021 г., в ходе которых успех сопутствовал либеральной коалиции во главе с П. Фиалой. Поражение скандального премьера А. Бабиша, которого его оппоненты обвиняли в «нелиберальном повороте» и углубившемся процессе «эрозии демократии» (Hanley, Vachudova, 2018), привел к появлению в «четверке» двух фракций. Э. Хегер, осознавая появляющийся раскол, отмечал: «Менталитет Чехии и Словакии не тождественен, но очень похож. Для Венгрии и Польши свойственен несколько иной образ мысли, присущий большим нациям»¹⁰. Чешский министр по делам ЕС М. Бек говорил более прямолинейно: «Прага и Братислава играют по другим нотам, нежели наши коллеги по "четверке" ... в этой связи пропадает осмысленность сотрудничества в рамках В4»¹¹. На фоне таких тенденций политолог П. Креко прогнозировал трансформацию В4 в «В2+В2»: «Словакия и Чехия будут все больше смотреть на запад и стремиться улучшить свои позиции в ЕС, в то время как Венгрия и Польша продолжат борьбу с ЕС»¹².

В полной мере накапливавшиеся противоречия дали о себе знать после начала Специальной военной операции на Украине (СВО) в феврале 2022 г. Хотя все страны выступили с осуждением Москвы, заявили о поддержке Киева и готовности оказать ему помощь, в ключевом вопросе о поставках военной техники и вооружения позиция Венгрии принципиально отличалась от партнеров по «четверке». В. Орбан, призывая сохранять «стратегическое спокойствие», отчетливо дал знать, что в период своего нахождения у власти не допустит передачи оружия: «Оно вполне может быть использовано и для стрельбы по венграм, проживающим в Закарпатье... вдобавок у нас нет лишнего вооружения»¹³. Показательно, что 24 февраля, в первый день начавшегося конфликта, В4 не опубликовала совместного заявления, хотя в этот день проходила встреча министров внутренних дел объединения с французским коллегой. В то же время президент Украины В.А. Зеленский, призывая

⁹ *Visegrad Group* (2021) Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/declaration-of-the-prime> (accessed 17 October 2023).

¹⁰ *ČT24* (2021) Heger: Visegrádská čtyřka může sehrát důležitou pozitivní roli v Evropské unii. Available at: <https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/heger-visegradaska-ctyryka-muze-sehrat-dulezitou-pozitivni-rolu-v-evropske-unii-27879> (accessed 17 October 2023).

¹¹ *Politico* (2022) The not-so-fantastic 4: Central Europe's divided Visegrad alliance. Available at: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (accessed 17 October 2023).

¹² *CEPA* (2021) Krekó P. Central Europe's V4? More Like V2+V2. Available at: <https://cepa.org/article/central-europes-v4-more-like-v2v2/> (accessed 17 October 2023).

¹³ *Cabinet Office of the Prime Minister* (2022) In a war situation we need strategic calm. Available at: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/in-a-war-situation-we-need-strategic-calm/> (accessed 17 October 2023).

европейских коллег оказать помощь, обратился за ней к другому центрально-европейскому объединению – Бухарестской девятке. Страны – участницы последней собрались в польской столице уже 25 февраля, где заявили о безоговорочной поддержке Украины и необходимости нанесения России «дорогостоящего поражения»¹⁴. Что касается В4, то общая позиция была официально озвучена только 8 марта на встрече премьер-министров объединения с главой кабинета Великобритании Б. Джонсоном в Лондоне. Помимо общих слов осуждения в адрес России и «тех, кто позволил ей это сделать»¹⁵ переговоры не принесли заметных результатов. Очевидно, что британский политик, активно работавший в первые месяцы российско-украинского конфликта на его обострение и не допускавший перспектив успешного завершения мирных переговоров между Москвой и Киевом, был разочарован состоянием дел в данном региональном объединении и предпочел сосредоточиться на двустороннем сотрудничестве, прежде всего, с Польшей.

Вишеградское взаимодействие претерпело заметные изменения, что выразилось в сокращении некоторых традиционных форматов кооперации. На протяжении 2022 г. были поставлены «на паузу» официальные мероприятия с участием министров иностранных дел и спикеров парламентов. В публичную плоскость стали проникать сведения о внутренних противоречиях в группе: в марте 2022 г. была отменена встреча министров обороны В4 из-за несогласия польского и чешского политиков с позицией венгерского коллеги. Симптоматично, что польско-венгерский союз, строившийся ранее на противостоянии Брюсселю, оказался неустойчивым на фоне российско-украинского конфликта. Дополнительно саммит премьеров «четверки» в ноябре 2022 г. был омрачен словацко-венгерским спором, возникшим из-за появления В. Орбана ранее в шарфе с изображением карты Великой Венгрии, включавшей в том числе территории современной Словакии (Strážay, 2023).

Если ранее ярким символом вишеградской преемственности с 2004 г. была работа по поддержке евроинтеграционных устремлений стран Западных Балкан и Восточного партнерства, то с 2022 г., когда фокус внимания Брюсселя был сконцентрирован исключительно на Украине, данная политика стран В4 стала неактуальной. С одной стороны, позиция Венгрии по будущему членству Киева в ЕС вносила раскол в ряды «четверки», с другой – игнорировались интересы балканских государств, которые находились в очереди на членство в ЕС на протяжении многих лет и чьи перспективы становились туманными. Не удивительно, что начиная с лета 2021 г. были приостановлены встречи представителей В4 с коллегами из данных стран.

¹⁴ *President of the Republic of Poland* (2022) Opening remarks at Bucharest Nine summit. Available at: <https://www.president.pl/news/opening-remarks-bucharest-949483> (accessed 17 October 2023).

¹⁵ *Visegrad group* (2022) V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers 8 March 2022, London. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2022> (accessed 17 October 2023).

Таким образом размывался заложенный после 2004 г. смысл вишеградского объединения, который сводился к особой роли В4 как проводника постсоветских и постъюгославских стран на пути в ЕС.

В вопросах формирования общей вишеградской внешней политики за пределами европейского континента через формат В4+ (В4 + Япония, В4 + Южная Корея, В4 + Израиль и др.) эксперты сходились во мнении, что подобный вариант реализации дипломатии был «вторичен» и не имел шансов для получения значительного политического импульса (Kolmaš, 2023) на фоне исчезновения вишеградского консенсуса. Более продуктивным стало бы развитие двусторонних отношений с конкретными партнерами на основе долгосрочных интересов и актуальной повестки.

Случившиеся геополитические перемены в Европе обозначили явную трансформацию внешней политики стран – участниц «четверки» и место последней в ней. С одной стороны, можно говорить об усилении межгосударственного взаимодействия на пространстве Центральной Европы, с другой – о поиске альтернатив Вишеградской группе. Так, признавая важность регионального сотрудничества, Польша, Словакия и Чехия заметно активизировали двусторонние контакты друг с другом, что выразилось в улучшении польско-чешских и польско-словацких отношений (Janebová, 2022) и закреплении высокого статуса чешско-словацкого диалога. В этой связи вполне обоснованы слова научного сотрудника чешской Ассоциации по международным вопросам П. Янебовой, что «упадок В4 создал дополнительное пространство для отдельных ее членов»¹⁶. Показательно, что на фоне украинского конфликта по-новому обозначилась роль Варшавы, которая, по словам отечественного полониста О. Михалева, оказалась в эпицентре мировой политики (Михалев, 2022). Продемонстрированные стремления Польши находили понимание не только у США и Великобритании, сторонников усиления позиций Варшавы на континенте, но и у Чехии и Словакии, которые активно поддерживали инициированные Польшей региональные проекты, прежде всего «Инициативу Трех морей» и «Бухарестскую девятку», несмотря на сохранявшиеся проблемы правительства «Права и справедливости» в отношениях с Брюсселем. Помимо указанных объединений на фоне событий 2022–2023 гг. активизировали деятельность иные форматы, например, Зальцбургский форум, Люблинский треугольник, Славковский треугольник, *Central Five*. Разнообразие региональных форматов коммуникации предоставляло возможность компенсировать сократившиеся возможности В4 и избегать открытых противоречий внутри группы. Об этом прямо говорил министр иностранных дел Чехии Я. Липавский: «Речь идет о замене Вишеграда, который из-за

¹⁶ PRINCEPS Advisory s.r.o. (2023) CEE expert Pavlína Janebová: The decline of the V4 has created space for its individual members. Available at: <https://www.princepsadvisory.com/post/cee-expert-pavl%C3%ADna-janebov%C3%A1-the-decline-of-the-v4-has-created-space-for-its-individual-members> (accessed 17 October 2023).

пророссийской и антиевропейской позиции Венгрии находится в состоянии «клинической смерти»¹⁷. Примечательно, что, по мнению венгерского ученого К. Волша, подобные тенденции стали проявляться еще до начала активной фазы украинского кризиса и свидетельствовали о том, что «государства В4 стали более смелыми и, в отличие от первых лет членства в ЕС, не боялись продемонстрировать больше самостоятельности» (Walsch, 2022).

На фоне деструктивных тенденций среди политиков поднималась дискуссия о реформировании вишеградского формата сотрудничества. Так, избранный в начале 2023 г. на пост президента Чехии П. Павел, сомневаясь в эффективности В4, предлагал «переоценить значение Вишеграда» и придать ему новый смысл: «Без сильных объединяющих тем В4 станет пустым образованием». По его мнению, необходимо было сделать из «четверки» консультационную платформу для обсуждения экономических и культурных вопросов¹⁸. Заместитель председателя Сената Т. Чернин видел перспективы объединения в увеличении числа его постоянных участников за счет приглашения государств Балтии как наиболее вовлеченных среди стран Центральной и Восточной Европы в украинский кризис¹⁹. Аналитик чешского Института международных исследований Д. Шитера полагал, что Чехия должна была воспользоваться «коматозным состоянием» В4 для объединения Центральной Европы. Он считал, что Прага, оттеняя маргинальных политиков и выступая с четким евроатлантическим курсом, могла потребовать усиления ее позиций в ЕС и НАТО: «В будущем Чехия может укрепить свой потенциал, участвуя в различных двусторонних и многосторонних инициативах, оказывая на них влияние и, таким образом, принимая общеевропейские решения» (Šitera, 2023).

Явным подтверждением наступившего кризиса в вишеградском сотрудничестве стало то, что на фоне появления объединяющей повестки, связанной с украинским кризисом, в котором все четыре государства открыто поддерживали киевский режим, правительства стран-участниц не смогли найти основ для взаимодействия. Симптоматично, что в вопросе оказания помощи украинским беженцам, основной поток которых в первые месяцы конфликта пришелся на данные государства, «четверка» не сумела разработать совместные долгосрочные предложения как на региональном, так и на общеевропейском уровне. Более того, национальные правительства изначально рассчитывали только на себя, впоследствии – на помощь Брюсселя. Слабой попыткой демонстрации наличия общей платформы для решения

¹⁷ *You Tube* (2023) Europe's Geopolitical Moment? Or a Moment of Geopolitics? Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OfdJ6DxBqY8> (accessed 17 October 2023).

¹⁸ *Petr Pavel* (2023) Je čas přehodnotit Visegrád. Neshody s Maďarskem mohou působit problémy, říká budoucí prezident. *Lidovky*, 20 February. Available at: https://www.lidovky.cz/domov/rozhovor-prezident-petr-pavel-valka-ukrajina-ochranka-visegrad.A230220_042249_In_domov_hma (accessed 17 October 2023).

¹⁹ *Parlamentní listy* (2023) Černý pasažér Orbán. Czernin doporučuje se raději přátelit s Pobaltím. Available at: https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Cerny-pasazer-Orban-Czernin-doporučuje-se-radeji-pratelit-s-Pobaltim-738633#google_vignette (accessed 17 October 2023).

миграционного кризиса стало выделение Международным вишеградским фондом 1 млн евро. В условиях многомиллиардных затрат национальных правительств на стабилизацию внутривнутриполитической ситуации данный единоразовый грант, очевидно, не способствовал урегулированию обстановки. В этой связи не удивительно, что каждая страна стремилась обозначить собственный подход, образовать временную коалицию с партнерами за пределами В4 или использовать иные форматы региональной кооперации. Показательно, что за практически два года с начала СВО Вишеградская группа не провела ни одного мероприятия с высшим руководством Украины, в то время как последнее использовало все появляющиеся возможности для продвижения своих интересов, встречаясь с представителями и менее известных региональных групп как, например, Славковский треугольник и *Central Five*.

По ходу затягивания украинского конфликта, с одной стороны, не ослабевала риторика о поддержке Киева в борьбе с Москвой, с другой – стала более отчетливо проявляться забота о национальных интересах стран – участниц В4, что не вело к сопряжению позиций внутри группы. Наиболее фактурно проблема их защиты проявилась в зерновом вопросе, связанном с неконтролируемым наплывом дешевого украинского продовольствия. Возникшая ситуация во второй половине 2023 г. вынудила правительства трех вишеградских стран (Венгрии, Словакии и Польши) и двух балканских (Болгария, Румыния) ввести эмбарго на произведенные на Украине зерновые культуры и продукты. Состоявшаяся в конце сентября 2023 г. встреча министров сельского хозяйства стран – участниц В4, посвященная судьбе украинского зерна, продемонстрировала приоритет национальных интересов над общими и невозможность их консолидации. Так, например, чешский представитель отдалился от позиции своих коллег, озвучив мнение о необходимости «поиска общего унифицированного подхода»²⁰. В то же время польские политики заняли максимально антиукраинскую позицию, обосновывая ее защитой польских земледельцев. Отечественный специалист по аграрной политике ЕС Б. Фрумкин считал, что позиция европейских фермеров приобрела экзистенциальный характер ввиду вероятного начала в 2024 г. официальных переговоров о членстве Украины в Евросоюзе. Он констатировал: «При неизменных условиях это повлекло бы за собой массовое разорение ядра агропродовольственной системы ЕС – семейного фермерского хозяйства» (Фрумкин, 2023). Данная ситуация вновь подтвердила сужение пространства сотрудничества стран – участниц В4, выведение на первый план национальных интересов.

²⁰ *Ministerstvo zemědělství* (2023) Rozhovor s ministrem Markem Výborným k jednání ministrů zemědělství států V4. Available at: <https://eagri.cz/public/portal/mze/tiskovy-servis/vystoupeni-v-mediich/rozhovor-s-ministrem-markem-vybornym-k-jednani-ministru-zemedelstvi-statu-v4> (accessed 17 October 2023).

В то же время необходимо иметь в виду, что деятельность В4 в 2022–2023 гг. продолжалась, но ее акценты были смещены. В условиях увеличения угроз безопасности на восточном фланге НАТО страны – участницы В4 достигли согласия относительно углубления военной компоненты сотрудничества «четверки» в рамках ранее подписанных соглашений. Акцентировалось внимание на поддержке флагманских проектов: Вишеградской боевой группы (ВБГ, *V4 EU Battlegroup*) и штаб-квартиры Объединенной группы материально-технического обеспечения В4 (*V4 JLSG HQ*). Важно подчеркнуть, что данные проекты не возникли как ответ на события украинского кризиса, а стали продолжением предшествовавших инициатив. Можно согласиться с отечественными специалистами О.В. Шишкиной и Л.К. Мамедовой, что «локомотивом развития сотрудничества вишеградских государств в сфере безопасности и обороны были трансформации, которые происходили в НАТО и ЕС, а не возникновение актуальных для всей «четверки» вызовов и угроз безопасности» (Шишкина, Мамедова 2023). Так, например, планы о создании ВБГ были озвучены еще в 2011 г., практическая реализация началась в 2016 г., а завершение комплектования пришлось только на вторую половину 2023 г. Личный состав насчитывал 3 280 военных, из которых 1 450 были из Польши, 670 – из Венгрии, 600 – из Чехии, 560 – из Словакии. За каждой страной была закреплена отдельная сфера деятельности: чехи были ответственны за логистику, венгры – за инженерную поддержку, словаки занимались вопросами, связанными с химическим, биологическим и ядерным вооружением. Польша была ведущим государством ВБГ, на которую возлагались «планирование, подготовка, тренировки и сертификация целого подразделения» (Jiříčková, 2015). Также важно отметить, что за время функционирования военной единицы ее состав на ротационной основе пополнялся военнослужащими из Украины, Хорватии, Латвии и Литвы. Таким образом, можно констатировать, что работоспособность ВБГ обеспечивалась за счет нарушения вишеградского «квартета» и выдвижения на первые позиции польского командования как наиболее мотивированного и профессионального. Что касается Объединенной группы материально-технического обеспечения В4, то ее работа также строилась на выдвижении Польши в качестве лидера²¹ и на привлечении внешних акторов с целью смягчения возможных противоречий²².

Отметим, что сотрудничество в области обороны и безопасности не было традиционным направлением деятельности В4. В связи с этим единственной исторически присущей В4 сферой взаимодействия оставался диалог между институтами гражданского общества стран-участниц, который преимущественно осуществлялся через Международный вишеградский фонд.

²¹ *Visegrad group* (n.d.) Brief History of V4 Defence Cooperation. Available at: <https://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence> (accessed 17 October 2023).

²² *Hungarian Defence forces* (2023) V4 Logistics Principals' Meeting in Budapest. Available at: <https://defence.hu/news/v4-logistics-principals-meeting-in-budapest.html> (accessed 17 October 2023).

Симптоматично, что в чешской программе председательства в «четверке» (2023–2024 гг.) подчеркивалось, что Чехия «поставит граждан в центр своего внимания»²³. Я. Юзова и З. Касакова, научные сотрудники исследовательского центра «Эуропеум», справедливо полагали, что «вишеградский формат по сути вернулся к своему изначальному виду без доминирующего внешнеполитического измерения» (Juzová, Kasáková, 2023: 5). Однако и это направление испытало на себе влияние общих тенденций, присущих группе: были зафиксированы случаи нежелания участвовать в венгерских проектах со стороны партнеров из других стран; также незначительно, но сократилось их финансирование по сравнению с предыдущими годами²⁴.

Заключение

Начало СВО на Украине обозначило новый этап в истории Вишеградской группы, самого известного регионального объединения в Центральной и Восточной Европе. Эксперты и политики однозначно охарактеризовали текущее состояние внутри «четверки» как наиболее глубокий кризис с момента ее создания. Пока рано говорить о ликвидации группы, однако в начале 2020-х гг. были заложены основы для ее существенного реформирования, суть которого заключается в отказе от внешнеполитического трека В4, акценте на внутренней повестке и решении актуальных задач трансграничного сотрудничества. С одной стороны, возникшее недопонимание внутри группы обозначило принципиальные вопросы, по которым внутри нее нет консенсуса. С другой стороны, была выведена формула успешного центральноевропейского сотрудничества, прежде всего, в сфере взаимодействия гражданских обществ. Вишеградский кризис также стал свидетельством растущих амбиций стран – участниц «четверки», их стремления самостоятельно принимать деятельное участие в вопросах европейского и мирового уровня наравне с ведущими государствами. В этой связи очевидно, что позиция Венгрии в отношении поставок вооружения и военной техники на Украину лишь ускорила общий процесс перестройки объединения.

Произошедшие осенью 2023 г. политические перемены в Польше и Словакии, в ходе которых к власти пришли оппоненты предшествовавших руководителей государств, вряд ли смогут изменить общую недоверительную атмосферу внутри «четверки». Возвращение во власть либерального Д. Туска на смену национал-консервативному М. Моравецкому или четвертый срок Р. Фицо на посту премьера Словакии приведут лишь к перестановке слагаемых при сохранении суммы. Более того, можно предполагать формирование нового деления группы: на смену чешско-словацкому тандему придет

²³ MZV(n.d.) Programme of the Czech Presidency of the Visegrad Group 2023/2024. Available at: https://mzv.gov.cz/file/5119287/MZV_V4_program_A4_ENG_20_6_23_final.pdf (accessed 17 October 2023).

²⁴ *Visegrad fund* (2024) Annual Reports. Available at: <https://www.visegradfund.org/archive/annual-reports/> (accessed 17 October 2023).

словацко-венгерский, а Чехия будет стремиться к более тесному взаимодействию с Польшей. Последние два государства, которые в предшествовавшие годы пытались обозначить по-новому свое место в Европе, предпримут попытку отдалиться от негативного образа «четверки» через приближение к общеевропейскому мейнстриму. Что касается Словакии, то она как «отличник Евросоюза» будет стремиться получать выгоды от всех возможных форматов сотрудничества, не игнорируя первостепенность членства в ЕС и НАТО. Венгрия же продолжит реализовывать текущий многовекторный политический курс, присущий правительству В. Орбана.

Список литературы

1. Ведерников М.В. (2017) Исторические предпосылки вишеградского политического стиля. *Современная Европа* 7(79): 78–87.
2. Достал В. (2020) Центральная Европа, Вишеградская группа и перспективы «Корона-вирусной эпохи» оптикой Чешской Республики. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал* 3(7): 5–13.
3. Зверева Т.В. (2019) Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 2(12): 181–196. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196.
4. Михалев О.Ю. (2022) Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине. *Современная Европа* 5: 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035.
5. Никитин В.В. (2020) Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях. *Запад – Восток* (13): 70–84. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84.
6. Никитин В.В. (2020) Словакия и Вишеградская группа: европейское измерение. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* (5): 38–44. DOI: 10.15211/vestnikieran520203844.
7. Оленченко В.А., Межевич Н.М. (2021) Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии. *Балтийский регион* 3(13): 25–41. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-2.
8. Фрумкин Б.Е. (2023) Общая сельскохозяйственная политика (сентябрь – ноябрь 2023). *Европейский союз: факты и комментарии* 4(114): 41–45. DOI: 10.15211/eufacts420234145.
9. Хотивришвили А.А. (2023) *Миграционная политика Европейского союза: Подходы стран Вишеградской группы (2004–2020 гг.)*. Москва: Ленанд. 200 с.
10. Четверикова А.С. (ред.) (2022) *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. Москва: ИМЭМО. 153 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9.
11. Шишлина Л.Н. (2021) К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы. *Современная Европа* (4): 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636.
12. Шишлина Л.Н. (ред.) (2010) *Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии*. Москва: Издательство «Весь Мир». 568 с.
13. Шишкина О.В., Мамедова Л.К. (2023) Сотрудничество стран Вишеградской группы в области обороны и безопасности: испытание украинским кризисом. *Проблемы национальной стратегии* 4(79): 184–209.
14. Gyárfásová O., Mesežnikov G. (2021) *Visegrad Four as Viewed by the Public Past Experience and Future Challenges*. Bratislava: Inštitút pre verejnú otázku. 54 p.
15. Hanley S., Vachudova M. (2018) Understanding the illiberal turn: democratic backsliding in the Czech Republic. *East European Politics* 3(34): 276–296. DOI: 10.1080/21599165.2018.1493457.
16. Janebová P. (2022) *Trends of V4 states' policies in Eastern Europe*. Prague: AMO. 48 p.
17. Jiříčková A. (2015). *V4+ Defence Cooperation of the V4+*. Prague: AMO. 25 p.

18. Juzová J., Kasáková Z. (2023) *Kulatý stůl Národního konventu o EU na téma formáty regionální spolupráce z pohledu ČR*. Prague: EUROPEUM. 20 p.
19. Kiss C.G. (2016) Powinowactwa wyszehradzkie. *Wspomnienia, szkice, eseje*. Warszawa. 242 p.
20. Kiss-Szemán R. (2006) Homo Visegradicus. In: Jagodziński A. (ed.) *The Visegrad Group: A Central European Constellation*. Bratislava: International Visegrad Fund, pp. 169–171.
21. Klaus V. (1997) Miloš Zeman a sociálnědemokratický Visegrád. In: *Václav Klaus obhajoba zapomenutých myšlenek*. Praha Academia, pp. 390–391.
22. Kolmaš M. (2023) Diverging perceptions of the “Visegrad Four+” format and the limits of the V4+Japan cooperation. *Asia Europe Journal*(21): 101–116. DOI: 10.1007/s10308-023-00669-7.
23. Křen J. (2019) *Čtvrt století střední Evropy*. Praha: Karolinum. 368 p.
24. Lukášek L. (2010) *Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004*. Praha: Karolinum. 168 p.
25. Orosz A. (2017). *The Western Balkans on the Visegrad Countries’ Agenda*. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 10 p.
26. Šitera D., Eberle J. (2023) Riziko triumfalismu: Ruská agrese a znovuvzkříšení Střední Evropy. In: Ditych O., Eberle J., Metodieva A. (eds) *Svět v proměnách 2023*. Prague: Ústav Mezinárodních vztahů, pp. 58–66.
27. Strážay T. (2019) When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia’s Foreign Policy 2018*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, pp. 67–74.
28. Strážay T. (2023) Central European challenges in Slovak foreign policy. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia’s Foreign Policy*. Bratislava: SFPA, pp. 106–109.
29. Walsch C. (2022) Is the Visegrad Group disintegrating? A case study on the diversification of the Visegrad states’ EU enlargement policy since 2014. *Eastern journal of European studies* (13): 53–72. DOI: 10.47743/ejes-2022-S104.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-39-58

THE LIMITS OF COOPERATION OF VISEGRAD COUNTRIES AMID THE CRISES OF THE 2020S

Dr **Mikhail V. VEDERNIKOV** – Leading Research Fellow, Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5046-719X. E-mail: vishma@mail.ru

11-3 Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

Received February 26, 2024

Accepted March 13, 2024

Acknowledgements. The article was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-78-01204, <https://rscf.ru/project/23-78-01204/>.

Abstract: The Visegrad Group (V4) that unites four post-socialist states (Hungary, Poland, Slovakia and Czechia) is currently the most recognizable, influential and long-lived regional entity in Central Europe. Nevertheless, in recent years, against the background of special domestic political development and external shocks, the “four” has entered upon a path of permanent crisis that has manifested itself in fading of many traditional formats of cooperation. In this regard, the purpose of this article is to analyze the fundamental reasons for the transformation that has begun, to indicate

the profundity of possible alterations and to outline the prospect of subsequent Central European interaction. It is noted that since the group formation in 1991 its actions have been unstable: periods of stagnation followed periods of tempestuous activity. The alternation of phases depended on many factors: the political preferences of politicians; the emergence of the agenda that unites the interests of all four states; favorable external conditions and etc. It is concluded that the V4 managed to “stay afloat” for more than 30 years as well due to organizational amorphousness of the group, the participation in its work of many political actors that sometimes had opposing views and obtaining of the certain added value from cooperation by member states. Besides, the “four” benefitted from the image acquired over the years of its work, even from a negative one. However, as shown in the article, by the time the special military operation in Ukraine began in February 2022, a wide range of contradictions had been accumulated within the group that openly made itself felt by reducing traditional cooperation formats, reconfiguring intra-group interaction models and beginning discussions about the forthcoming transformation of the group. The study raises the question of the “Visegrad crisis” as a window of opportunities, on the one hand, for individual Central European states (Poland and Czechia) declaring political ambitious amid the global reconstruction, on the other hand, for other regional associations (the Three Seas Initiative and the Bucharest Nine). It is predicted that the political alterations occurred at the end of 2023 in some V4 member states won't lead to alterations in the indicated trends in the Visegrad group development. Its participants will aspire for reduction of the group activity to cross-border cooperation and civil societies interaction.

Keywords: Visegrad Group, Central Europe, special military operation (SMO), regional integration

References:

1. Dostal V. (2020) Tsentral'naia Evropa, Vishegradskaia gruppа i perspektivy «Koronavirusnoi epokhi» optikoi Cheshskoi Respubliki [Central Europe, Visegrad Group and Prospects of the “Coronavirus Era” from the Optics of the Czech Republic]. *Vishegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal [Visegrad Europe. Central European Journal]* 3(7): 5–13. (In Russian).
2. Gyárfášová O., Mesežnikov G. (2021) *Visegrad Four as Viewed by the Public Past Experience and Future Challenges*. Bratislava: Inštitút pre verejnú otázku. 54 p.
3. Hanley S., Vachudova M. (2018) Understanding the illiberal turn: democratic backsliding in the Czech Republic. *East European Politics* 3(34): 276–296. DOI: 10.1080/21599165.2018.1493457.
4. Chetverikova A.S. (ed.) (2022) *Predely samostoiateľ'nosti Vishegradskoi gruppy v ES [Limits of the Visegrad Group's autonomy in the EU]*. Moscow: IMEMO. 153 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9 (In Russian).
5. Frumkin B.E. (2023) Obshchaia sel'skokhoziaistvennaia politika (sentiabr' – noiabr' 2023) [Common Agricultural Policy (September – November 2023)]. *Evropeiskii soiuz: fakty i kommentarii [European union: facts and comments]* 4(114): 41–45. DOI: 10.15211/eufacts420234145
6. Janebová P. (2022) *Trends of V4 states' policies in Eastern Europe*. Prague: AMO. 48 p.
7. Jiříčková A. (2015) *V4+ Defence Cooperation of the V4+*. Prague: AMO. 25 p.
8. Juzová J., Kasáková Z. (2023). *Kulatý stůl Národního konventu o EU na téma formáty regionální spolupráce z pohledu ČR*. Prague: EUROPEUM. 20 p.
9. Khotivirshvili A.A. (2023) *Migratsionnaia politika Evropeiskogo soiuz: Podkhody stran Vishegradskoi gruppy (2004–2020 gg.) [Migration Policy of the European Union: Approaches of the Visegrad Group Countries (2004–2020)]*. Moscow: Lenand. 200 p. (In Russian).

10. Kiss C.G. (2016) *Powinowactwa wyshehradzkie. Wspomnienia, szkice, eseje*. Warszawa. 242 p.
11. Kiss-Szemán R. (2006) Homo Visegradicus. In: Jagodziński A. (ed.) *The Visegrad Group: A Central European Constellation*. Bratislava: International Visegrad Fund, pp. 169–171.
12. Klaus V. (1997) Miloš Zeman a sociálnědemokratický Visegrád. In: *Václav Klaus obhajoba zapomenutých myšlenek*. Praha Academia, pp. 390–391.
13. Kolmaš M. (2023) Diverging perceptions of the “Visegrad Four+” format and the limits of the V4+Japan cooperation. *Asia Europe Journal* (21): 101–116. DOI: 10.1007/s10308-023-00669-7.
14. Křen J. (2019) *Čtvrt století střední Evropy*. Praha: Karolinum. 368 p.
15. Lukášek L. (2010) *Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004*. Praha: Karolinum. 168 p.
16. Mikhalev O.Iu. (2022) Izmenenie mezhdunarodnoi roli Pol'shi posle nachala rossiiskoi spetsoperatsii na Ukraine [Poland's changing international role after the start of the Russian special operation in Ukraine]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]* (5): 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035 (In Russian).
17. Nikitin V.V. (2020) Obraz Vishegradskoi gruppy v slovatskikh nauchnykh issledovaniiah [The image of the Visegrad Group in Slovak scientific research]. *Zapad – Vostok [West – East]*(13): 70–84. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84. (In Russian).
18. Nikitin V.V. (2020) Slovakiia i Vishegradskaia gruppy: evropeiskoe izmerenie [Slovakia and the Visegrad Group: European Dimension]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]* (5): 38–44. DOI: 10.15211/vestnikieran520203844 (In Russian).
19. Olenchenko V.A., Mezhevich N.M. (2021) Vishegradskaia gruppy i Baltiiskaia assambleia: koalitsii vnutri Evrosoiuza v rossiiskom vneshnepolicheskom vospriiatii [The Visegrad Group and the Baltic Assembly: Coalitions within the European Union in Russian foreign policy perception]. *Baltiiskii region [Baltic region]* 3(13): 25–41. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-2 (In Russian).
20. Orosz A. (2017) *The Western Balkans on the Visegrad Countries' Agenda*. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. 10 p.
21. Shishelina L.N. (2021) K 30-letiiu vishegradskoi gruppy: dostizheniia i perspektivy [On the 30th anniversary of the Visegrad Group: achievements and prospects]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]*(4): 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636 (In Russian).
22. Shishelina L.N. (ed.) (2010) *Vishegradskaia Evropa: otkuda i kuda? Dva desiatiletiia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chekhii [Visegrad Europe: where from – where to? Two decades on the road to reform in the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia]*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 568 p. (In Russian).
23. Shishkina O.V., Mamedova L.K. (2023) Sotrudnichestvo stran Vishegradskoi gruppy v oblasti oborony i bezopasnosti: ispytanie ukrainskim krizisom [Defence and Security Cooperation of the Visegrad Group Countries: Tested by the Ukrainian Crisis]. *Problemy natsional'noi strategii [National Strategy Issues]* 4(79): 184–209. (In Russian).
24. Strážay T. (2019) When pragmatism wins: Slovakia in the Visegrad Group. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2018*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, pp. 67–74.
25. Strážay T. (2023) Central European challenges in Slovak foreign policy. In: Brezáni, P. (ed.) *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy*. Bratislava: SFPA, pp. 106–109.
26. Šitera D., Eberle J. (2023) Riziko triumfalizmu: Ruská agrese a znovuvzkříšení Střední Evropy. In: Ditrych O., Eberle J., Metodieva A. (eds) *Svět v proměnách 2023*. Prague: Ústav Mezinárodních vztahů, pp. 58–66.
27. Vedernikov M.V. (2017) Istoricheskie predposylki vishegradskogo politicheskogo stilia [Historical background of the Visegrad political style]. *Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]* 7(79): 78–87. (In Russian).

28. Walsch C. (2022) Is the Visegrad Group disintegrating? A case study on the diversification of the Visegrad states' EU enlargement policy since 2014. *Eastern journal of European studies* (13): 53–72. DOI: 10.47743/ejes-2022-SI04.
29. Zvereva T.V. (2019) Evoliutsiia subregional'nykh ob»edinenii vnutri ES (na primere Vishegradskoi gruppy) [Evolution of sub-regional groupings within the EU (on the example of the Visegrad Group)]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law] 2(12): 181–196. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196 (In Russian).

ПАРТИЯ «ИСТРИЙСКИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ САБОР» И ПРОБЛЕМАТИКА РЕГИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ХОРВАТИИ

Александр ПИВОВАРЕНКО
Институт славяноведения РАН

Аннотация: Целью исследования является характеристика деятельности партии «Истрийский демократический сабор» (ИДС) как политической силы, выступающей за предоставление региональной автономии полуострову Истрия в составе государства Хорватия. По итогам анализа обширной базы эмпирических материалов охарактеризованы основные положения политической идеологии ИДС, особенности его отношений с политическим центром Хорватии, а также характер международного сотрудничества по линии европейских организаций и трансграничного сотрудничества с соседними государствами. Рассмотрение проблематики развития партии ИДС в период с 1991 по 2022 гг. позволяет детально охарактеризовать т.н. истрийский регионализм, являющийся не столь заметным на фоне регионалистских движений Южной и Западной Европы, однако имеющий свою специфику ввиду нахождения, с одной стороны, в контексте этнополитических вопросов Балкан, а с другой стороны – в русле тенденций европейского регионализма. Таким образом, изучение данного вопроса представляет интерес с точки зрения понимания внутривнутриполитических тенденций как Балканского полуострова, так и государств, находящихся на периферии Европейского союза.

Ключевые слова: Истрия, регионализм, централизм, итальянское сообщество, Истрийский демократический сабор, Пула

На уровне ассоциаций полуостровов Истрия представляется процветающим приморским краем, для которого конфликтная повестка не является характерной. Однако обращаясь к карте региона и ее изменениям в течение XX в., несложно обнаружить, что территория Истрии оказывалась в составе пяти государственных образований наднационального

Александр Александрович Пивоваренко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-7746-5127. E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а.

Поступила в редакцию: 30.09.2023

Принята к публикации: 13.01.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ по проекту 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

и национального свойства (Австро-Венгрия, Италия, Югославия, сейчас Хорватия и Словения). Напоминание о некоторых, достаточно трагических, страницах истории Истрии присутствует в современном публичном дискурсе соседней Италии, видные политические деятели которой допускают в своей риторике весьма провокационные утверждения. К примеру, 11 февраля 2019 г. в с. Базовицка (близ г. Триест) председатель Европарламента А. Таяни (ныне – министр иностранных дел Италии) произнес: «*Да здравствуют Триест, итальянская Истрия и Далмация*». Вызвавшая большой резонанс в хорватской печати фраза прозвучала на мемориальной церемонии, посвященной жертвам т.н. Великого исхода (ит. *Il Grande Esodo*) итальянского населения с побережья Восточной Адриатики по итогам Второй мировой войны¹.

Согласно переписи, проведенной в 2021 г. в Хорватии, доля итальянцев составляет 5,01% (9 784 чел.) от общего населения полуострова Истрия. Сравнимая показатели с данными переписи 2011 г. (12 543 чел., 6,03%), можно заметить значительное снижение. В то же время существенно возрос процент жителей, идентифицирующих себя с хорватами (с 68,33% в 2011 г. до 76,4% в 2021 г.)². При этом еще по данным югославской переписи 1948 г. доля итальянского населения составляла 20,7%. Таким образом, фраза, произнесенная высокопоставленным итальянским чиновником, имеет сильную ностальгическую коннотацию.

Несмотря на то, что в XXI в. тенденция к этнополитической гомогенизации очевидна, еще в середине предыдущего столетия фактор смешанного этнического проживания делал Истрию спорной территорией, избежавшей «балканизации» не в последнюю очередь благодаря своему географическому расположению и удаленности от основных театров Югославского кризиса (Пивоваренко, 2021). И хотя сегодня доля итальянского меньшинства на полуострове невелика, возможности соседнего государства влиять на локальные административно-политические процессы в Истрийской жупании (Хорватия) достаточно широки. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть различные форматы данного процесса.

Карта хорватского регионализма

Несмотря на то, что Хорватия является унитарным государством, в котором проблема нелояльных этнических меньшинств в 1990–е гг. была решена, национально-централистская политическая парадигма не получила в республике идеологической монополии. По состоянию на 2013 г. до одной трети зарегистрированных политических партий имело региональный или регионалистский характер (Šantić, 2013). В 1990–е гг. наряду с истрийским

¹ SKANDALOZNI TAJANI Predsjednik Europskog parlamenta: “Živjele talijanska Istra i Dalmacija” (2019) *Novilist.hr*, 11 February. Available at: <https://www.novilist.hr/novosti/svijet/skandalozni-tajani-predsjednik-europskog-parlamenta-zivjele-talijanska-istra-i-dalmacija/> (accessed 15 April 2023).

² *Popis stanovništva, kućanstava i stanova u Republici Hrvatskoj* (2021) Available at: <https://dzs.gov.hr/vijesti/objavljeni-konacni-rezultati-popisa-2021/1270> (accessed 10 April 2023).

движением определенные проблемы для хорватского централизма представлял регионализм на побережье Далмации. Однако главная политическая сила – партия «Далматинская акция» (создана 16 декабря 1990 г.) – была подавлена, а 20 февраля 2003 г. и вовсе упразднена решением министерства юстиции Хорватии. В феврале 2022 г. появились новостные сообщения о возрождении организации, а также была создана ее страница в англоязычных соцсетях³.

Крупнейшей региональной политической силой на сегодняшний день является партия «Истрийский демократический сабор» (ИДС), с 1992 г. бессменно получающая большинство на выборах в местные законодательные органы власти (скупщина Истрийской жупании, хорв. *Skupština Istarske županije*), а также в городские и общинные вече. Эти выдающиеся результаты дают некоторым исследователям основания называть ИДС «самой успешной регионалистской партией Европейского союза», наряду с итальянской Лигой севера (Raos, 2014). Однако местные выборы 2021 г., при победе в общем зачете, обернулись для ИДС несколькими точечными неудачами. Возникновение тенденции к ослаблению ИДС в своей вотчине побуждает к изучению вопроса об изменении политической стратегии партии.

Отношение сторонников «хорватского централизма» к ИДС характеризуется наличием подозрений в потенциально сепаратистском настрое (Šetić, 2006). Журналистские разоблачения и «информационные атаки» на партию являются достаточно распространенным жанром в информационном поле Хорватии⁴. Большой резонанс получил инцидент, который произошел 7 июня 2021 г. в с. Рапавел (*Rapavel*)⁵: на стене местной церкви было обнаружено граффити разжигающего рознь содержания в виде буквы “U” (идентификационный символ хорватских усташей). Текст призыва «Убей истрианина» (*“Ubi Istrijana”*) и его расшифровка указывают на обостренное восприятие истрийского регионализма по крайней мере среди представителей политических радикалов или субкультур. В связи с негативной социально-политической динамикой (безработица, отток населения, нахождение республики в категории беднейших стран ЕС), которая наблюдается в Хорватии по меньшей мере со второй половины 2010-х гг., актуальность данных вопросов может повыситься⁶.

³ Uskrsnula Dalmatinska akcija! Tražit će regionalni parlament i Vladu (2022) *Tportal.hr*, 18 February. Available at: <https://www.tportal.hr/vijesti/clanak/uskrsnula-dalmatinska-akcija-trazit-ce-regionalni-parlament-i-vladu-20220218> (accessed 20 April 2023).

См. также: Интернет-страница партии *Dalmatinska Akcija* в Facebook. Available at: <https://m.facebook.com/people/Dalmatinska-Akcija/100078861882591/> (accessed 20 April 2023).

⁴ IDS – 31 godina obmana, manipulacija, licemjerstva i promašaja (2021) *Hrvatskepraviceblog.com*, 17 February. Available at: <https://hrvatskepraviceblog.com/2021/02/17/ids-31-godina-obmana-manipulacija-licemjerstva-i-promasaja/> (accessed 14 April 2023).

⁵ Община Вишњан (хорв. *Višnjani*).

⁶ Išarali fasadu crkve ustaškim simbolima i napisali 'Ubi Istrijana' (2021) *Istarski.hr*, 7 June. Available at: <https://istarski.hr/node/73254-isarali-fasadu-crkve-ustaskim-simbolima-i-napisali-ubi-istrijana> (accessed 11 April 2023).

В настоящем исследовании анализируется политическая платформа партии ИДС в четырех проблемных категориях:

1. История участия ИДС в национальных и местных / муниципальных выборах в Хорватии с 1992 по 2021 гг.;
2. Анализ внутривнутриполитических инициатив партии ИДС;
3. Анализ международной деятельности партии ИДС;
4. Роль этнонационального компонента в формировании политической платформы ИДС.

Конечным результатом работы видится систематизация проблемного поля истрийского регионализма и выявление направлений дальнейшего развития региональных политических сил в современной Хорватии.

Балканский сепаратизм или европейский регионализм? К вопросу о типологизации региональных движений

С начала 1990-х гг. вопросы истрийского политического самосознания находятся в тени более «привычных» балканских сюжетов, таких как военные действия в Косово и Боснии и Герцеговине. В силу исключенности Истрии и адриатического побережья Хорватии (не считая нескольких эпизодов) из проблематики Югославского кризиса сложилось впечатление, что предмет конфликтологического исследования как таковой отсутствует. По этой причине в российской практике балканского регионоведения политическим и культурным особенностям Истрии уделяется недостаточно внимания. В начале XXI в. попытки охарактеризовать внутривнутриполитические процессы в контексте регионализации были предприняты Е.Г. Пономаревой (Пономарева, 2007) и Г.Н. Энгельгардтом (Энгельгардт, 2011). Деятельность ИДС в 1990-е гг. изучалась в рамках комплексных страноведческих работ (Пивоваренко, 2018). Оценка истрийского вопроса как относящегося к «слабым вызовам» (Энгельгардт, 2011) для балканского пространства представляется обоснованной в условиях стабилизации 2000-х гг., поэтому не удивительно, что в теоретических трудах российских авторов, рассматривающих европейский регионализм как общекионтинентальное явление (Бусыгина, Верещагина, 2010), Истрия практически не упоминается (Грабевник, 2021).

С фактографической точки зрения наибольшее внимание проблемам полуострова уделяется в исторических и политических исследованиях хорватских ученых. Их актуальность определялась различными обстоятельствами: формирование политической системы страны в 1990-е гг., электоральные процессы и формирование политических коалиций в 2000-е гг., социально-экономический кризис 2010-х гг., проблема хорватского централизма и исторического регионализма отдельных регионов (Истрия, Далмация). Примечательны в этом отношении работы В. Раоса, Н. Шантича, Н. Шетича, Г. Чулара и других авторов.

В теоретическом отношении принципиальный вопрос заключается в политико-географической типологизации истрийской региональной проблематики. Здесь обнаруживаются три подхода. В обстоятельной работе

Д. Степановича (университет Данди), вышедшей в 2018 г., случай Истрии ставится в один ряд с регионалистскими проявлениями в Воеводине, Санджаке (Сербия), а также Далмации, то есть относится к регионализму балканского типа, но отделяется от наиболее сложных сюжетов (Косово, Македония, Босния и Герцеговина) (Stjepanović, 2018).

Сторонники позитивистского подхода, ориентированного на максимально подробное изучение истории Истрии и ее политических сил, подчеркивают уникальность местного регионального движения (Giuricin, 2009). Вместе с тем, в европейской научной литературе 2010-х гг. также развивается направление, стремящееся к переходу от *case studies* к более широким обобщениям в рамках сравнительного анализа, в который включаются все страны ЕС. В работах западных авторов истрийский сюжет фигурирует в одном проблемном поле с каталонским, баскским, шотландским, баварским и корсиканским регионализмами, а также с итальянской Лигой севера (Sanjaume-Calvet, Mas, Serrano, 2022). Вероятно, подобное внимание связано с ростом актуальности данных вопросов

Рассуждая об обобщениях, уместно вспомнить, что одна из первых таких работ была написана исследователем и практиком европейского национализма Ф. Туджманом, ставшим первым президентом Хорватии (1990–1999 гг.).

В книге «Национализм в современной Европе», изданной в 1981 г., рассматриваются проявления сепаратизма в разных странах, включая Советский Союз (Tuđman, 1981). Это и научное исследование, и политический манифест: в 1960-е гг. Ф. Туджман, генерал армии, был видным представителем югославского истеблишмента и возглавлял Институт истории рабочего движения в Загребе, однако в дальнейшем попал в опалу и стал диссидентом. Появление книги в престижном американском издательстве стало возможным при поддержке хорватских политических эмигрантов, желающих распада Югославии. По своей направленности материал вполне отвечал задаче информирования американских политических кругов об актуальных проблемах социалистического лагеря. В определенном смысле публицистические начинания Ф. Туджмана находят преемственность в трудах современных европейских исследователей, однако их практические цели отличаются и подразумевают прежде всего предотвращение радикализации региональных движений.

Помимо сказанного выше, в теоретическом отношении важен вопрос об идеологической природе истрийского регионализма. Прежде всего, следует провести концептуальное различие между регионалистскими партиями и партиями национальных меньшинств: политическая программа первых опирается на наличие территории, четко определенной административной границей, в то время как для вторых, чей электорат может быть географически рассеян по всей стране, главными ориентирами являются религия, культура и язык. В. Раос (Загребский университет) вводит понятие этнорегионалистских партий, чья идентичность формируется на стыке двух идеальных типов. Конкретные воплощения этнорегионализма В. Раос видит в политических движениях испанских регионов (Каталония, Страна басков, Галисия, Балеарские

и Канарские острова, Арагон, Андалусия, Валенсия). Применительно к Балканам в качестве примера этнорегионалистской партии можно привести «Союз воеводинских венгров», выступающий за автономию края Воеводина (Raos, 2014).

Внутри понятия «этнорегионалистский» могут возникать дополнительные внутренние классификации по критериям этничности, характера партийного строительства, радикальности политической платформы (протекционизм, децентрализация или сецессионизм) или ее идеологической окраски (либерализм, социал-демократия, национализм) (Raos, 2014).

Следует обратить внимание на понятие «глокализация», сформулированное Р. Робертсоном и адаптированное В. Раосом. Глокализация представляет собой сочетание двух противоположных явлений: рост вовлеченности в глобальные социально-экономические и культурные процессы сопровождается усилением локальной идентичности. В. Раос полагает, что в дальнейшем будет происходить возрождение идентичностей, существовавших в эпоху премодерна, и их вступление в конфликт с идеями национального государства и административного централизма. Возникает любопытный вопрос: насколько символическое противостояние по условной линии «модерн–премодерн» может проецироваться в политическую плоскость? Другое важное допущение заключается в том, что регионализм не обязательно должен основываться на этническом факторе (Raos, 2014).

Обилие классификаций и обобщений по различным формальным признакам приводит к фрагментации собственно страноведческой составляющей, предполагающей прежде всего использование эмпирических данных. В настоящем исследовании для анализа практического кейса применяются традиционные методы работы с источниками (историко-генетический, сравнительный, нарративный), а также структурный и инструменталистский подходы.

Политические основания партии ИДС

Формирование Истрийского демократического сабора началось 17 декабря 1989 г. и завершилось 14 февраля 1990 г., за две недели до первых многопартийных выборов в Хорватии. Предпосылкой возникновения партии стала деятельность нескольких про-итальянских групп «демократического обновления», таких как «Итальянский союз» (хорв. *Talijanska unija Istre i Rijeke*, TUIR / ит. *Unione Italiana*, основан в 1944 г. в г. Риека, в годы существования СФРЮ не был запрещен) и диссидентская «Группа 88» (Giuricin, 2009). Учредительное собрание прошло в г. Пула, крупнейшем населенном пункте полуострова Истрия.

Образование ИДС происходило на фоне антикоммунистической волны, сопровождавшейся возникновением националистических партий и приведшей к распаду Югославии. Но если главная националистическая сила, «Хорватское демократическое содружество» (ХДС), выступала

за решительный пересмотр отношений с федеральным центром – Белградом, то ИДС требовал получение особого статуса в отношениях с Загребом, политическим центром Хорватии. Символической точкой, обозначившей очевидность противостояния, стало 11 апреля 1990 г. На предвыборном митинге партии ХДС, проходившем в истрийском городе Пазин, лидер ХДС Ф. Туджман был освистан после того, как назвал партию ИДС «недостаточно ориентированной национально» (Šantić, 2013).

По мнению Д. Степановича, изначально партия ИДС создавалась прежде всего для защиты экономических интересов Истрии, и ключевые разногласия касались социальных вопросов: перечисления в центр доходов от туризма и размещения в Истрии беженцев из районов военных действий, что наносило ущерб туристической отрасли (Stjepanović, 2018). Однако все большее значение приобретало ценностное противостояние: по мере развития авторитарных тенденций в Хорватии в 1990-х гг. ИДС все активнее позиционировал себя как партия, имеющая «более демократический и более европейский менталитет» с целью завоевания поддержки на Западе (Baker, 2016).

Экономические и ценностные установки получали все более четкое политическое обрамление: в начале 2000-х гг. хорватский исследователь Г. Чулар (факультет политических наук Загребского университета) определял ИДС как либерально-автономистскую партию с низкой степенью централизации и высоким уровнем коллегиальности (Čular, 2004). Несколько позднее Е.Г. Пономарева характеризовала ИДС как возникшую на исторически специфической территории «типично региональную партию, сравнимую с квебекской партией Канады» (Пономарева, 2007). В. Раос акцентирует внимание на требованиях двуязычности и праве получения двойного гражданства как инструменте сохранения мультикультурного уклада, заключающегося в присутствии венецианского, габсбургского и славянского компонентов в Истрии (Raos, 2014).

К традиционным составляющим политической программы ИДС можно отнести положения о федерализации Хорватии, гармонизации межнациональных отношений, сохранении атрибутов мультикультурализма и толерантности. Партия выступает за продолжение европейской интеграции на Балканах, что полностью совпадает с позицией Италии, и (до января 2023 г.) продвигала идею присоединения Хорватии к еврозоне и шенгенскому пространству.

В социально-экономической сфере требования неизменно связаны с поддержкой туристической отрасли, малого и среднего бизнеса, школьного образования, а также сельского хозяйства. Появление новых элементов в идеологическом наполнении связано с попытками установить коалиционные отношения с малыми партиями (действующими на всем государственном пространстве и в Европарламенте) социальной и либеральной направленности, для которых характерны идеи европеизма, прогрессивизма

и социального государства⁷. Также стоит отметить, что в предвыборной программе 2019 г. фигурирует предложение о введении особого школьного курса по истории и культуре Истрии⁸.

Таким образом, основные положения политической программы ИДС были выработаны еще на заре существования партии, а дальнейшее их развитие обусловлено адаптацией к меняющейся международной ситуации. По сравнению с первой половиной 1990-х гг., сегодня политические требования ИДС не столь радикальны, однако последовательны в ключевых компонентах (см. следующий раздел). Существенным ограничением политических возможностей ИДС является отсутствие устойчивой внутривнутриполитической коалиции и слабость представительства в европейских наднациональных структурах.

Регионалистская повестка ИДС

В первые годы существования ИДС активно разыгрывал карту региональной автономии. Партнерами ИДС в этом отношении стали другие хорватские регионалистские партии: Далматинская акция (ДА), Приморско-горанский союз (ПГС, до 1993 г. – Демократический союз Риеки), регионалистская партия Славонии и Бараньи (хорв. *HBSS*). Крупным успехом возникшей коалиции стал результат парламентских выборов 1992 г., по итогам которых она получила сразу шесть мест в хорватском Саборе. Однако оформление регионалистской коалиции в более значимую политическую силу вскоре было прервано: активисты партии «Далматинская акция» подверглись преследованиям и в 1993 г. были арестованы и осуждены (Пивоваренко, 2018).

В 1995 г. по инициативе ИДС было принято три декларации: «О демократизации Хорватии» (хорв. *Deklaracija o demokratizaciji Republike Hrvatske*), «О региональном устройстве Хорватии» (*Deklaracija o regionalnom ustrojstvu Republike Hrvatske*), «О еврорегионе Истрия» (*Deklaracija o Euroregiji Istri*) и «Об автономной Истрийской жупании» (*Deklaracija o Autonomnoj županiji Istarskoj*), где закреплялась идея проведения в Хорватии административной реформы с целью ограничения президентской власти и образования 6–8 крупных регионов с высокой степенью налоговой автономии. Говорилось о создании в перспективе трансгосударственного еврорегиона Истрия, в который должны были войти территории соседней Приморско-горанской жупании Хорватии⁹, Словении¹⁰, а также Италии (община Муджа, район г. Триест) (Raos, 2014).

⁷ Прим. автора: примером здесь является возникший в декабре 2018 г. блок «Амстердамская коалиция», куда вошли партии Истрийский демократический сабор и Приморско-горанский союз, партии «Гражданский либеральный альянс» (*GLAS*), «Демократы», «Хорватские лейбористы», Хорватская крестьянская партия, Хорватская партия пенсионеров. В 2019 г., после выборов в Европарламент, окончившихся завоеванием одного места (В. Флего, партия ИДС), «Амстердамская коалиция» распалась.

⁸ *IDS. Program* (2019) Available at: <https://www.ids-ddi.com/program/program/> (accessed 16 April 2023).

⁹ Прим. автора: город Опатия, острова Црес, Мали Лошинь, общины Матулье, Ловран и Мосленичка Драга.

¹⁰ Прим. автора: общины Пиран, Копер и Изола.

Данные инициативы вызвали негативную реакцию сторонников хорватского централизма: 2 февраля 1995 г. Конституционный суд Хорватии принял поправки к закону о локальном и местном самоуправлении, где утвердил приоритет национального права над международным, что противоречило положениям уставного закона Истрийской жупании. 15 февраля решение Загреба осудил председатель ИДС И. Якович, а 23 февраля свою озабоченность этим вопросом выразила министр иностранных дел Италии С. Аньелли.

Кульминацией противостояния стали события 15 апреля 1995 г., когда был сорван съезд партии ИДС в г. Пула, где должна была быть презентована т.н. инициатива Истрийского еврорегиона. В день мероприятия в отель «Хистриа», где собралось 700 делегатов, проникло 200 сторонников хорватского централизма, блокировавших работу съезда. Как отметил в своем заявлении президент Ф. Туджман, «Конгресс жителей Истрии инспирирован Белградом и Москвой, а также некоторыми западными спецслужбами»¹¹. Глава регионального отделения ХДС М. Голоб назвал его участников «манипуляторами, которые стремятся к продаже Истрии итальянцам» (Пивоваренко, 2018). Реакция официального Загреба середины 1990-х гг. дает интересную отсылку к особенностям политической коммуникации 2020-х гг., когда на Россию возлагается вина за малейшие неурядицы внутренней политики стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

В 2002 г., когда ИДС, ПГС, ДА и партия Славонии и Бараньи приняли т.н. Горанскую декларацию, содержащую требование создания пяти административных единиц, что подразумевало типологическое разделение между прибрежными (Славония, Центральная Хорватия) и континентальными (Далмация, Истрия, Риека) областями страны.

В 2011 г. была принята Мотовунская декларация о конституционном закреплении права на региональное и местное самоуправление (Raos, 2014). Стоит также упомянуть декларацию 2013 г. «О региональном развитии и уникальности Истрии», где говорится о неоспоримости статуса истрийской автономии в Хорватии¹².

Таким образом, как минимум трижды при участии ИДС выдвигались законодательные инициативы, которые могли привести к значительному преобразованию административного устройства Хорватии. Хотя инициативы 2002 и 2011 гг. возникли в период пребывания у власти в Хорватии Социал-демократической партии (СДП) – в более благоприятное для ИДС время, – они закончились неудачей. Более того, для двух региональных сил они повлекли за собой серьезные последствия: в 2003 г. «Далматинская акция» была запрещена, а партия Славонии и Бараньи не получила представительства

¹¹ АВПРФ. Ф. 880 (Посольство РФ в Хорватии). Оп. 3. П. 4. Д. 2. Л. 125.

¹² *Deklaracija o regionalnom razvoju i jedinstvenosti Istre* (2013) Available at: <https://www.ids-ddi.com/vijesti/aktualno/3894/deklaracija-o-regionalnom-razvoju-i-jedinstvenosti-istre/> (accessed 26 April 2023).

в парламенте Хорватии и на пять лет прекратила существование¹³. Жесткие административные меры, предпринятые Загребом, не позволили актуализировать потенциально сложные вопросы, такие как вопрос о территориальном разграничении между Истрийской и Приморско-горанской жупанией, где существуют смежные территории (например, г. Опатия).

Вместе с тем, ИДС достаточно последовательно развивает собственную политическую повестку, которая воспринимается в Загребе с настороженностью. Хотя в 2000-е гг. действия партии не отличались радикализмом, она сохранила главное требование, касающееся предоставления политической автономии, периодически напоминая о нем в новостях и законодательных инициативах.

Характеризуя социально-экономическую ситуацию второй половины 2010-х гг., необходимо отметить, что Истрия относится к регионам с относительно низким уровнем безработицы (Stjepanović, 2018) и показателем убыли населения. По данным переписи 2021 г. за последние десять лет население Истрии сократилось на 5,89%, в то время как в остальной Хорватии этот показатель колеблется в диапазоне 8–19%. Негативной константой последнего времени стало депрессивное состояние хорватских судоверфей, в частности верфи «Ульяник» (г. Пула), страдающей от недофинансирования, отсутствия заказов и сокращения рабочей силы. Можно предположить, что возрождение требований политической децентрализации и введения налоговой автономии продиктовано не в последнюю очередь этими обстоятельствами. Ключевым тезисом предвыборной программы 2016–2019 г. стало утверждение о низкой эффективности государственного управления, выражающейся в неспособности центрального правительства освоить финансовые средства, выделяющиеся по линии евродотаций¹⁴. С целью преодоления «неэффективного централизма» предлагалось развивать связи с наднациональными структурами в рамках концепции «Европы регионов», поддерживать программы цифровой модернизации и осуществлять переход к модели «зеленой экономики» по этой линии.

ИДС в контексте электоральных процессов Хорватии

Заслуживает рассмотрения следующий вопрос: как объяснить тот факт, что несмотря на выдвижение требований, определенно не устраивающих сторонников «хорватского централизма», партия ИДС вплоть до настоящего времени не сталкивалась с серьезными административными ограничениями, а давление, которое испытала на себе партия, несравнимо с таковым в отношении сербского населения или других регионалистских партий?

¹³ Прим. автора: в 2008 г. партия Славонии и Бараньи была возрождена под названием «Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи» (хорв. *HDSSB*).

¹⁴ Predstavljen program: 'Kad se država decentralizira, Istra će biti još jača' (2016) *Večernji List*, 22 August. Available at: <https://www.vecernji.hr/izbori2016p/izbori-2016-predstavljen-program-za-jos-jacu-istru-koalicije-ids-pgs-ri-1108021> (accessed 17 April 2023).

Возможный ответ может быть найден в наличии консолидированной электоральной базы, факторе мощного соседа в виде Италии и слабости позиций партии «Хорватское демократическое содружество» в Истрии. Впрочем, следуя инструменталистскому подходу, основанному на изучении электоральных предпочтений хорватских регионов, можно выдвинуть гипотезу: в начале 1990-х гг., когда велась борьба против Союза коммунистов Хорватии (СКХ, в дальнейшем – партия СДП) как политической опоры Югославии, интересам национальных сил в Загребе отвечало создание в Истрии антикоммунистической партии ввиду того, что институциональные позиции СКХ на полуострове были достаточно сильны. В случае административного упразднения ИДС итальянское и сербское население Истрии на выборах голосовало бы за СДП, что могло сместить баланс сил не в пользу ХДС на уровне всего государства.

Данный тезис подтверждают социологические данные за 2000–2011 гг., из которых следует, что 65–72% голосовавших за ИДС определяли себя как социал-демократы, а 18,2–20,8% – как либералы (Raos, 2014). Наконец стоит отметить тот факт, что на местных выборах в Истрии, в отличие от республиканских, СДП и ИДС обычно выступают как самостоятельные политические силы, практически не вступающие в коалиции.

В первой половине 1990-х гг. главными коалиционными партнерами ИДС являлись хорватские регионалистские партии. Серьезный удар по регионалистскому блоку обусловил возникновение союзнических отношений с политическими силами, действующими на уровне всего государства. Значимым событием стало заключение в конце 1990-х гг. коалиции с Социал-демократической партией Хорватии (СДП), разделяющей концепцию умеренной децентрализации.

Успешными для ИДС можно назвать периоды 2000–2001 и 2011–2015 гг.: в коалиции с СДП он дважды одерживал победу на выборах в Хорватии и принимал участие в формировании правительства. Однако спустя 18 месяцев после знаковых выборов 2000 г. (впервые в истории Хорватии произошла смена власти) лидер ИДС и министр по делам европейской интеграции И. Якович¹⁵, ввиду разногласий с лидером СДП И. Рачаном, освободил занимаемую должность, что поставило коалицию на грань распада¹⁶. Вторая коалиция СДП–ИДС не достигла особых успехов, и на национальных выборах 2015 г. партия ИДС выступила самостоятельно, покинув коалицию с СДП, которая в итоге потерпела поражение.

¹⁵ Прим. автора: Иван Якович. Уроженец г. Пореч, председатель ИДС с 1991 по 2014 г. Депутат хорватского Сабора нескольких созывов, министр европейской интеграции в правительстве Хорватии (2000–2001 гг.), губернатор (жупан) Истрийской жупании с 2001 по 2013 г., депутат Европарламента (2014–2019 гг.).

¹⁶ Прим. автора: вероятной причиной в справочных и энциклопедических материалах, а также прессе называются разногласия по поводу согласовавшейся в тот период конституции (устава) Истрийской жупании и вопроса об автономистских полномочиях. Однако точная причина разногласий является вопросом из области политической гипотетики.

Необходимо отметить регулярное присутствие ИДС в Саборе, Парламенте Республики Хорватия: по итогам выборов ИДС стабильно получал 2–3 места, другие оставались за регионалистскими партиями центральной Хорватии. При этом в 2000–е гг. регионалисты, как правило, не формировали единую коалицию – старшим политическим союзником ИДС оставалась СДП. С середины 2010–х гг. наблюдается тенденция к сокращению представительства региональных партий. По результатам выборов 2020 г. ИДС в коалиции с СДП получил в Саборе три места, а другая региональная партия – Приморско-Горанский союз (ПГС) – не преодолела проходной барьер.

Таблица 1. Количество мест в парламенте Хорватии (Саборе), завоеванное регионалистскими партиями¹⁷
Table 1. Number of seats in the Croatian Parliament (Sabor) won by regionalist parties

Выборы	1992	1995	2000	2003	2007	2011	2015	2016	2020
Места в Саборе Хорватии	6	4	7	5	6	9	5	4	3
% от мест в Саборе	4,35	3,15	4,63	3,31	3,92	5,96	3,27	3,51%	1,9

В отношении местных выборов имеет значение существующая с 1991 г. особенность избирательной системы, при которой победившая сила получает долю в парламенте, пропорционально большую, чем процент отданных за партию голосов (Grdešić, 1990). Этот парадокс, обеспечивающий преобладание на государственном уровне правящей партии, играет против нее в Истрийской жупании, где с 1991 г. ХДС ни разу не одерживало победы. Но и позиции ИДС в настоящее время не являются столь прочными по сравнению с первыми годами: до 2009 г. он выступал на выборах самостоятельно, однако с 2013 г. выдвижение осуществлялось в составе коалиции с миноритарными силами (Зеленый союз, Партия пенсионеров Истрии, Хорватская народная партия и др.).

Таблица 2. Места, полученные ИДС в скупщине истрийской жупании на местных выборах¹⁸

Table 2. Seats won by the IDS in the Istrian County Assembly in local elections

Выборы	1993	1997	2001	2005	2009	2013	2017	2021
Получено мест/всего	16/20 (35/40)	16/30 (26/40)	28/41	20/41	21/41	24/45	26/45	23/41
% от мест в скупщине Истрийской жупании	80 (87,5)	53,3 (65)	68,3	48,7	51,2	53,3	57,7	56,1
% полученных голосов	72	46,4	51,8	41,9	44,8	43,9	56,8	42,7

¹⁷ Источник: избирательная комиссия Республики Хорватия (хорв. *Državno izborno povjerenstvo, www.izbori.rh*).

¹⁸ Источник: избирательная комиссия Республики Хорватия (хорв. *Državno izborno povjerenstvo, www.izbori.rh*); Istarska Enciklopedija (<http://istra.lzmk.hr>).

Местные выборы 2021 г. и фактор итальянского национального меньшинства

Особое внимание стоит обратить на результаты местных выборов в мае 2021 г., которые были интерпретированы местными наблюдателями как поражение партии ИДС¹⁹. Базовые статистические выкладки показывают незначительное снижение результатов партии, однако структурно-географический анализ дает основания говорить о более серьезных изменениях.

По сравнению с результатами 2017 г. ИДС потерял контроль над значительной частью городских и общинных скупщин. Почти на треть сократилось присутствие в мэриях истрийских городов. В основном утрачено партийное представительство на важной позиции заместителя мэра города или главы общины. Принимая в расчет, что победы в семи скупщинах²⁰, а также в семи мэриях²¹ были одержаны в составе коалиции, можно констатировать, что в настоящее время ИДС сохраняет контроль не более, чем в половине единиц местного самоуправления Истрии.

Менее 50% голосов ИДС получил в ключевых городах Пула и Пазин, экономическом и административном центрах Истрийской жупании. На грани поражения оказался кандидат ИДС на должность жупана (губернатора) Борис Милетич. По итогам второго тура голосования Б. Милетич получил 29,52% голосов, опередив конкурента из партии СДП всего на 40 голосов. Разочарование итогами выборов привело к отставке Б. Милетича с должности председателя ИДС, которую он занимал с 2014 г.

Следует обратить внимание на фактор итальянской национальной квоты: в соответствии с принципом ЕС и местным законодательством, итальянское население полуострова, несмотря на численность в 5% (9,7 тыс. человек по данным переписи 2021 г.) имеет право на избрание собственных представителей по отдельным спискам. В десяти населенных пунктах кандидат на замещение должности выбирается отдельным голосованием по списку итальянского национального меньшинства. Лишь в одном округе (Бртонигла) победивший кандидат-итальянец представлял партию ИДС, в девяти округах они являлись непартийными²². Стоит отметить, что в крупных городах и туристических центрах Истрии (Пореч, Пула, Умаг) существует практика, когда должность заместителя мэра занимают два функционера, один из которых избирается по итальянскому списку. Таким образом, по итогам выборов ИДС получил контроль лишь над одним из трех важных населенных пунктов²³.

¹⁹ Veliki udarac za vladara Istre: IDS izgubio Pulu, ali to nije jedino iznenađenje. Može li ostati i bez župana? (2021) *Dnevnik.hr*, 31 May. Available at: <https://dnevnik.hr/vijesti/lokalni-izbori-2021/veliki-udarac-za-vladara-istre-ids-izgubio-pulu-ali-to-nije-jedino-iznadenje-moze-li-ostati-i-bez-zupana---653926.html> (accessed 13 April 2023).

²⁰ Прим. автора: Воднян; Бале; Буе; Вижинада; Опрталь; Пореч; Пула; Тар-Вабрига; Умаг.

²¹ Прим. автора: Лабин; Пула; Барбан; Лижнян; Марчана; Раша; Света Неделья.

²² Прим. автора: Воднян, Бале, Буе, Вижинада, Опрталь, Пореч, Пула, Тар-Вабрига, Умаг.

²³ Прим. автора: В г. Умаг мэром стал представитель СДП, в Порече мэром стал представитель ИДС. В г. Пула кандидат от ИДС проиграл беспартийному кандидату.

Наконец, следует отметить успехи «Хорватского демократического содружества» (ХДС), крупнейшей политической партии страны. По итогам местных выборов 2021 г. ХДС удалось одержать победы сразу в двух округах Истрии (большинство в окружном парламенте и должность мэра). По сравнению с выборами 2017 г., когда ХДС победило лишь в одном округе, данный результат можно назвать весьма убедительным²⁴. Усиление позиций в Истрии политической силы, являющейся апологетом хорватского национализма и централизма, также вносит вклад в ослабление ИДС.

Таблица 3. Сравнительный анализ результатов партии ИДС на местных и муниципальных выборах 2021 и 2017 гг.²⁵

Table 3. Comparative analysis of the results of the IDS party in local and municipal elections in 2021 and 2017

Уровень	Количество населенных пунктов / Всего населенных пунктов (Победа одержана в коалиции с другими партиями)	
	2021 г.	2017 г.
Скупщина города / общины	23/41 (7)	28 (12)
Мэр города / Глава общины	18/41 (7)	27 (12)
Заместитель мэра города / главы общины	5/17 (1)	31 (11)

Анализ избирательных циклов показывает, что в 1990-е и 2000-е гг. ИДС имел определенные перспективы стать влиятельной политической силой, способной развиваться в одной из трех ипостасей: лидер коалиции регионалистских партий, экстерриториальная политическая сила, важный участник правящей коалиции Хорватии. Все три возможности по разным причинам были упущены. С 2010-х гг. наблюдается определенное ослабление ИДС на местном уровне. В результате выборов 2021 г. значительно ухудшилось положение ИДС как главной партии Истрийской жупании. Одним из последствий электоральной неудачи стала необходимость выстраивания новой линии сотрудничества с представителями итальянского сообщества Истрии для сохранения контроля над крупнейшими туристическими и экономическими центрами полуострова.

Международная деятельность партии ИДС и возможности лоббизма

В середине 1990-х гг. партия ИДС пыталась действовать экстерриториально. Был создан филиал в районах Истрии, отошедших Словении (5% территории полуострова), однако его электоральные успехи оказались

²⁴ Прим. автора: Округа Каройба и Свети Петар у Шуми. В 2017 г. ХДС одержало победу лишь в одном округе Истрийской жупании (Свети Петар у Шуми).

²⁵ Источник: Избирательная комиссия Республики Хорватия (https://www.izbori.hr/site/UserDocslImages/2021/Lokalni%20izbori%202021/Rezultati/Z18_ISTARSKA_ZUPANIJA.pdf).

символическими и ограничились получением одного мандата в округах Изола (1994 г.) и Копер (1998 г.) (Raos, 2014). В дальнейшем партия ИДС исчезла из политической жизни Словении.

В середине 1990-х гг. Истрийская жупания являлась членом Ассамблеи европейских регионов (*Assembly of European Regions*), которая характеризуется исследователями как одно из двух крупнейших европейских регионалистских объединений (наряду с Советом европейских муниципалитетов). Помимо Истрии в состав Ассамблеи входят еще девять регионов Хорватии²⁶. Задачи Ассамблеи заключаются в поощрении регионализации как формы проявления демократии, «институционализации участия регионов и коммун в создании нового облика Европы», утверждении принципов субсидиарности и территориального сплочения как способов решения социально-экономических проблем (Бусыгина, Верещагина, 2010).

Среди отличительных характеристик организаций европейских регионов исследователи выделяют разнородность состава и структуры, отсутствие конкретной политической платформы и слабые возможности ее согласования. Другой важной особенностью М.В. Грабевник считает традиционалистские элитарно-плюралистические методы лоббистской деятельности (отличающиеся от корпоративного лоббизма), что понижает значимость позиций отдельных регионов и вынуждает их к поиску партнеров для вступления в ассоциации и совместного продвижения интересов (Грабевник, 2021).

Несколько улучшает лоббистские возможности Истрии наличие самостоятельного представительства в Брюсселе, которое было открыто в июне 2005 г. при содействии итальянского региона Фриули-Венеция-Джулия²⁷. Интересно рассмотреть данный факт в контексте аналогичных прецедентов. Прежде всего речь идет об открытии представительства автономного края Воеводина (Сербия) в 2011 г. в Брюсселе. Оно получило значительное внимание в российской регионоведческой экспертизе и было интерпретировано как прецедент, несущий угрозу территориальной целостности Сербии (Энгельгардт, 2011). Открытие истрийского представительства, действующего параллельно с представительством Республики Хорватия, случилось на несколько лет раньше, но при этом не получило однозначной оценки.

Еще одной организацией, где представлены интересы Истрии, является Европарламент: по итогам выборов 2019 г. партия ИДС получила в нем одно место. Насколько можно судить, деятельность представителя ИДС в Европарламенте (Вальтер Флего) носит эпизодический характер и сводится к протесту против сокращения социальной части евродотаций, предоставляемых национальным правительствам, а также фондов развития²⁸.

²⁶ Прим. автора: Загреб, Брод-Посавина, Вараждин, Крапина-Загорье, Осиек-Баранья, Приморье – Горски Котар, Сплит-Далмация, Шибеник-Книн.

²⁷ Представительство Истрийской жупании в Брюсселе. *Istrialn*. Available at: https://www.istra-istria.hr/medjunarodna-suradnja-arhiva/bruxelles/bruxelles_uvod.html (accessed 17 April 2023).

²⁸ Župan Flego: Ulaganje u mlade treba biti na vrhu prioriteta EU. *Istrialn*. Available at: https://www.istra-istria.hr/medjunarodna-suradnja-arhiva/bruxelles_news/detailed/zhupan-flego-ulaganje-u-mlade-treba-biti-na-vrhu-prioriteta-eu.html#Y3vZX3rP25c (accessed 12 April 2023).

Таким образом, представительство Истрии в наднациональных организациях является достаточно обширным, но вряд ли имеющим сильный институциональный потенциал. Существует проблема преодоления барьера в виде национального государства, являющегося основным получателем европейских фондов. Вероятно, дальнейшие усилия ИДС могут быть направлены на обход этого барьера посредством выстраивания коалиционных взаимодействий. Наиболее естественными партнерами для Истрии представляются лоббистские группы регионов Южной Европы (Грабевник, 2021), достаточно многочисленные и сталкивающиеся со схожими экономическими вызовами.

Наиболее близким и доступным партнером для трансграничного сотрудничества представляется Италия. Международные соглашения 1970-х гг. (Осимское соглашение от 10 ноября 1975 г.) и 1990-х гг. (Соглашение между Хорватией, Словенией и Италией о защите прав национальных меньшинств от 15 января 1992 г.), предоставляют достаточно широкие возможности для обеспечения интересов итальянской общины в Истрии. Статут Истрийской жупании утверждает принцип трансграничности (ст. 10) и двуязычия, что означает использование итальянского языка наравне с хорватским в образовании и административном аппарате (ст. 6, 22, 23, 25–27). В отдельных статьях закрепляется право сообщества в Истрии и институтов, его представляющих, развивать отношения с организациями в Хорватии и за рубежом (ст. 24, 29)²⁹.

В предыдущем разделе настоящей статьи говорилось о важности итальянского представительства на руководящих позициях в городах и муниципалитетах Истрии. Далее будет приведено несколько сюжетов, раскрывающих данное обстоятельство.

Первое – особые права организации «Итальянский союз» (ит. *Unione Italiana*), статус которой закреплен в специальной статье статута Истрийской жупании (ст. 29). В настоящее время Итальянский союз имеет 51 представительство в городах и селах Хорватии (не только в Истрии), а также в словенской части Истрии. Под покровительством организации находятся школы и детские сады, радиостанции и некоторые печатные СМИ.

Второй сюжет заключается в связи с итальянским национальным сообществом избранных функционеров Истрийской жупании на ключевых должностях, что подчеркивается как хорватскими, так и итальянскими источниками. В данном отношении стоит отметить фигуру Джессики Аквавиты (*Jessica Acquavita*), уроженки г. Буйе (Истрия), выпускницы философского факультета Университета г. Триест (Италия) и докторантки университета Фоскари (Венеция), в 2021 г. ставшей заместителем жупана Истрии. До вступления в новую должность Дж. Аквавита являлась заместителем руководителя общины г. Буе.

²⁹ Statut Istarske županije/Statuto Della Regione. *Istria*. Available at: https://www.istra-istria.hr/media/filer_public/f7/55/f755abcf-5bd4-44c6-b6c6-c21d07a6b3ae/210712_statut_iz_procisceno_dvojezicno.pdf (accessed 15 April 2023).

Одной из недавних инициатив Дж. Аквавиты стало Письмо-намерение о защите истровенецианского диалекта (истровенето). Данный документ, подписанный 27 марта 2022 г., интерпретируется истрийскими источниками как «формализация факта многолетнего сотрудничества Итальянского сообщества Истрии и Истрийской жупании» и шаг в сторону защиты региональной самобытности³⁰.

Наконец, отдельным исследовательским вопросом является характер взаимодействия ИДС с итальянским движением «Лига Севера», политические отношения с которым были установлены в 1995 г., а возможно и ранее (Raos, 2014).

Дальнейшие перспективы истрийского регионализма

Оценивая перспективы регионализации балканских государств, в 2007 г. Е.Г. Пономарева выделила базовый сценарий для Хорватии: усиление роли отдельных административных районов (Истрия, Далмация, Сербская Краина, Восточная Славония), а также крупных прибрежных городов (Дубровник, Сплит) (Пономарева, 2007). Смелость прогноза подчеркивается тем, что он был сделан за год до финансового кризиса 2008 г., то есть в эпоху политической стабильности, когда радикальные сценарии не выходили за рамки гипотетических вероятностей.

При этом, прогноз нельзя назвать нереалистичным и неактуальным. Как следует из предыдущих разделов, требование предоставления политической автономии регулярно присутствовало в политической программе ИДС в 2000-е и 2010-е гг. Анализ современного информационного поля в регионе свидетельствует об усилении напряженности в риторике по линии «центр-периферия» и возрождении интереса к регионализму.

Логика политической борьбы позволяет рассмотреть несколько возможных подсценариев.

Один из вариантов заключается в усилении фактора итальянского сообщества Истрии с постепенной трансформацией лозунгов – от регионалистских к этнорегионалистским. Существенным ограничением для реализации этого сценария является сокращение доли итальянского населения Истрии ввиду, вероятно, экономической миграции.

Более реальным шагом могло бы стать развитие сотрудничества с новыми региональными партиями, появившимися в Хорватии в 2020–2021 гг. и достаточно успешно выступившими на местных выборах в своих регионах. Среди них можно выделить движение «Кварнерская инициатива» (Приморско-горанская жупания), партию *LiPO* (Личко-сеньская жупания),

³⁰ JESSICA ACQUAVITA - ISTROVENETO je materinji jezik 90% pripadnika talijanske zajednice u Istri. (2022) *Istraln*, 23 March. Available at: <https://istrain.hr/index.php/istrain-arhiva/31587-jessica-acquavita-istroveneto-je-materinji-jezik-90-pripadnika-talijanske-zajednice-u-istri> (accessed 18 April 2023).

«С мудростью За Сплит и Далмацию» (хорв. *Pametno za Split i Dalmaciju*). Сохраняется возможность сотрудничества с более крупными политическими силами, не считающими неприемлемой идею умеренной децентрализации.

Вероятным выглядит сценарий закрепления истрийского «особого статуса» в рамках концепции общего адриатического пространства, который с 2012–2016 гг. фигурирует во внешнеполитической риторике Италии в рамках инициативы «Адриатико-ионического макрорегиона». Не исключено возрождение проекта «Еврорегиона Истрия», сформулированного в 1995 г.

Отношения ИДС и Социал-демократической партии (СДП), до 2015 г. являвшейся главным коалиционным партнером, могут ухудшаться ввиду того, что СДП по итогам выборов 2021 г. усилила позиции в Истрийской жупании на различных уровнях. В сценарии конкуренции, который представляется хотя и маловероятным, но не фантастическим, возможно оформление двух проектов регионализации: «умеренно-федералистского» (СДП) с ориентацией на Загреб как политический центр Хорватии и «регионалистского» (ИДС) с выдвижением на первый план интересов истрийского сообщества.

Не следует забывать и о внутриистрийской коалиционной борьбе. Признаком его возникновения может стать переход партий-союзниц ИДС в коалицию к ее конкурентам. О возможности этого сценария говорит то, что на местных выборах 2021 г. Партия пенсионеров Истрии минимум в трех округах выступила партнером партий хорватской ориентации (ХДС и ХСЛП), хотя на выборах 2017 г. являлась союзником ИДС.

В целом сценарии в Истрийской жупании являются маловероятными, а сам сюжет – глубоко периферийным по сравнению с вопросами испанского, ирландского или фламандского регионализма. Существенным фактором дерадикализации является отсутствие символических атрибутов противостояния, наподобие тех, которые существуют в Испании между футбольным клубом «Реал Мадрид» с одной стороны и «Барселоной» или «Атлетиком» из Бильбао – с другой; либо в шотландском «дерби Старой фирмы» («Селтик» – «Рейнджерс»), затрагивая вопрос католицизма на британских островах и проблему Северной Ирландии.

При этом происходящее в Истрии вписывается в тенденции макроуровня, такие как разрушение биполярной политической модели «правоцентристы–левоцентристы» и разрушение коалиционных взаимодействий между социалистами и либералами в лагере левоцентристов. В ситуации нынешнего хаоса ИДС может стать той политической силой, которая более «не желая быть статистом в больших политических играх», придет к радикализации своей программы. Альтернативой же является постепенное угасание и уход с политической сцены (Орлов, 2022).

Наконец, вполне допустимо, что в парадигмальной логике «глокализации» и «премодерна» наличие этнонационального компонента не является обязательным для радикализации политических требований, и такая идеология может возникнуть на неких новых основаниях.

Список литературы

1. Бусыгина И.М., Верещагина Е.Л. (2010) Европейские организации межрегионального сотрудничества. Лоббирование интересов через институты ЕС. *Вестник МГИМО-Университета* 2 (11): 182–193.
2. Грабевник М.В. (2021) Регионалистский лоббизм в институтах Европейского союза. *Вестник Пермского университета. Политология* 15 (4): 63–74.
3. Орлов А.А. (2022) Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы. *Обозреватель* 5–6: 79–89.
4. Пивоваренко А.А. (2018) *Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века*. М.: Институт славяноведения РАН.
5. Пивоваренко А.А. (2021) Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века. *Славяноведение* 3: 36–49.
6. Энгельгардт Г.Н. (2011) Региональные и сепаратистские движения в странах юго-западных Балкан. *Вопросы национализма* 6: 91–98.
7. Пономарева Е.Г. (2007) *Политическое развитие постъюгославского пространства*. М.: МГИМО (У) МИД России.
8. Baker C. (2016) *Sounds of the Borderland. Popular Music, War and Nationalism in Croatia since 1991*. Routledge.
9. Čular G. (2004) Organisational Development of Parties and Internal Party Democracy in Croatia. *Politička misao* 41 (5): 28–51.
10. Giuricin E. (2009) *Talijanska nacionalna zajednica (1945–1992)*. In: Luciano Lago, Giovanni Radossi. Narodno Sveučilište–Trst (eds) *Istra kroz vrijeme. Pregled povijesti Istre sa osvrtom na grad Rijeku. Rovinj–Rovigno. Talijanska Unija – Rijeka*, pp. 651–669.
11. Grdešić I. (1990) Izborni sistem i izborne odluke. *Politička misao XXVII* (2): 3–10.
12. Raos V. (2014) *Teritorijalnost i Identitet: Istarski Demokratski Sabor i Sjeverna Liga: Komparativna Analiza Uspješnosti Uspostave de Facto Teritorijalnosti. Biblioteka Političke analize knj. 8*. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
13. Raos V. (2014) Izborni uspjeh regionalističkih stranaka u Hrvatskoj i Srbiji. *Političke perspective* 4 (1): 57–82.
14. Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture. Theory, culture & society*. London: Sage.
15. Sanjaume-Calvet M., Mas J., Serrano I. (2022) *Els moviments per l'autodeterminació a Europa*. Barcelona: Fundació Josep Irla; Brussels: Coppieters foundation.
16. Stjepanović D. (2018) *Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe. Statehood Alternatives*. Palgrave Macmillan.
17. Šantić N. (2013) *Ljepotica i zvijer: mali kompendij hrvatskog regionalizma*. Zagreb: Jesenski i Turk.
18. Šetić N. (2006) *O nacionalnom identitetu Istre u XX. stoljeću*. In: *Identitet Istre – ishodište i perspektive*. Zagreb: Institut društvenih znanosti Ivo Pilar, pp.123–135.
19. Tuđman F. (1981) *Nationalism in Contemporary Europe*. New York, East European Monographs, Boulder.

PARTY "ISTRIAN DEMOCRATIC ASSEMBLY" AND REGIONAL ISSUES IN CONTEMPORARY CROATIA

Dr **Alexander A. PIVOVARENKO** – Senior Research Fellow, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-7746-5127. E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru
32a Leninsky ave., Moscow, Russia, 119334.

Received September 30, 2023

Accepted January 13, 2024

Acknowledgments. The research was supported by the grant from the Russian Science Foundation under project 20-78-10030 "Language and cultural contacts in the context of social transformations among national minorities of the Alpine-Pannonian region".

Abstract: The purpose of the article is to characterize the political platform of the Istrian Democratic Assembly (IDS), Croatia, as a political power advocating for the idea of regional autonomy for the Istrian peninsula. Based on the analysis of an extensive database of empirical materials, this article explores the main points of the political ideology of IDS, the nature of its relations with the political center of Croatia, as well as its international cooperation with European organizations and neighboring states. The comprehensive study of this political party and its history between 1991 and 2022 provides a detailed insight into the so-called Istrian regional movement. It is less evident when comparing to similar movements in Southern or Western Europe but still distinct due to its development within both the ethnopolitical context of the Balkan peninsula and the European regionalist movements. Thus the detailed study of this issue gives a detailed picture of internal political trends of the Balkans and the countries in the periphery of the European Union.

Keywords: Istria, regionalism, centralism, Italian community, Istrian Democratic Assembly, Pula

References:

1. Baker C. (2016) *Sounds of the Borderland. Popular Music, War and Nationalism in Croatia since 1991*. Routledge.
2. Busygina I.M., Vereshchagina E.L. (2010) Yevropeyskiye organizatsii mezhregional'nogo sotrudnichestva. Lobbirovaniye interesov cherez instituty YES [European organizations for interregional cooperation. Lobbying interests through EU institutions]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]* 2 (11): 182–193. (In Russian).
3. Čular G. (2004) Organisational Development of Parties and Internal Party Democracy in Croatia. *Politička misao* 41 (5): 28–51.
4. Engelhardt G.N. (2011) Regional'nyye i separatistskiye dvizheniya v stranakh yugo-zapadnykh Balkan [Regional and separatist movements in the countries of the southwestern Balkans]. *Voprosy natsionalizma [Nationalism Issues]* 6: 91–98. (In Russian).
5. Giuricin E. (2009) Talijanska nacionalna zajednica (1945–1992). In: Luciano Lago, Giovanni Radossi. Narodno Sveučilište–Trst (eds) *Istra kroz vrijeme. Pregled povijesti Istre sa osvrtom na grad Rijeku. Rovinj–Rovigno. Talijanska Unija – Rijeka*, pp. 651–669.

6. Grabevnik M.V. (2021) Regionalistskiy lobbizm v institutakh Yevropeyskogo soyuza [Regionalist lobbying in the institutions of the European Union]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]* 15(4): 63–74. (In Russian).
7. Grdešić I. (1990) Izborni sistem i izborne odluke. *Politička misao* XXVII (2): 3–10.
8. Orlov A.A. (2022) Krizis dvukhpolyusnykh partiynnykh sistem v stranakh Zapadnoy Yevropy [The crisis of bipolar party systems in Western European countries]. *Obozrevatel' [Observer]* 5–6: 79–89. (In Russian).
9. Pivovarenko A.A. (2018) *Khorvatiya: istoriya, politika, ideologiya. Konets XX – nachalo XXI veka [Croatia: history, politics, ideology. The end of the 20th – the beginning of the 21st century]*. M.: Institut slavyanovedeniya RAN [Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian).
10. Pivovarenko A.A. (2021) Etnicheskiy sostav naseleniya Istrie s kontsa XIX do nachala XXI veka [Ethnic composition of the population of Istria from the end of the 19th to the beginning of the 21st century]. *Slavyanovedeniye [Slavic Studies]* 3: 36–49. (In Russian).
11. Ponomareva E.G. (2007) *Politicheskoye razvitiye postyugoslavskogo prostranstva [Political development of the post-Yugoslav space]*. M.: MGIMO (U) MID Rossii [MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia]. (In Russian).
12. Raos V. (2014) *Teritorijalnost i Identitet: Istarski Demokratski Sabor i Sjeverna Liga: Komparativna Analiza Uspješnosti Uspostave de Facto Teritorijalnosti. Biblioteka Političke analize knj. 8*. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
13. Raos V. (2014) Izborni uspjeh regionalističkih stranaka u Hrvatskoj i Srbiji. *Političke perspective* 4 (1): 57–82.
14. Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture. Theory, culture & society*. London: Sage.
15. Sanjaume-Calvet M., Mas J., Serrano I. (2022) *Els moviments per l'autodeterminació a Europa*. Barcelona: Fundació Josep Irla; Brussels: Coppieters foundation.
16. Stjepanović D. (2018) *Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe. Statehood Alternatives*. Palgrave Macmillan.
17. Šantić N. (2013) *Ljepotica i zvijer: mali kompendij hrvatskog regionalizma*. Zagreb: Jesenski i Turk.
18. Šetić N. (2006) *O nacionalnom identitetu Istre u XX. stoljeću. In: Identitet Istre – ishodište i perspektive*. Zagreb: Institut društvenih znanosti Ivo Pilar, pp.123–135.
19. Tuđman F. (1981) *Nationalism in Contemporary Europe*. New York, East European Monographs, Boulder.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Владимир НЕЧАЕВ
Севастопольский государственный университет

Егор МАТЮНКОВ
МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация: Изучение реинтеграции территорий становится все более актуальным в связи с меняющейся геополитической повесткой и задачами, встающими перед российским государством. В статье приводится обзор отечественных и зарубежных исследований, посвященных вопросам интеграции и реинтеграции. Представленные работы разделены на две группы, в зависимости от уровня изучения – системного и личностного. На основе данного обзора предложена двухуровневая модель анализа реинтеграционных процессов в трех сферах – экономической, политической и культурной. С использованием данной модели в статье рассматриваются два случая в Новейшей Истории – вхождение Восточной Германии в состав ФРГ и продолжающаяся интеграция Гонконга в КНР. Выявленные различия в характере протекания реинтеграционных процессов подтвердили значимость выбора той или иной стратегии в каждом из элементов общественной системы, а также позволили сделать предположение о необходимости наличия как минимум одного элемента-катализатора для начала воссоединения. Экономический фактор в обоих случаях выступал в качестве локомотива реинтеграции, в то время как культурный производил необходимый консолидирующий эффект. Наряду с этим в статье делаются предположения относительно перспектив дальнейших исследований и теоретической разработки проблемы.

Ключевые слова: реинтеграция, интеграция, территории, сравнительный анализ, ГДР, Гонконг, вхождение, воссоединение

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета.
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Егор Станиславович Матюнков – аспирант Факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: matyunkov98@mail.ru
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

Поступила в редакцию: 14.10.2023

Принята к публикации: 18.01.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код (шифр) научной темы, присвоенной учредителем (организацией) проект FeFM–2023–0011).

Введение

Политические процессы, приводящие к вхождению в состав государства территории, ранее по разным причинам вышедшей из него, становятся все более распространенным явлением. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г., а также расширение списка субъектов Российской Федерации в 2022 г. в результате включения в него новых регионов делают особенно актуальным изучение отечественной наукой феномена реинтеграции.

Под реинтеграцией в данном случае понимается повторная интеграция в состав какого-либо государства некоторой территории, ранее – добровольно или принудительно – вышедшей из него (или его исторического предшественника). Реинтеграция представляет собой, таким образом, частный случай интеграции государственных образований. Особенностью реинтеграционного процесса является влияние на него фактора исторической памяти о былом единстве и интерпретированного через его призму опыта нахождения вне государства, к которому присоединяется территория.

В зарубежном научном и политическом дискурсе возвращение Севастополя и Крыма в состав России или присоединение территорий Луганской и Донецкой народных республик, Херсонской и Запорожской областей часто описываются как некий экстремальный случай. Однако в новейшей истории можно найти примеры реинтеграционных процессов в различных частях света.

В настоящей работе проводится сравнительный анализ двух зарубежных кейсов: включение в состав ФРГ земель, ранее входивших в ГДР, а также аналогичный процесс в КНР в отношении Гонконга. Два указанных случая, демонстрируя принцип наибольших различий, позволяют, тем не менее, выделить некоторые общие закономерности протекания реинтеграционных процессов.

Работа состоит из трех частей. В первой осуществлен анализ теоретических подходов к феномену реинтеграции, на основании обобщения которых предложена концептуальная рамка сравнительного анализа. Во второй произведен непосредственно разбор кейсов. В третьей представлен их сравнительный анализ.

Предполагая прежде всего вторичное использование данных, исследование опирается на обзор литературы, посвященной указанным случаям.

Теоретико-методологические основания

Весь массив литературы, посвященной теоретическим аспектам изучения реинтеграции (интеграции), можно условно разделить на две большие группы.

Первая группа исследований концентрируется на макроуровне. В качестве объекта рассматриваются большие социально-экономические и политические системы: государства, наднациональные союзы, регионы как системы и т.п. В качестве методологической основы используются различные

версии системного и институционального подходов, предполагающих анализ процессов интеграции (реинтеграции) на политическом, экономическом и социокультурном уровнях (Соколова, 2010) – при формировании общей политической системы нового порядка (Rosamond, 2000).

Вторая группа исследований базируется на социологических и политико-психологических подходах. В качестве объекта изучаются случаи личностной реинтеграции – как отдельных индивидов, так и их групп, в частности мигрантов и вынужденно перемещенных лиц.

Работы из первой группы основываются на теориях межгосударственной интеграции. Немецкий политолог Г.С. Шаль (Schaal, 2001) выделяет в рамках институционального подхода четыре школы исследований, используя понятие нормы в качестве центрального: 1) либералистическую (Роулз, Леймор, Акерман) – исследуется консолидирующий потенциал норм; 2) дискурсивную (Хабермас, Бейнс, Герстенберг, Или) – обеспечение нормами коммуникации и учета интересов; 3) конфликтную (Редель, Франкенберг, Дюбель) – норма как противовес конфликтогенности; и 4) ценностную (Бекенферде, Барбер, Сменд) – нормы как воплощение общих ценностей.

Американские политологи Л. Хогге и Г. Маркс (Marks, 2012; Marks, Hooghe, 2019) выделяют иные методологические основания для исследований интеграции: 1) неофункционалистские – интеграция определяется схожим экономическим «эффектом перелива» и изначальными ожиданиями от нее как от общего блага (Haas, 1958/2004; Ilievski, 2015); 2) интерговернменталистские – интеграция как процесс, подконтрольный правительствам и определяемый их политическими интересами; и 3) постфункционалистские – интеграция как столкновение идентичностей и как стремление преодолеть некий конфликт. В рамках интерговернменталистского направления авторы выделяют два подхода: 1) «реактивный», в соответствии с которым интеграция происходит вследствие изменения баланса сил с сохранением изначальных национальных государств (Milward, 1992); 2) «либеральный», согласно которому интеграция является ответом на состояние взаимозависимости и формируется под значительным влиянием функциональных интересов каждого государства (Moravcsik, 1998). В рамках постфункционалистского направления, к которому себя относит сам Г. Маркс, анализ политической интеграции разделяется на три составляющие: 1) выявление различий между международным статус-кво и функциональным давлением на разных уровнях вследствие взаимозависимости (Marks, 2012); 2) изучение обстоятельств и окружения, в которых принимаются решения; и, наконец, 3) достижение понимания того, каким образом интеграция изменяет структуру политического конфликта (Hooghe, Lenz, Marks, 2019).

Примером использования теорий из первой группы прежде всего являются исследования, посвященные европейской интеграции и рассматривающие ее историю, эффективность и перспективы развития. Можно упомянуть такие

темы, как исторические особенности функционирования правительств внутри государств и между ними в рамках (потенциального) объединения (Marks, 2012), поздняя реинтеграция институтов отдельных государств после отказа от участия в общеевропейских правовых проектах (Genschel, Jachtenfuchs, Migliorati, 2022), политическая экономия европейской интеграции (Jones, Verdun, 2005). Работы, посвященные евразийской интеграции (в рамках ЕврАзЭС), в числе прочего рассматривают риски и перспективы стратегических вызовов (Мешкова, 2019), особенности сопряжения законодательства (Margaritou, 2021) и геополитические возможности для России (Лескова, Парфенов, Адамская, 2023).

В исследованиях из второй группы изучается личностная реинтеграция. В них анализируются как модели поведения индивидов, так и государственные меры по обращению с гражданами и организациями с целью успешного восстановления стабильной общественной жизни и экономики. В отличие от исследований из первой группы, в качестве основных выступают социологические и политико-психологические методы, используемые для оценки эффективности реинтеграционных мероприятий или описания исходного состояния перед их проведением. В их число входят опросы, фокус-группы и экспертные интервью. Типичным примером подобных исследований являются практико-ориентированные работы, выполненные по заказу ООН и иных международных организаций, целью которых – является разработка рекомендаций на основе анализа результатов реинтеграции перемещенных лиц и лиц, подвергшихся влиянию войны (Socio-Economic Reintegration..., 2009; Repatriation and reintegration of children..., 2023; Reintegration in the Transition from War to Peace, 1997).

Только начинают появляться комплексные исследования реинтеграции регионов вследствие неразработанности проблематики как таковой, а также ограниченности феномена историческим контекстом. Имеющиеся работы охватывают области современных геополитических конфликтов и содержат рекомендации по возвращению территорий под контроль государства, в состав которого они входили ранее. В качестве метода используется не только анализ статистических данных и декларативных документов, но также глубинное интервью, что выводит подобного рода исследования в область политической психологии (Garcés-Mascareña, Penninx, 2016; Schammann, Bendel, Müller, Ziegler, Wittchen, 2020; Reintegration in the Transition from War to Peace, 1997; Creating Transnational Conditions..., 2021; Grawert, Mielke, Pleisnitzer, Markiewicz, Rifat, Abdou, 2020).

Опираясь на опыт проанализированных выше исследований, можно предложить следующую наиболее общую рамку для сравнительного анализа реинтеграционных процессов (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Общая рамка для сравнительного анализа интеграционных процессов¹

Table 1. A general framework for comparative analysis of integration processes

	Политика	Экономика	Культура
Макроуровень (системная реинтеграция)			
Микроуровень (субъективная реинтеграция)			

Данная модель предполагает проведение комплексного анализа реинтеграционных процессов на двух уровнях: 1) системном – выявление комплекса формирующихся связей между реинтегрирующимся объектом и реинтегрирующей его системой, и 2) личностном – изучение адаптации индивидов и групп, проживающих на территории реинтегрируемого региона, к существованию в рамках единого государства. На каждом из уровней реинтеграция может быть рассмотрена в трех измерениях: политическом, экономическом и социокультурном. При проведении сравнительного анализа важно учитывать не только сходства и различия по каждому из измерений на каждом из уровней, но и межуровневые и межсекторальные связи. Как взаимовлияют и взаимообуславливают динамику процессы реинтеграции в политическом, экономическом и социокультурном измерениях? Как связаны между собой процессы на системном и личностном уровнях?

Опыт реинтеграции в новейшей истории

В рамках исследования были рассмотрены два кейса: Восточная Германия – ФРГ и Гонконг – КНР, представляющие собой уникальные примеры реинтеграции государств, обладающих разными культурными (Европа и Азия) и социально-экономическими (вхождение социалистического государства в капиталистическое и наоборот) характеристиками (см. Таблицу 1).

Восточная Германия

В ходе реинтеграции происходила ликвидация государственного аппарата и вхождение округов бывшей Германской Демократической Республики в Федеративную Республику Германия. ГДР была образована в 1949 г. в советской зоне оккупации в ответ на создание ФРГ союзниками – США, Великобританией и Францией. Вследствие периода политико-экономической нестабильности и потери заинтересованности СССР в поддержке восточногерманского государства, являвшегося «форпостом» соцблока на Западе в период холодной войны, в 1990 г. был сначала заключен валютный союз между ФРГ и ГДР, а затем решением Народной палаты последней упразднены соответствующие государственные институты.

¹ Источник: составлено авторами.

Экономика. Система народного хозяйства ГДР была основана на государственной собственности при почти полном отсутствии рыночных механизмов. В конце 1980-х гг. стали очевидными хроническая нехватка ряда важных ресурсов и стагнация в развитии. Проявилась проблема технологической отсталости многих предприятий ГДР в сравнении с таковыми в ФРГ при неспособности экономики последней поднять уровень жизни в восточногерманских землях до уровня западных. Для того чтобы сгладить разницу, с началом реинтеграции был создан специальный Фонд германского единства капитализацией в 115 млрд марок. Его объемов оказалось недостаточно: общие вливания в восточногерманскую экономику составили порядка 1 трлн марок (Jansen, 2004). Несмотря на это, макроэкономическую интеграцию можно назвать успешной лишь частично: многие восточногерманские предприятия закрылись из-за неспособности вести деятельность по новым правилам либо не выдержали конкурентной борьбы. Примечательно, что одной из причин последнего стало повышение зарплат работников до уровня западных, что привело к существенному росту производственных издержек (Fritsch, Sorgner, Wyrwich, 2015). Реорганизация сельхозкооперативов («колхозов») также оказалась проблематичной: значительная часть их активов не была распределена между бывшими владельцами – частными хозяйствами, ставшими частными предприятиями, – а показатели отрасли значительно просели². Экономический упадок привел к социальной депрессии, проявившейся прежде всего в высоком уровне безработицы: так, если в 1990 г. (до объединения) в ФРГ имелось 1,8 млн безработных, то к 1998 г. это число возросло до 4,6 млн.

Характер экономической реинтеграции негативно отразился и на микроуровне: как на семейных хозяйствах, так и на личностном восприятии. Опросы 1997 г. выявили более высокий уровень обеспокоенности среди респондентов из бывшей ГДР по таким вопросам, как «собственное материальное положение», «наличие стабильной работы», «уверенность в обеспеченности жильем», «рост преступности», «сохранение мира», «социальные гарантии для детей» в сравнении с согражданами из западной части страны (Lang, 1999). Данные тревоги были вполне обоснованы. Так, число занятых сократилось с 8 млн (1990 г.) до 5,9 млн (1993 г.) и при незначительных колебаниях, вызванных внутренней трудовой миграцией, сохранилось на том же уровне до 2011 г. (5,9 млн). Одной из причин экономического упадка стали структурные изменения: на фоне развившегося сектора услуг и социального обеспечения процент занятых в промышленности сократился с 47,4 в 1989 г. до 25,6 в 2013 г. Вдвое выросла часть самозанятого населения, превысив соответствующую

² *Umstrukturierung der Landwirtschaft. Bundesstiftung Aufarbeitung.* Available at: <https://deutsche-einheit-1990.de/ministerien/melf/lw-struktur/> (accessed 5 June 2023); Neißer W. (2012) Die LPG wurde meistens eine Agrargenossenschaft. *nd*, 16 June. Available at: <https://www.nd-aktuell.de/artikel/229931.die-lpg-wurde-meistens-eine-agrargenossenschaft.html> (accessed 5 June 2023).

долю среди жителей западных земель (Fritsch, Sorgner, Wyrwich, 2015). Несмотря на действия правительства, направленные на преодоление дифференциации уровня жизни в федеральных землях, разница между экономическими системами западногерманских и восточногерманских регионов проявлялась и далее, в частности, в росте заработных плат при внутренней трудовой миграции (Peukert, Smolny, 2011).

Таким образом, трудности, связанные со структурной перестройкой экономики восточных земель, а также ее слабой конкурентоспособностью в новых условиях, привели к снижению реинтеграционного потенциала на макроуровне, на который, по крайней мере, формально, возлагались надежды как во внутригерманском контексте, так и в свете европейской интеграции (Günther, Lippert, 1991). Данные явления нашли свое отражение на субъективно-личностном уровне, затронув как непосредственное трудоустройство и материальную обеспеченность граждан, так и их экономические поведение и восприятие.

Политика. Несмотря на то что политическая система ГДР разительно отличалась от таковой в ФРГ, первоначальная интеграция прошла относительно спокойно. Афилированные с государством организации, такие как Социалистическая Единая Партия Германии (СЕПГ), Национальная Народная Армия (ННА), военизированная организация производственных рабочих «Боевые Группы Рабочего Класса» (БГРК) не смогли оказать существенного влияния на сохранение ГДР. В условиях экономической нестабильности и отсутствия гарантий внешнеполитической поддержки в случае насильственного подавления брожений (Hertle, 2009) государственный аппарат оказался неспособен сохранить авторитет и рычаги управления. В результате произошли делигитимизация упомянутых институтов и последующая «мирная» ликвидация или инкорпорация (яркий пример – ННА) (Ovens, 2009) отдельных частей³ в структуры Западной Германии. Так, по данным Федерального Архива ФРГ в 1990-е гг. по уголовным делам против бывших сотрудников МГБ ГДР («Штази») лишь в 87 из 251 случая был вынесен приговор, оценивающийся как «мягкий»⁴, что контрастирует с жесткой критикой мер, предпринятых спецслужбой, и исторической памятью о ней.

Анализируя личностный уровень политики, важно упомянуть о разделении на элитные группы бывшей ГДР, имеющие разные модели поведения и установки: «воссии», социализированные уже в ФРГ; депутаты «Левой» партии и иные граждане, имеющие доступ к управлению. Как показало исследование

³ Pfennig W., Lee E.-J. (Verfasser) (2010) Band 04: Polizei in einer wiedervereinigten Stadt. *Tongilbu. Freie Universität Berlin*. Available at: <https://www.geschkult.fu-berlin.de/e/tongilbu/publikationen/2010/band04/index.html> (accessed 4 November 2022).

⁴ Herbstritt G. (n.d.) Strafverfolgung wegen MfS-Unrechts. *Das Bundesarchiv. StaSi-Unterlagen-Archiv*. Available at: <https://www.stasi-unterlagen-archiv.de/mfs-lexikon/detail/strafverfolgung-wegen-mfs-unrechts/> (accessed 4 November 2022).

Л. Фогеля, «восси» более ориентированы на индивидуалистскую конкуренцию между политическими акторами, в то время как представители «Левой» партии более привержены идеям равенства и коллективизма. И если первые выступают за независимый статус элитных групп, то вторые занимают умеренные позиции по данному вопросу (Vogel, 2017). Разной является и пропорциональная степень вовлеченности во властные структуры единой Германии: представители истеблишмента бывшей ГДР традиционно «не дотягиваются» до соответствующего им процента от общего числа занимаемых должностей, что объясняется отсутствием конкуренции и потребности в инновациях для повышения статуса в рамках социалистической системы. Граждане, выросшие в ГДР и привычные к старым общественным нормам, оказавшись в новых условиях капиталистических отношений, зачастую не придают значения соответствующим ценностям и установкам, что сказывается на их карьерном росте (Best, 2017) либо на успешности экономических предприятий и макроэкономической интеграции (Тоерел, 2000). Большую роль в данном процессе играет большая адаптивность молодежи к новым реалиям (Lang, 1999).

Таким образом, политическая реинтеграция ГДР характеризовалась системным сломом прежних общественно-государственных отношений и властных институтов наряду с частичным встраиванием старых восточногерманских элит и политического дискурса в новое общегерманское пространство.

В работах на культурно-демографическую тематику отмечается, что положительный образ ГДР в сознании жителей восточных земель чаще всего связывался с уверенностью в завтрашнем дне. О роли данного показателя свидетельствуют лонгитюдные социологические исследования, проведенные в 1980–1990-х гг. В последние годы существования государства они зафиксировали снижение согласия с такими утверждениями, как «политическая связь с ГДР»⁵, «уверенность в будущем социализма» и «марксизм-ленинизм дает ответы на жизненные вопросы». В то время как доля респондентов, разделяющих данные тезисы, снизилась с 88%, 87% и 54% в 1987 г. до 67%, 63% и 25% в 1989 г. соответственно, процент «уверенных в своем будущем в ГДР» оставался предельно высоким вплоть до упразднения восточногерманского государства (Förster, 2006). Важно учитывать, что положительные оценки прошлого чаще выражаются бывшими представителями управленческих классов, ощущающих помимо прочего чувство ненужности, которое отсутствовало при прежнем строе (Brussig, 2003).

С 1993 г. в немецком языке стало употребляться понятие «остальгия», описывающее ностальгический сентимент по отношению к ГДР, встречающийся преимущественно среди жителей восточных регионов. При этом отмечается, что испытываемое чувство имеет отношение не к реальной ГДР, а скорее к ее

⁵ Под этим понимается согласие с тезисом «Я чувствую тесную связь с ГДР как со своей социалистической родиной» (*„Ich fühle mich mit der DDR als meinem sozialistischen Vaterland eng verbunden“*).

образу, который был сконструирован еще в годы существования государства и частично дополнен индивидуальным социально-экономическим опытом последующих лет (Banchelli, 2006). Анализируя феномен ностальгии, С. Бойм выделяет два ее подтипа – восстанавливающую и рефлексивную. В первом случае речь идет о конструктивном процессе пробуждения национального чувства, основанного на стремлении сохранить память о прошлом и вернуть атрибуты прежней эпохи. Рефлексивная же ностальгия подразумевает тоску по ушедшим временам, надломленный процесс воспоминания и осознание необратимости исторических изменений (Boym, 2003). Л. Гарофала полагает, что «остальгия» относится к восстанавливающему типу, поскольку она проистекает из желания сохранить элементы недалекого прошлого (Garofala, 2012), в дискурсе о котором жители восточных земель воссоздают собственную идентичность.

Несмотря на существование феномена остальгии, стоит отметить, что он не влечет за собой прямых политических последствий. Так, согласно исследованию 2019 г. (Neu, 2019), в котором приняло участие 2040 человек, большая часть респондентов из восточных земель не разделяет мнения о том, что жизнь в ГДР была лучше (61%), и никогда не испытывает тоску по ГДР (56%). Это можно истолковать как общее отсутствие стремления вернуться к старым отношениям. В то же время, при почти единодушном одобрении самого процесса Воссоединения (*Wiedervereinigung*) среди них весьма высок процент считающих, что в западной части страны не понимают, через что прошли (66%) и чего достигли жители ГДР (72%). Хотя подобные результаты показывают существование культурно-экономических различий между группами населения объединенной Германии, их политический потенциал весьма сомнителен. Разницу между двумя частями страны демонстрирует также восприятие семьи и брака. Так, согласно исследованию 2018 г., жительницы восточных земель в большей степени готовы к рождению детей, реже одобряют институт яслей, предпочитая заботиться о ребенке самостоятельно, и выражают большее несогласие с его воспитанием в одиночку (Schiefer, Naderi, 2018). Эти данные согласуются с рядом предыдущих исследований, в частности 2011 г. (Kreyenfeld, Goldstein, 2011), выявивших наличие на Востоке следующих тенденций: более молодой возраст матери при рождении первого ребенка; менее высокий уровень бездетности; большее число детей, рожденных вне брака; значительный уклон женщин в сторону совмещения работы и заботы о ребенке.

После реинтеграции культурные учреждения ГДР подверглись реорганизации по западному образцу, что в первую очередь было продиктовано введением унифицирующих административных предписаний. Данная мера, наряду с вовлечением в работу специалистов из западной части Германии, привела к относительной напряженности среди управленцев в этой сфере. Снисходительное отношение к культуре восточных земель в целом также не могло не затронуть социальные отношения (Sievers, Föhl, Knoblich, 2016). Схожая разница и недооцененность со стороны западных немцев наблюдалась и в области науки. Между тем образовательная система ГДР наряду

с исследовательскими институтами не только функционировала в других социально-экономических условиях, но и обладала уникальными объектами инфраструктуры, в частности, имеющими связи со странами «третьего мира» (Reetz, 1991).

Таким образом, реинтеграция бывшей ГДР в состав ФРГ являлась и до сих пор остается многофакторным процессом, проходящим в нескольких измерениях: экономическом, политическом и культурно-демографическом. Несмотря на наличие значительного потенциала, успешной ее можно назвать лишь частично. Стабильное функционирование государственных институтов ФРГ в Восточной Германии не отменяет выявленных проблем на макро- и микроуровне. Налицо недостаток планирования и конкретных мер, а также отсутствие адекватных инструментов инкорпорации бывшей социалистической экономики.

Гонконг

Предпосылкой повторного вхождения Гонконга в состав материкового государства стало истечение срока действия Соглашения о расширении Гонконга между империей Цин и Соединенным Королевством. В договоре от 1898 г. фиксировалось право Британии на аренду части территорий на 99 лет, и таким образом подводился итог борьбы с Китаем за колониальное доминирование в регионе. В 1980-х гг. вопрос о принадлежности Гонконга вновь вышел на повестку дня и был решен в пользу его передачи под контроль КНР в 1997 г. с установлением особого переходного периода до 2047 г. При этом Соединенное Королевство было формально обязано вернуть лишь часть территорий, арендованных в рамках Соглашения, остальные были получены в полную собственность по Нанкинскому договору (1840) и Пекинскому соглашению (1862), – но по конъюнктурно-имиджевым причинам отказалось от всех.

Активная экономическая реинтеграция имела место одновременно на системном и на личностном уровнях. Как и в случае с ГДР, одной из причин вхождения в состав другого государства стали экономические проблемы. В 1980-х гг. на фоне нескольких кризисов в Гонконге отмечался рост недовольства из-за падения уровня жизни, связываемого с колониальным администрированием и перебоями в снабжении с материкового Китая, что стимулировало британское правительство пойти на уступки требованиям КНР вернуть территории.

На макроуровне в начале реинтеграции сыграли ключевую роль такие явления, как снижение стоимости рабочей силы вследствие миграции с «Большой земли» и поступления более дешевых трудовых ресурсов, развитие международных связей, акцентуализация этно-фамильных паттернов среди элитных групп. Это привело к усилению зависимости экономики Гонконга от материковой части КНР, что проявилось в том числе в значительном росте доли «китайских» предприятий на рынке: с порядка 8% в 1995 г. до 64% в 2018 г. (Yuen, Cheng, 2015). Гонконг имеет тесные экономические связи с Шанхаем и Шэньчжэнем и, будучи включенным в совместную с ними программу

Stock Connect, выступает важным звеном в интернационализации фондовых рынков Китая (Cheng, Chow, Chui, Wong, 2019). С учетом относительно стабильной экономики региона сказанное выше может свидетельствовать о вполне успешной реинтеграции Гонконга в этой сфере, несмотря на наличие ряда отрицательных тенденций, таких как снижение уровня жизни, изменение возрастной структуры населения и повышение цен на недвижимость.

Анализируя личностный уровень реинтеграции экономики Гонконга, следует отметить неформальные связи между его экономической элитой и властями КНР, ставшие одним из катализаторов объединения двух систем (Mathews, Ma, Lui, 2008; Smart A., Smart J., 1991). Подобные контакты зиждутся на многовековой истории двустороннего взаимодействия, и их потенциальное влияние на политическое будущее Гонконга обсуждалось еще до вхождения последнего в состав КНР в 1997 г. (Lui, 2000). Позиции китайских деловых кругов в Гонконге усилились в 1980-х гг. в ходе конкуренции с британскими банками и корпорациями, терявшими позиции вследствие неудач на рынке и государственных мер по деколонизации (Lui, 2008), что повысило реинтеграционный потенциал. Схожим образом крепнут связи между континентальным Китаем и рядовыми гражданами Гонконга. Так, более 500 тысяч из 7 млн гонконгцев проживают в соседней провинции Гуандун (Cabestan, Florence, 2018).

Таким образом, при анализе экономической интеграции Гонконга на обоих уровнях можно констатировать относительно успешное взаимодействие полуострова и материковой части Китая, в ходе которого не последнюю роль сыграли общие экономическое прошлое и культурно-социальный континуум.

Отличительной особенностью политической реинтеграции Гонконга на макроуровне было то, что переход под юрисдикцию Китая не сопровождался падением институтов государственности. Это определяет постепенный характер трансформации, основывающейся на принципе «Одна страна, две системы», который формально закрепляет автономный статус Гонконга с сохранением капиталистической экономики и специфических для него политических институтов. Вместе с тем, хотя и до вхождения в состав КНР уровень демократии в Гонконге не оценивался как высокий, его показатели за последние десять лет значительно снизились (The China challenge, 2021). Так, на территории перестали проводиться всеобщие выборы главы (руководителя правительства). Вместо этого он назначается специальным комитетом, состоящим из видных представителей бизнеса и политики. В 2021 г. изменения коснулись и специфики избирательного процесса в Законодательный Совет: список кандидатов стал проходить через дополнительный фильтр на предмет «патриотизма и уважения по отношению к Коммунистической Партии Китая»⁶. Примечательны заявления о давлении «континентальной элиты» на местную

⁶ Ho K. (2011) Beijing approves resolution to overhaul Hong Kong's elections – candidates to be vetted. *Hong Kong Free Press*, 11 March. Available at: <https://hongkongfp.com/2021/03/11/breaking-beijing-approves-resolution-to-impose-electoral-overhaul-on-hong-kong> (accessed 6 November 2022).

при попытках последней развивать программы социального строительства, что связывается с экономическими и имиджевыми потерями центрального правительства (Cabestan, Florence, 2018).

Перейдя под значительное влияние КПК, политическая система Гонконга, тем не менее, была интегрирована не полностью, что выражается на личностно-политическом уровне. Ярким примером остающегося пространства для политического маневра является протестная деятельность, хотя и отчасти инерционная. Э. Саутеде, изучая разницу между волнами протеста 2014 г. и 2019 г. (во втором случае демонстрации были направлены против разрешения экстрадировать заключенных в «Большой Китай»), отмечает: несмотря на ужесточившиеся меры со стороны центральной власти по отношению к гонконгским оппозиционерам, последние уличные акции показали, что состав движений стал более молодым, а их идеологическое наполнение – более радикализированным (Sautedé, 2020). Можно предположить, что это осложнит дальнейшую реинтеграцию. Другой формой противодействия интеграции является политический консьюмеризм – выбор тех или иных товаров исходя из отношения к их производителю, что также было зафиксировано в Гонконге (Wong, Kwong, Chan, 2021).

Таким образом, политическая реинтеграция Гонконга характеризуется созданием единой системы властных отношений между общежитайскими и гонконгскими элитами на макроуровне при сохранении значительного разрыва между политическими акторами на личностном уровне и между малыми и средними группами.

На обоих уровнях в культурно-демографической сфере наблюдаются противоречивые эффекты. Несмотря на то что в большинстве случаев кантонцы, преобладающие в структуре населения Гонконга, считаются этническими китайцами (ханьцами), жители специального административного района не всегда идентифицируют себя с последними. Помимо этого, среди представителей (суб)этнических групп распространено использование собственных миноритарных языков и диалектов (Ember, Carol, Skoggard, 2005), что приводит к разрыву «этнического континуума» с континентальной частью КНР. Различия, сформированные вследствие особенностей социально-исторического развития Северного и Южного Китая, накладываются на современные политические условия, характеризующиеся усилением роли центрального правительства КНР во внутренних делах Гонконга. Такого рода трансформации, сопровождаемые протестами среди различных слоев населения, привели к усилению гонконгской идентичности в молодежной среде и относительному снижению самоидентификации с ханьцами⁷ (Kam, 2020; Xu, 2015). Схожие

⁷ *The Economist* (2019) Almost nobody in Hong Kong under 30 identifies as "Chinese". 26 August. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/08/26/almost-nobody-in-hong-kong-under-30-identifies-as-chinese> (accessed 22 June 2023).

тенденции наблюдаются и в сфере образования: сохраняющаяся относительная автономия Гонконга в этой области, включая нормотворчество, влечет за собой пробуждение национального чувства, которое противоречит проецируемому центральным правительством образу единого Китая (Liu, 2021).

В числе неоднозначных эффектов реинтеграции можно назвать восприятие специального административного района жителями материковой части страны. Гонконг, подверженный сильному влиянию зарубежной культуры, существенно отличается от традиционного рефлексивного образа КНР, вследствие чего его можно описать как некий мост между Китаем и Западом (Lo Wai Yat, Lee, Abdrasheva, 2022). Местные продукты творческой деятельности (фильмы, музыка) с одной стороны воспринимаются как отличающиеся от «исконно китайских», а с другой – считаются в целом «своими» (Chu, 2020), привнося таким образом западные мотивы в китайскую культуру.

Особую роль в культурной реинтеграции на личностном уровне играет мультикультурализм Гонконга. С одной стороны, он основывается на принципе инклюзивности в отношении представителей различных этнических групп. С другой – поддерживает специфическую социальную иерархию, в которой учитывается влияние традиционных для региона этно-профессиональных групп (Arat, Kerelian, Dhar, 2022). В определенной степени реализации консолидационного потенциала препятствует политика правительства, проводимая по принципу разделения на «лояльную» и «нелояльную» культуру, что не всегда находит понимание среди жителей региона (Chow, 2012).

Таким образом, при анализе реинтеграции в культурной сфере были выявлены противоречивые тенденции на обоих уровнях. На макроуровне происходит постепенная адаптация, а в ряде случаев – ассимиляция кантонцев, что вызывает как отрицательные, так и положительные реакции со стороны жителей региона. На личностном уровне местами формируется идентичность, не совпадающая с общекитайской. В то же время население континентальной части КНР потребляет и инкорпорирует продукты самобытной культуры Гонконга.

В случае Гонконга основной движущей силой стали экономические факторы, оказавшие заметное влияние на британскую администрацию задолго до начала интеграции. Политический же и культурный компоненты продемонстрировали противоречивый потенциал, о чем свидетельствуют незавершенность процесса интеграции на макроуровне, противодействие со стороны оппозиции, а также формирование специфической локальной идентичности. Реинтеграция Гонконга отличается от случая ГДР наличием высокой степени автономности и даже некоторых признаков государственности, значительным экономическим и культурным капиталом, расколом по линии «Восток–Запад».

Заключение

Рассмотренные случаи позволили выявить общие черты и характерные изменения, происходившие с реинтегрируемыми территориями в трех измерениях – политическом, экономическом и культурно-демографическом – на системном (макро-) и личностном (микро-) уровнях. Результаты сравнительного анализа данных особенностей отображены в Таблице 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа особенностей реинтеграции ГДР и Гонконга⁸

Table 2. The results of a comparative analysis of the features of the reintegration of the GDR and Hong Kong

	Политика	Экономика	Культура
Макроуровень (системная реинтеграция)	ГДР		
	Демонтаж государственных органов и полное реформирование административной системы	Дестабилизирующая трансформация социалистической (с элементами рыночной) экономики в капиталистическую	Маргинализация официального дискурса и культуры быта эпохи ГДР
	Гонконг		
	Сохранение временной ограниченной автономии и отличного от континентального Китая законодательства	Сохранение экономической системы с постепенной интеграцией общекитайских элементов	Двойственная интеграция Гонконга как эндо- и экзогенного элемента в общекитайское культурное пространство
Микроуровень (субъективная реинтеграция)	ГДР		
	Частичная адаптация и интеграция предшествующих элит	Посредственное достижение показателей по выравниваю уровня жизни между Востоком и Западом	Относительно успешная культурная интеграция индивидов, создание общего дискурсивного пространства
	Гонконг		
	Постепенная нейтрализация элит, оппозиционных центру	Развитие личной экономической взаимозависимости с остальной частью КНР	Разнополярные процессы ассимиляции в общекитайском дискурсе и популяризация кантонской идентичности

Несмотря на то, что в полях сравнительной матрицы показатели реинтеграции ГДР и Гонконга различаются вследствие особенностей исторического и культурного контекста, можно отметить одну общую черту: в обоих случаях катализатором процесса реинтеграции стал экономический фактор, в результате действия которого сформировались запрос на изменения на макроуровне и ожидания на микроуровне. В ГДР это выразилось

⁸ Источник: составлено авторами.

в структурном кризисе, а в Гонконге – в росте необходимости сопряжения региональной экономики с «континентальной». Находясь в тесной связи с политической сферой, экономические процессы направляли в нее соответствующие сигналы, которые могли способствовать принятию решений, выгодных всем сторонам. Сфера культуры в начале каждого из процессов реинтеграции при этом выступала в качестве консолидирующего фактора, в случае ГДР апеллируя к национальному чувству, освобождению и общему языку, а в случае Гонконга – к цивилизационной близости двух субъектов, неформальным системным связям.

Сравнительный анализ также показал наличие взаимосвязи между политическим и культурным. Так, несмотря на то, что бытовые уклады и художественное наследие эпохи ГДР долгое время подвергались обструкции на макроуровне, вызывая социальное напряжение, удовлетворение политическими изменениями привело к нейтрализации этого негативного фактора. В случае же Гонконга позитивный эффект от культурной близости снижается в связи с существованием этнических различий и относительной непопулярностью политических решений центра, что приводит к брожениям на личностном уровне.

Несмотря на кризисный характер развития во всех сферах, проявившийся через некоторое время после формального объединения двух территорий, можно выдвинуть гипотезу о том, что для успешного начала процесса реинтеграции требуется присутствие соответствующих настроений, которые могли бы стать катализатором как минимум в одной из сфер при наличии консолидирующего фактора в другой. Кроме того, можно сделать предположение о необходимости формирования уверенности в будущем у жителей реинтегрируемой территории для полноценного функционирования общей культурной матрицы на микроуровне.

Дальнейшее исследование и структуризация имеющихся данных о реинтеграции позволят достичь большего понимания феномена и выработать рекомендации по его анализу и обращению с ним в социально-политических практиках, а также при выполнении задач, стоящих перед российским обществом.

Список литературы

1. Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. (2023) Евразийская интеграция и реинтеграция России: вызов неолиберальному миропорядку на основе традиционных ценностей. *Вестник евразийской науки* 15(1). URL: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf>.
2. Мешкова Т.А. (отв. ред.) (2019) *Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России*: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
3. Соколова Н.В. (2010) *Политическая интеграция: генезис и перспективы развития (на примере ЕС, СНГ, Союзного государства России и Беларуси)*. Автореферат дис. кан. полит. наук. Воронежский государственный университет, Воронеж.

4. Arat G., Kerelian N.N. and Dhar M. (2022) Multiculturalism with Hong Kong Characteristics. A Qualitative Study. *Du Bois Review: Social Science Research on Race* (1): 191–211.
5. Banchelli E (2006) *Taste the East: linguaggi e forme dell'Ostalgie*. Bergamo: Bergamo university press.
6. Best H. (2017) Die Ausgangslage 1989/90: Elitenwechsel oder Elitenreproduktion? In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. S. 38–44.
7. Boym S. (2003) Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria. In: *S. B. u.a., Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 49–60.
8. Brussig T. (2003) Proviamo nostalgia perchè siamo esseri umani. In: *S. B. u.a., Nostalgia, Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 113.
9. Cabestan J.-P. and Florence É. (2018) Vingt ans après la rétrocession: des transformations économiques et politiques de Hong Kong et de son avenir sous le régime chinois. *China Perspectives* (3): 3–7. DOI: 10.4000/chinaperspectives.8004.
10. Cheng A.W.-W., Chow N.S.-C., Chui D.K.-H. and Wong W.-K. (2019) The Three Musketeers Relationships between Hong Kong, Shanghai and Shenzhen Before and After Shanghai–Hong Kong Stock Connect. *Sustainability* 11(14): 3845. DOI: 10.3390/su11143845.
11. Chow V.I. (2012) *Chinese Elitism and Neoliberalism – Post-colonial Hong Kong Cultural Policy Development: A Case Study*. The University of Hong Kong.
12. Chu Y.-W. (2020) Hong Kong (in China) studies: Hong Kong popular culture as example. *Global Media and China* 5(2): 109–123. DOI: 10.1177/2059436420917564.
13. Ember M., Ember C.R., Skoggard I.A., et al. (eds) (2005) *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures around the World*. New York: Springer.
14. Förster P. (Verf.) (2006) Warum viele junge Ostdeutsche den Kapitalismus wieder loswerden wollen. Beispiel: Die 32-Jährigen. In: *Sächsische Längsschnittstudie 1987–2005*. Leipzig. 91 S.
15. Fritsch M., Sorgner A. and Wyrwich M. (2015) Die Entwicklung der Wirtschaft in Ostdeutschland nach der Wiedervereinigung. *GWP – Gesellschaft. Wirtschaft. Politik* 64(2): 225–238. DOI: 10.3224/gwp.v64i2.19457.
16. Garcés-Mascreñas B. and Penninx R. (eds) (2016) *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
17. Garofala L.A. (2012) *Ostalgie. Ein Phänomen der Erinnerung. Tesi di Laurea Magistrale*. Univerità Ca'Foscari Venezia.
18. Genschel P., Jachtenfuchs M. and Migliorati M. (2023) Differentiated integration as symbolic politics? Constitutional differentiation and policy reintegration in core state powers. *European Union Politics* 24(1): 81–101. DOI: 10.1177/14651165221128291.
19. Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S., Markiewicz S., Rifat A. and Abdou A.M. (2020) *Reintegration in northern Iraq: the time is now for Europe to act*. (BICC Policy Brief, 7). Bonn: Bonn International Center for Conversion (BICC).
20. Günther D., Lippert B. and Stevens–Ströhm R. (1991) Eingliederung der fünf neuen Bundesländer in die Europäische Gemeinschaft. *Integration* 14(3): 125–132.
21. Haas E.B. (2004) *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Contemporary European politics and society. Notre Dame, Ind: University of Notre Dame Press.
22. Hertle H.-H. (2009) The Fall of the Wall: The Unintended Self–Dissolution of East Germany's Ruling Regime. *Cold War International History Project Bulletin* 12/13: 131–164.
23. Hooghe L., Lenz T. and Marks G. (2019) *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
24. Ilievski N.L. (2015) The concept of political intergration: the perspectives of neofunctionalist theory. *Journal of Liberty and International Affairs* 1(1).
25. Jansen H. (2004) Transfers to Germany's eastern Länder: a necessary price for convergence or a permanent drag? *ECFIN Country Focus* 1(16).

26. Jones E., Verdun A. (ed.) (2005) *The Political Economy of European Integration. Theory and analysis*. New York: Routledge.
27. Kam C.Y.P. (2020) *Chinese, Hong Kong Chinese, Hongkonger? The Construction of National Identity in light of the Anti-Moral and National Education Movement and the Umbrella Movement in Post-1997 Hong Kong*. PhD Thesis, University of Manchester, UK.
28. Knoblich T.J. (2016) Kulturpolitik nach der «Wende» – Verständnis und Missverständnisse. In: Sievers N., Föhl P.S., and Knoblich T.J. (eds) *Jahrbuch für Kulturpolitik*. 1st ed. Bielefeld, Germany: transcript Verlag, pp. 107–114. DOI: 10.14361/9783839435120-014.
29. Kreyenfeld M., Goldstein J. (2011) Der Osten liegt vorn: 20 Jahre nach der Wende liegt die ostdeutsche über der westdeutschen Geburtenrate. *ifo Dresden berichtet* 5/2011: 6–10.
30. Lang C. (1999) Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende – Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel* 5(16): 4–9.
31. Liu Y. (2022) A Review of the Research on the National Identity Education of Hong Kong Youth: In: *2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021)*, Sanya, China, 2022. DOI: 10.2991/assehr.k.220105.138.
32. Lui T.-I. (2008) How a Fragmented Business-Government Alliance Has Helped Change Hong Kong's Political Order. *Hong-Kong Journal* 5. URL: <http://surl.li/rmygc>.
33. Liu Y. (2000) *Hong Kong Remembers*. Edited by Sally Blyth and Ian Wotherspoon. Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 285 pp. – *Hong Kong's Transitions, 1842–1997*. Edited by Judith M. Brown and Rosemary Foot. New York: St. Martin's Press, 1997. xiv, 213 pp. \$59–95 (cloth). – *The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China*. Edited by Ming K. Chan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. xx, 221 pp. \$27.00 (paper). – *Hong Kong: An Appointment with China*. By Steve Tsang. London and New York: I. B. Tauris, 1997. xiii, 274 pp. \$17.95 (paper). *The Journal of Asian Studies* 59(3): 698–701.
34. Lo W.Y.W., Lee J.T. and Abdrasheva D. (2022) Global pedigree and national imperative: Hong Kong universities' response to China's grand strategies. *Higher Education* 84(1): 141–157. DOI: 10.1007/s10734-021-00758-9.
35. Margaritou K. (2021) EAEU Policies and Governance – The Future of Eurasian Integration. *Russia and New States of Eurasia* (1): 23–42. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-23-42.
36. Marks G. (2012) Europe and Its Empires: From Rome to the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 50(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02218.x.
37. Marks G. and Hooghe L. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
38. Mathews G., Ma E. and Lui T. (2008) *Hong Kong, China: Learning to Belong to a Nation*. Routledge contemporary China series 23. London ; New York: Routledge.
39. Milward A.S. (2000) *The European Rescue of the Nation-State*. 2nd ed. London ; New York: Routledge.
40. Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
41. Neu V. (2019) Keine Sehnsucht nach der DDR Ergebnisse einer repräsentativen Bevölkerungsumfrage der Ost- und Westdeutschen zum 30-jährigen Mauerfall. *Konrad-Adenauer-Stiftung. Analysen und Argumente* 376.
42. Ovens O. (2003) *Die Nationale Volksarmee der DDR zwischen «Wende» und Auflösung. Der Untergang der NVA im Lichte des Zusammenbruchs der DDR*. Inaugural Dissertation. Universität Regensburg. DOI: 10.5283/epub.10188.
43. Peukert C. and Smolny W. (2011) Interregional Migration in Germany: Characteristics and Effects for Regions and Migrants. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.1782013.
44. Reetz D. (1991) Die Entwicklungsländerforschung in der DDR nach der Wende: Veränderung in Konzeption und Struktur. *Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*: 40–41.
45. *Reintegration in the Transition from War to Peace*. (1997) UNHCR.
46. *Repatriation and reintegration of children affected by conflict in Syria and Iraq to Central Asia* (2023). United Nations Children's Fund.
47. Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London.

48. Sautedé É. (2020) The Fatality of Dissent: Comparing the 2014 and 2019 Hong Kong Protests. In: Amighini A (ed) *Between politics and finance: Hong Kong's "Infinity War"?* Milano: Ledizioni LediPublishing. pp. 43–57.
49. Schaal G.S. (2001). Integration durch Verfassung und Verfassungsrechtssprechung? Theoretische Anmerkungen. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 30(2): 221–232.
50. Schammann H., Bendel P., Müller S., Ziegler F. and Wittchen T. (2020) *Zwei Welten? Integrationspolitik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.
51. Schiefer K. and Naderi R. (2018) Mütter in Ost- und Westdeutschland: Wie wichtig sind regionalspezifische Leitbilder für Elternschaft. In: Schneider N.F., Diabaté S., Ruckdeschel K. *Familienbilder in Deutschland: Kulturelle Vorstellungen zu Partnerschaft, Elternschaft und Familienleben*. Verlag Barbara Budrich. pp. 155–177.
52. Smart J. and Smart A. (1991) Personal Relations and Divergent Economies: a Case Study of Hong Kong Investment in South China. *International Journal of Urban and Regional Research* 15(2): 216–233. DOI: 10.1111/j.1468–2427.1991.tb00631.x
53. *Socio-Economic Reintegration of Ex-Combatants* (2009) International Labour Office. Geneva.
54. *The China challenge. Democracy Index 2021*. (2021) Economist Intelligence.
55. Toepel K. and Weise C. (2000) Die Integration Ostdeutschlands in die Europäische Union: eine Erfolgsgeschichte? *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung* 69(2): 178–193. DOI: 10.3790/vjh.69.2.178
56. Vogel L. (2017) (Ostdeutsche) Politische Eliten zwischen Integration und Repräsentation. In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. pp.45–54.
57. Wong M.Y.H., Kwong Y. and Chan E.K.F. (2021) Political Consumerism in Hong Kong: China's Economic Intervention, Identity Politics, or Political Participation? *China Perspectives* (2021/3): 61–71. DOI: 10.4000/chinaperspectives.12330.
58. Xu C.L. (2015) When the Hong Kong Dream Meets the Anti-Mainlandisation Discourse: Mainland Chinese Students in Hong Kong. *Journal of Current Chinese Affairs* 44(3): 15–47. DOI: 10.1177/186810261504400302.
59. Yuen S. and Cheng E.W. (2020) Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under 'One Country, Two Systems'. *Island Studies Journal* 15(1): 131–150. DOI: 10.24043/isj.110.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-80-101

FOREIGN EXPERIENCE OF TERRITORIAL REINTEGRATION: IMPLICATIONS FOR RUSSIA

Dr **Vladimir D. NECHAEV** – Professor, Rector, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia, 299053

Egor S. MATIUNKOV – PhD Student, Moscow State University.
E-mail: matyunkov98@mail.ru
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Received October 14, 2023

Accepted January 18, 2024

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (code (cipher) of the scientific topic assigned by the founder (organization) project FeFM-2023-0011).

Abstract: The studies on the reintegration of territories are becoming more relevant due to the changing geopolitical agenda and the tasks facing Russia. The article overviews works by Russian and foreign authors, dedicated to integration and reintegration. They are divided into two groups, varying on the level of analysis, systemic and individual. The overview lays a basis for a two-level model to study reintegration in the three spheres that are economic, political and social and cultural. Using the model, the article analyzes two cases in contemporary history, namely the reintegration of East Germany into the FRG and that of Hong Kong into the PRC. Comparing them, the study found some differences which prove the importance of opting for the strategy in all spheres of social system. In addition, the article assumes that at least one catalyzing element is needed to urge reintegration. In both cases it was economics that gave impetus to reintegration, while culture produced consolidation. The study provides conclusions considering the prospects of further reintegration studies.

Keywords: reintegration, integration, territories, comparative analysis, GDR, Hong Kong, adoption, reunification

References:

1. Arat G., Kerelian N.N. and Dhar M. (2022) Multiculturalism with Hong Kong Characteristics. A Qualitative Study. *Du Bois Review: Social Science Research on Race* 1: 191–211.
2. Banchelli E (2006) *Taste the East: linguaggi e forme dell'Ostalgie*. Bergamo: Bergamo university press.
3. Best H. (2017) Die Ausgangslage 1989/90: Elitenwechsel oder Elitenreproduktion? In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. S. 38–44.
4. Boym S. (2003) Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria. In: S. B. u.a., *Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 49–60.
5. Brüssig T. (2003) Proviamo nostalgia perchè siamo esseri umani. In: S. B. u.a., *Nostalgia, Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 113.
6. Cabestan J.-P. and Florence É. (2018) Vingt ans après la rétrocession: des transformations économiques et politiques de Hong Kong et de son avenir sous le régime chinois. *China Perspectives* 3: 3–7. DOI: 10.4000/chinaperspectives.8004.
7. Cheng A.W.-W., Chow N.S.-C., Chui D.K.-H. and Wong W.-K. (2019) The Three Musketeers Relationships between Hong Kong, Shanghai and Shenzhen Before and After Shanghai–Hong Kong Stock Connect. *Sustainability* 11(14): 3845. DOI: 10.3390/su11143845.
8. Chow V.I. (2012) *Chinese Elitism and Neoliberalism – Post-colonial Hong Kong Cultural Policy Development: A Case Study*. The University of Hong Kong.
9. Chu Y.-W. (2020) Hong Kong (in China) studies: Hong Kong popular culture as example. *Global Media and China* 5(2): 109–123. DOI: 10.1177/2059436420917564.
10. Ember M., Ember C.R., Skoggard I.A., et al. (eds) (2005) *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures around the World*. New York: Springer.
11. Förster P. (Verf.) (2006) Warum viele junge Ostdeutsche den Kapitalismus wieder loswerden wollen. Beispiel: Die 32-Jährigen. In: *Sächsische Längsschnittstudie 1987–2005*. Leipzig. 91 S.

12. Fritsch M., Sorgner A. and Wyrwich M. (2015) Die Entwicklung der Wirtschaft in Ostdeutschland nach der Wiedervereinigung. *GWP – Gesellschaft. Wirtschaft. Politik* 64(2): 225–238. DOI: 10.3224/gwp.v64i2.19457.
13. Garcés-Mascareñas B. and Penninx R. (eds) (2016) *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
14. Garofala L.A. (2012) *Ostalgie. Ein Phänomen der Erinnerung*. Tesi di Laurea Magistrale. Univerità Ca'Foscari Venezia.
15. Genschel P., Jachtenfuchs M. and Migliorati M. (2023) Differentiated integration as symbolic politics? Constitutional differentiation and policy reintegration in core state powers. *European Union Politics* 24(1): 81–101. DOI: 10.1177/14651165221128291.
16. Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S., Markiewicz S., Rifat A. and Abdou A.M. (2020) *Reintegration in northern Iraq: the time is now for Europe to act*. (BICC Policy Brief, 7). Bonn: Bonn International Center for Conversion (BICC).
17. Günther D., Lippert B. and Stevens–Ströhm R. (1991) Eingliederung der fünf neuen Bundesländer in die Europäische Gemeinschaft. *Integration* 14(3): 125–132.
18. Haas E.B. (2004) *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Contemporary European politics and society. Notre Dame, Ind: University of Notre Dame Press.
19. Hertle H.-H. (2009) The Fall of the Wall: The Unintended Self–Dissolution of East Germany's Ruling Regime. *Cold War International History Project Bulletin* 12/13: 131–164.
20. Hooghe L., Lenz T. and Marks G. (2019) *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
21. Ilievski N.L. (2015) The concept of political intergration: the perspectives of neofunctionalist theory. *Journal of Liberty and International Affairs* 1(1).
22. Jansen H. (2004) Transfers to Germany's eastern Länder: a necessary price for convergence or a permanent drag? ECFIN Country Focus 1(16).
23. Jones E., Verdun A. (ed.) (2005) *The Political Economy of European Integration. Theory and analysis*. New York: Routledge.
24. Kam C.Y.P. (2020) *Chinese, Hong Kong Chinese, Hongkonger? The Construction of National Identity in light of the Anti–Moral and National Education Movement and the Umbrella Movement in Post–1997 Hong Kong*. PhD Thesis, University of Manchester, UK.
25. Knoblich T.J. (2016) Kulturpolitik nach der «Wende» – Verständnis und Missverständnisse. In: Sievers N., Föhl P.S., and Knoblich T.J. (eds) *Jahrbuch für Kulturpolitik*. 1st ed. Bielefeld, Germany: transcript Verlag, pp. 107–114. DOI: 10.14361/9783839435120-014.
26. Kreyenfeld M., Goldstein J. (2011) Der Osten liegt vorn: 20 Jahre nach der Wende liegt die ostdeutsche über der westdeutschen Geburtenrate. *ifo Dresden berichtet* 5/2011: 6–10.
27. Lang C. (1999) Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende – Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel* 5(16): 4–9.
28. Liu Y. (2022) A Review of the Research on the National Identity Education of Hong Kong Youth: In: *2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021)*, Sanya, China, 2022. DOI: 10.2991/assehr.k.220105.138.
29. Lui T.-I. (2008) How a Fragmented Business–Government Alliance Has Helped Change Hong Kong's Political Order. *Hong–Kong Journal* 5. URL: <http://surl.li/rmygc>.
30. Liu Y. (2000) *Hong Kong Remembers*. Edited by Sally Blyth and Ian Wotherspoon. Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 285 pp. – *Hong Kong's Transitions, 1842–1997*. Edited by Judith M. Brown and Rosemary Foot. New York: St. Martin's Press, 1997. xiv, 213 pp. \$59–95 (cloth). – *The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China*. Edited by Ming K. Chan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. xx, 221 pp. \$27.00 (paper). – *Hong Kong: An Appointment with China*. By Steve Tsang. London and New York: I. B. Tauris, 1997. xiii, 274 pp. \$17.95 (paper). *The Journal of Asian Studies* 59(3): 698–701.

31. Leskova I.V., Parfenov D.A. and Adamskaya L.V. (2023) Yevraziyskaya integratsiya i reintegratsiya Rossii: vyzov neoliberal'nomu miroporyadku na osnove traditsionnykh tsennostey [Eurasian integration and reintegration of Russia: a challenge to the neoliberal world order based on traditional values]. *Vestnik yevraziyskoy nauki [Bulletin of Eurasian Science]* 15(1). URL: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf>. (In Russian).
32. Lo W.Y.W., Lee J.T. and Abdrasheva D. (2022) Global pedigree and national imperative: Hong Kong universities' response to China's grand strategies. *Higher Education* 84(1): 141–157. DOI: 10.1007/s10734-021-00758-9.
33. Margaritou K. (2021) EAEU Policies and Governance – The Future of Eurasian Integration. *Russia and New States of Eurasia* (1): 23–42. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-23-42.
34. Marks G. (2012) Europe and Its Empires: From Rome to the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 50(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02218.x.
35. Marks G. and Hooghe L. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
36. Mathews G., Ma E. and Lui T. (2008) *Hong Kong, China: Learning to Belong to a Nation*. Routledge contemporary China series 23. London ; New York: Routledge.
37. Meshkova T.A. (ed) (2019) *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: perspektivy razvitiya i strategicheskkiye zadachi dlya Rossii: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Eurasian economic integration: development prospects and strategic objectives for Russia: report to XX April international scientific conf. on Problems of Economic and Social Development]*, Moscow, April 9–12. 2019 Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» [National research University «Higher School of Economics»]. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics. (In Russian).
38. Milward A.S. (2000) *The European Rescue of the Nation-State*. 2nd ed. London ; New York: Routledge.
39. Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
40. Neu V. (2019) Keine Sehnsucht nach der DDR Ergebnisse einer repräsentativen Bevölkerungsumfrage der Ost- und Westdeutschen zum 30-jährigen Mauerfall. *Konrad-Adenauer-Stiftung. Analysen und Argumente* 376.
41. Ovens O. (2003) *Die Nationale Volksarmee der DDR zwischen «Wende» und Auflösung. Der Untergang der NVA im Lichte des Zusammenbruchs der DDR*. Inaugural Dissertation. Universität Regensburg. DOI: 10.5283/epub.10188.
42. Peukert C. and Smolny W. (2011) Interregional Migration in Germany: Characteristics and Effects for Regions and Migrants. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.1782013.
43. Reetz D. (1991) Die Entwicklungsländerforschung in der DDR nach der Wende: Veränderung in Konzeption und Struktur. *Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*: 40–41.
44. *Reintegration in the Transition from War to Peace*. (1997) UNHCR.
45. *Repatriation and reintegration of children affected by conflict in Syria and Iraq to Central Asia (2023)*. United Nations Children's Fund.
46. Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London.
47. Sautedé É. (2020) The Fatality of Dissent: Comparing the 2014 and 2019 Hong Kong Protests. In: Amighini A (ed.) *Between politics and finance: Hong Kong's "Infinity War"?* Milano: Ledizioni LediPublishing. pp. 43–57.
48. Schaal G.S. (2001). Integration durch Verfassung und Verfassungsrechtssprechung? Theoretische Anmerkungen. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 30(2): 221–232.
49. Schammann H., Bendel P., Müller S., Ziegler F. and Wittchen T. (2020) *Zwei Welten? Integrationspolitik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.

50. Schiefer K. and Naderi R. (2018) Mütter in Ost- und Westdeutschland: Wie wichtig sind regionalspezifische Leitbilder für Elternschaft. In: Schneider N.F., Diabaté S., Ruckdeschel K. *Familienbilder in Deutschland: Kulturelle Vorstellungen zu Partnerschaft, Elternschaft und Familienleben*. Verlag Barbara Budrich. pp. 155–177.
51. Smart J. and Smart A. (1991) Personal Relations and Divergent Economies: a Case Study of Hong Kong Investment in South China. *International Journal of Urban and Regional Research* 15(2): 216–233. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1991.tb00631.x
52. Sokolova N.V. (2010) *Politicheskaya integratsiya: genesis i perspektivy razvitiya (na primere YES, SNG, Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi) [Political integration: genesis and development prospects (on the example of the EU, CIS, Union State of Russia and Belarus)]*. Abstract of PhD thesis. Voronezh State University, Voronezh.
53. *Socio-Economic Reintegration of Ex-Combatants* (2009) International Labour Office. Geneva.
54. *The China challenge. Democracy Index 2021*. (2021) Economist Intelligence.
55. Toepel K. and Weise C. (2000) Die Integration Ostdeutschlands in die Europäische Union: eine Erfolgsgeschichte? *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung* 69(2): 178–193. DOI: 10.3790/vjh.69.2.178
56. Vogel L. (2017) (Ostdeutsche) Politische Eliten zwischen Integration und Repräsentation. In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. pp.45–54.
57. Wong M.Y.H., Kwong Y. and Chan E.K.F. (2021) Political Consumerism in Hong Kong: China's Economic Intervention, Identity Politics, or Political Participation? *China Perspectives* (2021/3): 61–71. DOI: 10.4000/chinaperspectives.12330.
58. Xu C.L. (2015) When the Hong Kong Dream Meets the Anti-Mainlandisation Discourse: Mainland Chinese Students in Hong Kong. *Journal of Current Chinese Affairs* 44(3): 15–47. DOI: 10.1177/186810261504400302.
59. Yuen S. and Cheng E.W. (2020) Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under 'One Country, Two Systems'. *Island Studies Journal* 15(1): 131–150. DOI: 10.24043/isj.110.

ПОЛЬСКИЙ АВТОРИТАРНО-ПОПУЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ»: СУЩЕСТВЕННО-ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Тамерлан МИРЗАДЖАНОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируются основания платформы «Права и справедливости» (*Prawo i Sprawiedliwość*, ПиС) с точки зрения ее авторитарно-популистской направленности, истоков ее взглядов, идеологической ориентации и программных пунктов. В исследовании наглядно показаны прямые последствия антидемократических реформ, предпринятых ПиС в сферах реформирования и регулирования деятельности Конституционного суда, прав человека, деятельности и направленности средств массовой информации, новостных агентств. Эти губительные шаги, предпринятые партией, имели четко прослеживаемые последствия, а также ожидаемо вызвали шквал критики подобных реформ. Это произошло как внутри страны, в среде польской оппозиции и общественных активистов, так и за рубежом, в среде иностранных политиков и общественных организаций, что подробно освещается в рамках данной работы. Цель статьи – комплексное описание и анализ авторитарных тенденций, ставших результатом возведения националистически окрашенного популизма ПиС едва ли не в ранг государственной идеологии. Для проведения подобного исследования пространство политических событий делится на три условные категории. Во-первых, это предпосылки авторитарной ориентации ПиС, вытекающие из ее общей приверженности авторитарно-популистскому образу мира. Во-вторых, это установки, императивы и планы, проявляющиеся в формировании и очерчивании ПиС проблемно-политических ситуаций, в поиске политических и управленческих решений. В-третьих, это преобразования и реакция на них в политическом пространстве.

Ключевые слова: партии, партийные системы, популизм, демократический откат, Польша, ЦВЕ, «Право и Справедливость», «ПиС»

Дискуссии о крене в сторону авторитарного консерватизма и популизма, начавшегося после победы партии «Право и Справедливость» (ПиС) в 2015 г., а особенно в 2019 г., появились не безосновательно. Выборы 2019 г.

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов – соискатель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

E-mail: mrgamer1@rambler.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 07.02.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ознаменовались самой высокой явкой за всю новую историю Польши – 62%. Из них 44% избирателей отдали предпочтение правящей партии страны – ПиС. С учетом голосов партнеров по коалиции – «Соглашение» (*Porozumienie*), «Солидарная Польша» (СП) (*Solidarna Polska*), «Фракция Пиаст» (ФП) (*Stronnictwo Piast*), «Свобода и Солидарность» (СиС) (*Wolni i Solidarni*), «Республиканская партия» (РП) (*Republikańska Partia*) это значение составляло уже 52%. Пересчет голосов в места осуществлялся методом д'Ондта, который более благоприятствует большим, нежели малым партиям. При этом коалиция формально была зарегистрирована как единый избирательный блок. Центром власти в стране с 2015 г., по сути, является не премьер-министр, председатель парламента или президент, а глава ПиС, Ярослав Качиньский, который на момент написания статьи является лидером ПиС и депутатом нижней палаты парламента (Tworzecki, 2019).

Популизм ПиС

Говоря об антидемократических шагах ПиС, важно отметить, что они истекают скорее не из авторитаризма правящей партии, который, по сути, вторичен, а из ее популизма. Авторитаризм, как правило, хоть и желает народной поддержки, но может существовать и без нее, опираясь на прямое насилие. В нашем же случае речь идет о популизме, который ищет прямой поддержки и одобрения, опирается на простые и понятные лозунги и прямые призывы. Популизм всегда антагонистичен плюрализму, он предпочитает не конституционную, прямую демократию, плебисцит, но верит в воплощение мифической, предполитической воли народа в политическое действие лидера (Müller, 2017).

Социум, как совокупность различных пересекающихся интересов, позиций и идентичностей, порождающих плюралистическое социальное полотно, зиждущееся на принципах консенсуса и компромисса в видении популистов и ПиС, является единой, гомогенной национальной группой, замыкающейся на харизматичном лидере (Weyland, 2017). ПиС не стесняется называть всех несогласных врагами и предателями, разжигать ксенофобию и радикальный, агрессивный национализм, называть главной опасностью и вместе с этим жалким, провальным проектом современный либерализм, что, в целом, характерно для сегодняшнего правого популизма как мировой тенденции¹ (Chapman, 2017).

Идеологическую направленность ПиС можно также характеризовать как современный авторитарный популизм, который является культурной реакцией против долгосрочных и непрерывных социальных трансформаций².

¹ Chapman A. (2017). Pluralism under attack: The assault on press freedom in Poland. *Freedom House*. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_Poland_Report_Final_2017.pdf (accessed 16 May 2023).

² Norris P. (2016). It's Not Just Trump: Authoritarian Populism Is Rising Across the West; Here's Why. *Washington Post*, 11 March. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/11/its-not-just-trump-authoritarian-populism-is-rising-across-the-west-heres-why> (accessed 16 May 2023).

Стратегия подобных партий – мобилизовывать экономически проигравших избирателей, используя концепт прямого, антиэлитного народовластия (Pelinka, 2013). ПиС придерживается мнения, что задачей государства является экономическое развитие, обеспечение занятостью, жилплощадью и помощь в содержании детей, и реализует эти устремления в своей политике. Ответом со стороны ПиС на закономерное недовольство городского среднего класса становится тезис о том, что эти люди разбогатели, а теперь не хотят честно поделиться с несправедливо проигравшими и обездоленными соотечественниками (Tworzecki, 2019).

В своем дискурсе ПиС проводит отчетливую дихотомию между настоящими поляками, составляющими тот самый «народ» в представлении популистов, и вырожденцами, бросающими тень на нацию. Помимо культивирования этнического национализма, ксенофобии и нетерпимости по отношению к пресловутому и неотъемлемому популистскому «другому и чужому» ПиС крайне поляризовала собственное общество, деля его на «всех, кто за нас, и всех остальных, кто против». Партия заявляет, что демократия – не универсальное понятие, и в различных цивилизационных контекстах она будет иметь уникальное проявление с учетом традиционных ценностей. Также демократия, по мнению ПиС, не может иметь приоритет над вопросами государственной безопасности, понимаемыми крайне широко и расплывчато. Таким образом, правление ПиС постепенно размывает либерально-демократические нормы, успевшие сложиться в стране (Cooley, 2016). По ее мнению, теперь страну необходимо восстанавливать и оздоравливать спустя 26 лет (1989–2015) западноевропейской, не применимой к восточной Европе демократии.

Можно сказать, что популизм вообще и популизм ПиС, в частности, можно свести к двум основным максимам. Во-первых, это антиэлитаризм, считающий элиты априори самозакисленными и коррумпированными и противопоставляющий им «народников» – истинных политиков и избранников от народа. Во-вторых, это упрощение многомерного пространства политических процессов, то есть попытка дать простейшие ответы на сложнейшие проблемно-политические ситуации (Paczeoniak, Waele, 2010). Активная популяризация ПиС началась в 2007 г., когда партия начала идейно сближаться со своими популистскими и маргинализирующимися союзниками по коалиции – националистически-католической «Лигой Польских Семей» (ЛПС) (*Liga Polskich Rodzin*) и националистически-аграрной «Самообороной Республики Польша» (СРП) (*Samoobrona Rzeczpospolitej Polskiej*). Следующим триггером к популизации стала гибель президента страны Леха Качиньского в авиакатастрофе в 2010 г., на волне которой дискурс, риторика и призывы ПиС стали более агрессивными, ярче вырисовался образ внешнего врага. Тормозила же популизм ПиС благоприятная экономическая обстановка в Европе, существовавшая до мирового финансового кризиса 2008 г., а также общенациональная эйфория от вступления в ЕС в 2004 г. (Modrzejewski, 2017).

Популизм-католицизм ПиС

Популизм ПиС тесно связан с доминированием консервативных ценностей в обществе и католической идентичностью. Церковь своей поддержкой и агитацией удерживала традиционный электорат ПиС в 2015 г. и 2019 г., пока партия, захватывая медианного избирателя, стремилась в центр³. ПиС удивительным образом смогла комбинировать в своем дискурсе этнический национализм и католицизм. Для партии католицизм есть неизменная черта истинной «польскости» в противовес чуждому космополитизму либералов. Ярким примером выступает тот факт, что ПиС пыталась запретить финансирование экстракорпорального оплодотворения за счет средств государственного здравоохранения. Существует позиция, что нынешний польский католицизм, вторгающийся в политическую сферу с активной поддержкой ПиС, является народническим и антиинтеллектуальным католицизмом. Церковь для ПиС – это хранитель традиционных моральных и нравственных ценностей нации (Modrzejewski, 2017).

В целом католическая церковь была активно вовлечена в политику во время Второй мировой войны, коммунистического периода, этапа краха коммунизма в конце 80-х гг. и трансформационного периода 90-х гг. К концу 2000-х гг. так называемые «интеллигентный» и «прогрессистский» лагеря церкви отошли от активной политической агитации и мобилизации. Консервативный же лагерь и младшие звания духовенства активизировались в политике, начиная с 2015 г. (Modrzejewski, 2017). Во многом сначала еврореализм, а затем евроскептицизм ПиС основывался на том, что ЕС не апеллирует в своей Конституции к христианству и христианским нормам, в связи чем ЕС также стал потенциальным «врагом», в популистском смысле этого слова (Lason, 2011).

Идеология ПиС

Другая позиция заключается в том, что с идеологической точки зрения современная модель политического действия, созданная ПиС, может быть названа как неоавторитаризм. «Неоавторитаризм – это модель социально приемлемой системы управления, упрощенная и суженная до элементарных дуализмов. Неоавторитаризм выражает интерес всех классов и страт, но скептически настроен к элитам, истеблишменту и любым меньшинствам (этническим, религиозным, сексуальным), всем тем, кто не вписывается в традиционное, гомогенное национальное общество. Национальное сообщество при таком раскладе свободно перед лицом элит и богачей и способно открыто конкурировать с ними и самостоятельно устанавливать повестку» (Gdula, 2017).

³ Smith A. (2015) In Deepest Rural Poland, Politics Is Shaped by Love of Church ... And Hatred of Brussels. *Guardian*, 24 October. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/25/law-and-justice-poland-drift-to-right> (accessed 13 May 2023).

ПиС понимает нацию в романтическом видении, как исключительное общество (Karnowska, 2011). Текущие политические элиты, по убеждению ПиС, подлежат немедленной смене на народных лидеров. Среди своего электората ПиС культивирует мнение, что в реалиях быстро, регулярно, радикально и часто неоправданно меняющегося мира Польша остается, пожалуй, единственной страной Европы, где пытаются устраивать свою жизнь в соответствии с тем, как «надо» и «положено». Само общество же делится, в представлении большинства ядерного электората, дихотомично: на тех, кто отвечает определенным традиционным требованием «нормальности», и не отвечающим таковым (Drozdowicz, 2019). Если во времена своего появления в 2001 г. ПиС усматривала общественного врага в бывших коммунистических элитах, то к периоду 2015–2019 гг. таковыми стали либералы-западники (Modrzejewski, 2017).

В экономическом аспекте чем более ПиС переставала быть партией, построенной из осколков либерального движения «Солидарность» (*Solidarność*), и становилась самостоятельной силой, тем более отказывалась от неолиберализма в пользу польского видения государства всеобщего благосостояния. Последнее заключается в солидаризме, подразумевающим соседство свободного рынка и государственного вмешательства в социально-экономическую сферу, особенно в вопросах неравенства доходов и благосостояния (Kowalczyk, 2014). ПиС критикует продажу предприятий и колхозов частным лицам в 90-х гг., называя приватизацию поспешной, необдуманной и, как результат, вредной для общества и государства (Tworzecki, 2019).

В социальном аспекте ПиС придерживается традиционалистского видения о гражданском обществе, приоритета общего над индивидуальным, нации над индивидом. ПиС заимствует у классического консерватизма идею о том, что благо для индивида проистекает из того, что является благом для нации (Karnowska, 2011). ПиС, утверждая полную легитимность своей политики, апеллирует к тому, что получила власть демократическим путем, напрямую из рук народа, и осуществляет власть в соответствии с волей народа, а суверенный народ находится над любым государственным или международным законом и правом меньшинства (Modrzejewski, 2017).

Программа ПиС

С 2015 г. программа ПиС сводилась к последовательной критике того пути развития, который выбрала страна в 1989 г. Это соглашения круглого стола, либеральная экономическая реформа – шоковая терапия, несправедливая приватизация, децентрализация власти, которая привела к относительно независимым региональным правительствам, примат рыночных механизмов, ущемляющий положение обычных рабочих и малоимущих, автономность гражданского общества. Последней ПиС противопоставляет государственный центризм с сильной националистической и религиозной окраской, тем самым пытаясь и далее концентрировать власть в своих руках. После прихода к власти в 2015 г. ПиС, воспользовавшись благоприятной экономической

обстановкой, реализовала широкую программу перераспределения – повышение минимальных зарплат, прожиточного минимума, пенсий, пособий, что привело к колоссальному увеличению государственных расходов (Markowski, 2020).

Программно-идеологически это находит отражение в концепции ПиС о национальной версии государства всеобщего благосостояния как «семьи семей» (Markowski, 2020). В каком-то смысле ПиС исповедует социальный консерватизм, так как особенно акцентируется на благополучии и сохранении обычных польских традиционных семей и простых людей, равенства и справедливости между ними, построенных на чувстве национальной общности (Korycki, 2017). Широкая политика перераспределения разделила общество на две равные половины, одна из которых ее всячески поддерживает, а другая называет нелегитимной (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении судов

Весь период с 2015 г. ПиС пытается фактически упразднить разделение властей. Разумеется, это приводило к спорам с Конституционным судом (КС) (Markowski, 2020). При этом ПиС не признает судебную власть в контексте ее демократической роли средства сдерживания и противовеса, ее независимость перед лицом политических сил (Sadurski, 2018). Это заставляет говорить о нелиберальной политико-управленческой тенденции и отходе от статуса одной из самых успешных демократий в посткоммунистическом регионе. В итоге уже можно констатировать, что Конституционный суд «проиграл» ПиС и, по сути, уже к 2018 г. стал лишь инструментом в руках партии. ПиС трансформировал Конституционный суд из средства антимажоритарной проверки законов на предмет противоречия Конституции сперва в бессильный и парализованный институт, не способный рассматривать новые законы ПиС, а затем – в послушного союзника партии (Sadurski, 2018).

Сейчас же роль Конституционного суда преимущественно сводится к недопущению применения к правительству ПиС ограничивающих, антиавторитарных законов, принятых до прихода партии к власти в 2015 г. Ключевая же роль любого Конституционного суда – надзор за соблюдением Конституции и ее защита от законодательного большинства – полностью утеряна. Польский Конституционный суд, наоборот, защищает законодательное большинство. В итоге произошло открытое наступление на либерально-демократический конституционализм. Очевидно, что власть, тяготеющая к авторитаризму, не готова мириться с политическими институтами, которые могут обращать вспять ее политику и отменять ее законы (Sadurski, 2018).

Дальнейшие законодательные акты могут полностью противоречить Конституции, так как утеряны процедурные и институциональные средства для соблюдения конституционных норм (Konsewicz, 2017). При этом Конституционный суд создавался как инструмент демократического правления, стоящий на страже демократии, ограничивающий законодательную и исполнительную ветви. Ряд принятых Конституционным судом постановлений, например,

постановление о соблюдении закона о вещании, которое требует от вещателей уважать христианские ценности, уже намечает дальнейшее направление развития ситуации (Sadurski, 2014). Помимо этого, Конституционный суд постановил, что циклические общественные собрания имеют конституционно легитимную цель защиты национальных ценностей и истории, провозглашенных в Конституции. Таким образом, им должен быть гарантирован приоритет над обычными собраниями. Очевидно, что цель данного постановления заключается в гарантии абсолютного приоритета ежемесячных публичных митингов ПиС в память о гибели президента Леха Качиньского. По существу, данные митинги сегодня представляют собой демонстративную и массовую эскалацию ненависти к оппозиции. Каждый такой митинг заканчивается католической молитвой и речами поддержки и лояльности ПиС (Sadurski, 2019).

При нынешней системе правительство подает петиции в Конституционный суд с тем, чтобы тот легализовывал продиктованные популистской идеологией посягательства правительства правящей партии на Конституцию и правосудие в стране. Ярослав Качиньский откровенно признал, что трансформации Конституционного суда ставили целью гарантировать отсутствие юридических препятствий для государственной политики (Sadurski, 2020). Здесь надо отметить, что ПиС подготавливала законченные проекты новой Конституции в 2005 г. и 2010 г. Данные проекты провозглашали национал-католицизм государственной идеологией, передавали максимум полномочий исполнительной власти и наделяли пост президента неограниченными возможностями. С 2015 г. ПиС регулярно пытается сменить Конституцию, но, не имея двух третей в парламенте, пытается сделать это незаконно, по факту обладания лишь абсолютным большинством (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении прав человека

В результате трансформаций Конституционного суда юридическая система в стране, необходимая для защиты прав человека, разрушается. Толкование правомерности законодательных ограничений Конституционных прав граждан перешло в руки правительственно-парламентского руководства (Sadurski, 2020). Для популистских партий свойственно не принимать систему сдержек и противовесов и, после прихода к власти, стремиться кооптировать, подчинить или упразднить надзорные и контролирующие государственные институты, в первую очередь суды (Bodnar, 2018).

В высокой степени разрушение инфраструктуры системы соблюдения гражданских прав применяется ПиС для ограничения деятельности некооптированных и недружественных движений и НКО, а также полного исключения влияния ЕС на внутреннюю политику. ПиС не одобряет текущую политику ЕС по противодействию дискриминации: в 2016 г. партия распустила правительственный совет «По противодействию расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости». Государственные школы прекратили проводить мероприятия по профилактике этнической нетерпимости, вместо чего начали приглашать на уроки активистов ультраправого «Национального Радикального

Лагеря» (НРЛ) (*Obóz Narodowo-Radykalny*). Правительство прекратило субсидирование организаций гражданского общества по защите прав и свобод, перенаправив средства на поддержку религиозных НКО (Sadurski, 2020).

Удар по правам человека был нанесен кооптированным ПиС Конституционным судом еще и тем, что, постановив приоритет циклических митингов и собраний, имеющих историческое и культурное основание, КС прямо запретил проведение контрмитингов вблизи циклических митингов. Это решение полностью противоречит постановлению Конституционного суда 2006 г. «О свободе массовых собраний». Участники подобных контрмитингов сталкиваются с задержаниями со стороны полиции и дружинников ПиС (Sadurski, 2020). Участники циклических митингов ПиС по факту не несут ответственности за неонацистские лозунги и транспаранты, хотя они прямо запрещены уголовным кодексом страны. Участники же антиправительственных и антинацистских митингов активно штрафуются полицией⁴. Вместе с подобными нашумевшими аспектами стоит упомянуть и менее замеченные, например, ввод ограничений прав собственности, повлиявших на свободу распоряжения частными собственниками их сельхозугодьями. Также партия удалила из закона о государственной службе критерий прошлых заслуг для претендентов на должности с тем, чтобы назначать на них проверенных и лояльных членов ПиС вне зависимости от их компетентности (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении медиа и СМИ

ПиС также активно подчиняет государственные медиа, превращая их в партийно-пропагандистский рупор. В 2016 г., впервые в истории, ЕС инициировал официальное расследование в отношении одного из государств-членов – Польши. Расследование ставило целью рассмотреть принятые ПиС в 2015 г. законы на соответствие верховенству права и демократическим ценностям. В частности, речь идет о законе, дающем возможность правительству напрямую назначать руководителей государственного телевидения и радио (Benedikter, Karolewski, 2016). Сразу после принятия данного закона ПиС начала чистку кадров по принципу лояльности. В государственных медиа было уволено более 200 журналистов. Независимые журналисты и публицисты запугивались обещаниями судебного расследования за клевету на должностных лиц (Sadurski, 2020).

ПиС теперь использует подотчетные ей государственные СМИ для создания своей мало чем подкрепленной версии событий, согласно которой во весь период с 1989 г. по 2015 г. страна принимала ошибочные решения, забыла свои корни и историю и, как результат, находилась в упадке, когда господствовали беззаконие и несправедливость, народ страдал, а элиты, устремленные на запад, богатели. Государственные СМИ прокламируют,

⁴ Kursa M. (2018) Obywatel 'scigani za protest. *Gazeta Wyborcza*. No14, 17 October.. Available at: <https://wyborcza.pl/7,166575,24046947,obywatele-scigani-za-protesty.html> (accessed 13 May 2023).

что на сплоченной под руководством партии нации (не считая предателей, коррупционеров, преступников, социальных вырожденцев, тунеядцев и глупцов) лежит важная задача спасения и восстановления, реконструкции родины (Tworzecki, 2019).

Удар был нанесен не только по СМИ, но и по свободе слова в целом. Так, был принят закон об уголовном преследовании за «ложное» обвинение польского народа и государства в причастности к преступлениям Третьего Рейха, а административное преследование применяется в случаях подрыва репутации Польши и польского народа путем публичных высказываний. Неправительственные организации получили более широкие возможности подавать гражданский иск против лиц, нарушивших данный закон. Этот шаг вызвал крайнее недовольство в США и, особенно, в Израиле (Koncewicz, 2017). Результатом общественных споров о законе стал резкий рост антисемитизма в польском сегменте интернета и социальных сетях (Babińska, Bilewicz, Bulska, 2018).

Политика ПиС в отношении спецслужб

В 2016 г. ПиС приняла ряд законов, увеличивающих полномочия спецслужб и полиции по сбору персональных данных и контролю граждан, заподозренных в связи с террористами. При этом законы дают очень пространственное и расплывчатое понимание терминов «терроризм», «террористический акт», «связь с террористами», «антитеррористическая деятельность». По новым законам спецслужбы создают базу лиц, которые могут иметь связь с террористами или являться ими. Однако нет четких правил и оснований для внесения лица в данный список. В итоге силовые органы получили широкие, но нечетко определенные полномочия. Предполагаемая возможность совершения лицом террористического акта является основанием для задержания под стражу. Судебный надзор над спецслужбами и полицией, по новым законам, наоборот, строго ограничен. Также разрешается использование в судопроизводстве доказательств, собранных незаконным путем (Sadurski, 2020).

Политика ПиС в отношении политики памяти

Важной частью политики ПиС является политика памяти, апеллирование к истории, ссылки на события прошлого и их пересечение с настоящим. Так, ПиС создает видение мира, в котором идеологическая позиция, а именно взгляд на коммунистическое прошлое, становится определяющей характеристикой индивида, маркером его идентичности – «за нас или против нас». Более того, ПиС актуализирует этот вопрос, заявляя, что бывшие коммунистические элиты до сих пор не до конца люстрированы и имеют несправедливо сильные позиции в экономике, государственном администрировании, науке и публицистике.

В некоторой степени это характерно для всей польской политики, где отношение к прошлому и нравственно-моральная ориентация определяют политические размежевания и партийную идентичность. Таким образом, прошлое, а не насущные политические проблемы, во многом организует политическое поле в Польше. В этом контексте Пис дихотомично делит политический спектр идентичностей на «наших и чужих», на «правых и неправых», называет свою оппозицию неистинными и ненастоящими поляками и тем самым онтологизирует политику. В целом, проводя политику памяти, Пис постулирует, что для установления сущности политических акторов достаточно понять их взгляд на прошлое страны (Korycki, 2017).

Политика Пис в отношении деятельности Института Национальной Памяти

После победы в 2015 г. Пис начала конфликтовать с Конституционным судом, отвергшим план смены Конституции, предложенный партией. Это проявило непримиримость и конфликтность идеологии партии. Кроме того, Пис не делала примирительных заявлений в адрес оппозиции и избирателей, отдавших голос за другие партии (Ost, 2018). Яркой чертой Пис также является инструментализация политики памяти, которая находит отражение в утверждениях о недостаточном характере мер люстрации и декоммунизации, осуществленных после 1989 г. Это свидетельствует о том, что Пис осуществляет мобилизацию популистски настроенного электората (Karolewski, 2019).

Пис политизировала деятельность Института Национальной Памяти, используя его как средство распространения исторических обоснований и легитимации своей идеологии. Изначальной целью Института были исторические научные исследования, сохранение истории, просвещение и расследование военных и политических преступлений. Ключевым фактором выступает факт государственного финансирования Института. Пис регулярно настаивает на необходимости пересмотра истории, осознания важности исторической политики. В этом ключе Пис ставит под сомнение причастность некоторых польских граждан к убийству евреев во время Второй мировой войны. В итоге историческое самосознание затмевается крайним патриотизмом, стимулируемым националистически-популистским дискурсом правительства. Особенно уязвимыми к этой тенденции оказываются молодежь и подростки (Karolewski, 2019).

Протесты как внутринациональная реакция на политику Пис

Поддержка семьи выступает одной из важных задач консервативной Пис. Вместе с тем именно программа дотаций на детей привела в 2016 г. к самому крупному дефициту государственного бюджета с момента демонтажа коммунистической системы. Подобные неудачи в непосредственном управлении партия стремится нивелировать все более набирающими обороты

националистическими и популистскими высказываниями и позициями. В случаях, когда ПиС, будучи правящей и общенациональной, не может придерживаться агрессивного дискурса, она привлекает крайне радикальный электорат через кооптацию с малыми партиями, которые спокойно относятся к наиболее непримиримой риторике.

Так, по спискам ПиС в парламент 2015 г. прошла «Солидарная Польша» (СП) (*Solidarna Polska*), отличающаяся консервативным фундаментализмом, национализмом и крайне правым популизмом. Ожидается, что подобный тренд официальной власти привел к появлению таких движений, как «Комитет Защиты Демократии» (КЗД) (*Komitet Obrony Demokracji*), выступающий и проводящий манифестации под лозунгами необходимости предотвращения антидемократических шагов, которые предпринимает ПиС. Такие же антиавторитарные манифестации проводит созданная партия «Левые Вместе» (ЛВ) (*Lewica Razem*). Первым шагом в этом направлении стал массовый протест в октябре 2016-го против законопроекта о запрете абортов, предложенного парламентской коалицией ПиС. В последующие годы протесты и манифестации против политики ПиС стали главным рычагом КЗД.

КЗД как внутринациональная реакция на политику ПиС

КЗД во многом похожа на ПиС, поскольку использует политику памяти и исторические события как аллегорию на настоящее. Так, она проводит параллели между борьбой коммунизма и антикоммунизма в 80-ых и национал-консерватизмом и либеральной евродемократией сегодня (Karolewski, 2016). КЗД заявляет, что готова защищать демократию перед лицом ПиС так же, как это делала «Солидарность» перед лицом коммунистического режима. Позиция ПиС и подчиненных ей государственных медиа относительно КЗД проста – это люди, обогатившиеся коррупционным путем при правительстве «Гражданской платформы» (ГП) (*Platforma Obywatelska*), которые теперь боятся, что правительство ПиС возбудит против них уголовные дела. Сочувствующие КЗД, по мнению лидеров ПиС, – это вырожденцы, не настоящие поляки, они являются «солдатами в гибридной войне, которую ведет Россия против Польши» (Karolewski, 2016).

Однако опросы общественного мнения показывают, что уже в 2016 г. 46% поддерживали КЗД. В основном это более образованные, обеспеченные и менее религиозные жители больших городов. В 2016 г. у КЗД был самый высокий рейтинг одобрения среди всех партий и движений в стране – 40% одобряли деятельность КЗД и только 28% не одобряли. Интересно, что 30% активистов КЗД голосовали за Анджея Дуду (кандидата от ПиС) на президентских выборах и 25% за ПиС на парламентских выборах в 2015 г. Возможно, эти люди поддержали ПиС за ее традиционную и охранительную политику, но были не готовы к демонтажу демократических институтов⁵.

⁵ Kublik A. (2016) KOD mocniejszy od partii. *Gazeta Wyborcza*, 15 April. Available at: <http://wyborcza.pl/1,75398,19921230,kod-mocniejszy-od-partii.html> (accessed 4 May 2023).

КЗД – это результат деятельности активного, хоть и неразвитого по меркам региона, гражданского общества, отраженный в протестах, характерных для Польши. КЗД, акцентируя на данной исторической особенности внимание, прямо указывает на свою преемственность «Комитета защиты рабочих» (КЗР) (*Komitet Obrony Robotników*) – организации, ставшей основой «Солидарности» и защищавшей рабочих, забастовщиков и диссидентов перед лицом коммунистических властей в 1976–1981 гг. Об этом открыто заявляет лидер КЗД Матеуш Кийовски в своих регулярных интервью *Die Zeit* и *Guardian*. По его мнению, КЗД не является просто спонтанным движением, правильнее считать его платформой для оппозиционных партий, деятельность которой направлена на повышение давления на парламент и правительство в форме внепарламентской борьбы за власть и торжество демократии (Karolewski, 2016). Эти слова подтверждаются тем, что ГП и «Современная» активно сотрудничают с КСД в плане кадров, структуры, идеологии и массовых акций⁶. Таким образом КЗД не является чисто социальным движением, ведь он представляет политические возможности для всех лидеров оппозиции ПиС.

При этом лидер КЗД отдельно подчеркивает, что считает неприемлемым пытаться монополизировать все пространство оппозиционности, а тем более – переходить к силовым методам политической борьбы или любым другим попыткам свержения власти. Вместо этого реперной задачей для КЗД является формирование устойчивой контрповестки и новой протестной идентичности своих активистов, а также трансляция этой повестки для внешнеполитической арены, особенно ЕС. С этой целью КЗД направляет письма в парламент ЕС и регулярно встречается с его членами. КЗД важно показать, что хоть ПиС прикрывается тем, что говорит от имени «всего истинного народа», на самом деле народ не столь монолитен и гомогенен и есть массы, которые не поддерживают и не одобряют ПиС (Karolewski, 2016).

Международная реакция на политику ПиС

Политика ПиС вызывает ответную реакцию и беспокойство не только внутри страны, но и за рубежом. В 2016 г. трое сенаторов, представлявших как Демократическую, так и Республиканскую партии США, обратились к премьер-министру ПиС Беате Шидло, высказывая опасения, что трансформация законодательства, предпринятая ПиС, может привести к ухудшению демократического процесса, так как затрагивает напрямую верховенство права и независимость судебной ветви власти. Сенаторов также волновала ситуация со свободой государственных СМИ⁷ (Gera, 2016). Ответ сенаторам заключался в том, что они не знают контекста и вмешиваются во внутреннее дело суверенного государства (Karolewski, 2016).

⁶ Wybranowski W. (2016) Tak platforma organizuje demonstracje KOD. *Do Rzeczy*, 8 January. Available at: <https://dorzeczy.pl/7855/tak-platforma-organizuje-demonstracje-kod.html> (accessed 13 May 2023).

⁷ Gera V. (2016). Poland Angry at Criticism from US Senators over Rule of Law. *Washington Times*, 15 February. Available at: www.washingtontimes.com/news/2016/feb/15/poland-angry-at-criticism-from-us-senators-over-ru (accessed 10 May 2023).

В том же году Барак Обама, выступая на саммите НАТО, обратился к кабинету ПиС с просьбой соблюдать принцип верховенства права в контексте предпринятой реформы Конституционного суда⁸. Также в 2016 г. комиссия ЕС начала расследование против Польши на предмет нарушения демократических норм государством-членом. В частности, речь идет о нарушении принципа верховенства права. Правительство ПиС вновь ответило, что это внутреннее дело суверенного государства.

В целом ПиС всегда жестко реагирует на решения ЕС, так как считает, что хоть вступление в Союз было правильным и общенациональным решением, оно было осуществлено на невыгодных для страны условиях в аспекте финансов, фермерства и институционального дизайна, поскольку проводило его левое правительство Союз демократических левых сил (СДЛС) (*Sojusz Lewicy Demokratycznej*). ПиС не принимает идею о ЕС как о федерации стран, предлагая вместо нее идею ЕС как содружества национальных государств (Kowalczyk, 2004). Ядерный электорат ПиС легко принимает идею партии об опасности излишнего доверия чужому. По этой причине большое недоверие и скепсис у первого вызывает ЕС. При этом ПиС все же остается, в каком-то смысле, в рамках европейского центризма. По этой причине, при всей критике ЕС, дискурс не переходит в действие и ПиС никогда реально не рассматривала возможность выхода из ЕС по Британскому образцу (Korycki, 2017). Однако сам ЕС на польском примере продемонстрировал недостаток, если не отсутствие, институциональных средств для предотвращения антидемократического движения стран-участников (Kelemen, 2007).

Заключение

Справедливо считать, что 2015 г. ознаменовался началом популистской политической трансформации в масштабах всей страны, проводимой под руководством правящей ПиС. В результате подобных сдвигов страдает качество демократии и подвергаются ударам многие демократические институты, ограничиваются свободы. ПиС же не скрывает, что старается культивировать в общественном сознании иное представление и отношение к демократии. Непримируемость и усердие ПиС в этом направлении не оставляют надежд на смягчение и улучшение ситуации.

Помимо этого, политика ПиС сильно поляризует общество, увеличивает конфронтацию, приучает его к крайне упрощенному и примитивному, двумерному представлению о политическом. При этом идеологическая агитация и мобилизация ПиС значительно опирается на местную католическую церковь. Радикальная и «народная» идеология ПиС толкает ее на проведение резких реформ, полную смену состава государственных служащих. В основе данных взглядов во многом лежит реакция, неприятие ПиС текущих западных

⁸ Birnbaum M. (2016). Barack Obama Attacks Polish Democracy in a Speech ... Polish TV Changes Speech. *Independent*. Available at: www.independent.co.uk/news/world/americas/barack-obama-attacks-polish-democracy-in-a-speech-polish-tv-changesspeech-a7129136.html (accessed 10 May 2023).

политических и культурных идеалов и того исторического пути, который прошла Польша после 1989 г. Этот период ПиС называет неуспешным, полным коррупции, олигархизма и несправедливой бедности.

В качестве альтернативы ПиС называет этатизм и возврат к традиционным национальным польским ценностям под эгидой истинно «народной» партии. В идейно-программном смысле ПиС выступает за широчайшее перераспределение в пользу всех проигравших. Однако в итоге данные устремления приводят к национализму и авторитаризму на государственном уровне. После своего прихода к власти ПиС существенно упразднила разделение властей, лишив Конституционный суд независимого положения. Это не результат политической конъюнктуры или последствий, а целенаправленно осуществленное и обдуманное решение, так как нелиберальная идеология ПиС не признает основные либерально-демократические принципы в их изначальном виде и считает, что судебная власть должна быть инструментом и помощником исполнительной.

За этим, очевидно, под удар попали верховное положение Конституции, принцип права меньшинства и право на свободу собраний. Ограничение системы судебной защиты демократических прав не в последнюю очередь ставит целью минимизировать влияние национальных и международных НКО, а также любых других внешних акторов, прежде всего ЕС, на партийно-государственную политику.

Вследствие действий ПиС государственные медиа стали, по сути, партийно-пропагандистским рупором, ставящим целью запугивать общество преувеличенными или вовсе не существующими угрозами, от которых может «спасти» только мажоритарное и безграничное руководство ПиС. За инструментализацией СМИ последовало и ограничение свободы слова. Помимо этого ПиС увеличила и расширила полномочия спецслужб, мобилизовала общество с помощью имплементации политики памяти и адаптации любых подходящих государственно-общественных организаций под свои нужды через политизацию последних.

Очевидно, что подобная ситуация приводит к недовольству существенной части населения – в стране возросла протестная деятельность, появились специализированные организации, например, КЗД, направленные на противодействие авторитарно-популистской политике ПиС. На международной арене политические шаги ПиС также вызывают критику и опасения, особенно среди руководящих и контрольных органов ЕС.

Список литературы

1. Babińska M., Bilewicz M., Bulska D., et al. (2018) *Stosunek do Żydów i ich historii po wprowadzeniu ustawy o IPN*. Warszawa: Centrum Badan nad Uprzedzeniami. (In Polish).
2. Benedikter R., Karolewski I. (2016) Poland's conservative turn of 2015: Where are its real origins? *CIFE Policy Paper* (35): 81–88.

3. Bodnar A. (2018) Protection of Human Rights after the Constitutional Crisis in Poland. *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart* (66): 639–662.
4. Cooley A. (2016) Countering Democratic Norms. In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. L. Diamond, M. Plattner, Ch. Walker (eds). Baltimore: John Hopkins University Press.
5. Drozdowicz J. (2019) Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law* (11): 85–110.
6. Gdula M. (2017) *Dobra zmiana w miastku. Neoautorytaryzm w polskiej polityce z perspektywy małego miasta*. Warszawa: Instytut Studiów Zaawansowanych Press. (In Polish).
7. Karnowska D. (2011) *Spór o wspólnoty. Idee komunitarystyczne we współczesnej polskiej myśli politycznej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
8. Karolewski I. (2016) Protest and participation in post-transformation Poland: The case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD). *Communist and Post-Communist Studies* 49(3): 255–267.
9. Karolewski I. (2019) Memory games and populism in postcommunist Poland. In: *European Memory in Populism*. Ch. Cesari, A. Kaya (eds.). London: Taylor and Francis Publishing.
10. Kelemen D. (2007) Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's Democratic Union. *Government and Opposition* 52(2): 211–238.
11. Koncewicz T. (2017) On the Politics of Resentment, Mis-memory, and Constitutional Fidelity: The Demise of the Polish Overlapping Consensus? In: *Law and Memory: Towards Legal Governance of History*. U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias (eds). Cambridge: Cambridge University Press.
12. Korycki K. (2017) Memory, Party Politics, and Post-Transition Space: The Case of Poland. *East European Politics & Societies* 31(3): 518–544.
13. Kowalczyk K. (2004) Prawo i Sprawiedliwość. In: *Polskie partie i ugrupowania parlamentarne*. K. Kowalczyk, J. Sielski (eds). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
14. Kowalczyk K. (2014) Typologia polskich partii politycznych według kryterium programowego. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* (1): 73–99. (In Polish).
15. Lasoń M. (2011) Eurosceptycyzm jako przejaw populizmu w praktyce politycznej III RP. *Krakowskie Studia Międzynarodowe* 8(4): 187–201. (In Polish).
16. Markowski R. (2020) Plurality support for democratic decay: the 2019 Polish parliamentary election. *West European Politics* 43(13): 1513–1525.
17. Modrzejewski A. (2017) Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland. *Perspective Politice* 10(1): 21–31.
18. Müller J. (2017) Populism and Constitutionalism. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.
19. Ost D. (2018) *Authoritarian Drive in Poland. Poland's Memory Wars: Essays on Liberalism*. J. Harper (ed). Budapest: Central European University Press, pp. 55–64.
20. Paczoeniak A., De Waele J. (2010) *Europa z rys populizmu. In: Populizm w Europie. Defekt i przejaw demokracji?* J.-M. De Waele, A. Paczoeniak (eds). Warszawa: Oficyna Naukowa. (In Polish).
21. Pelinka A. (2013) Right-Wing Populism: Concept and Typology. In: *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. R. Wodak, M. Khosravini, B. Mral (eds). London: Bloomsbury.
22. Roguska B. (2016) Aktywność społeczno-polityczna Polaków. *Komunikat z Badań* (16): 1–17. (In Polish).
23. Sadurski W. (2014) *Rights before Courts: a study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe*. Dordrecht: Springer. 376 p.
24. Sadurski W. (2018) How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding. Sydney: *Legal Studies Research Paper* 18(1): 1–72.
25. Sadurski W. (2019) *Polish Constitutional Tribunal Under PiS: From an Activist Court, to a Paralyzed Tribunal, to a Governmental Enabler*. *Hague Journal on the Rule of Law* 11: 63–84.

26. Sadurski W. (2020) Populism and Human Rights in Poland. In: *Human Rights in a Time of Populism*. G. Neuman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
27. Tworzecki H. (2019) Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681(1): 97–119.
28. Weyland K. (2017) Populism: A Political–Strategic Approach. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-102-119

POLISH AUTHORITARIAN-POPULIST TURN OF THE “LAW AND JUSTICE” PARTY: FOUNDATIONS AND CONSEQUENCES

Tamerlan E. MIRZADZHANOV – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

E-mail: mrgamer1@rambler.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 7, 2024

Accepted February 25, 2024

Abstract: The article examines the foundational principles of the Law and Justice (Prawo i Sprawiedliwość, PiS) party, focusing on its authoritarian–populist stance, ideological roots, and policy objectives. It delves into the repercussions of PiS’s anti-democratic measures, particularly in the area of the Constitutional Court, human rights, and protection of human rights, and control over media outlets and news agencies. These actions have led to visible and anticipated outcomes, sparking widespread criticism both domestically, from Polish opposition groups and activists, and internationally, from foreign politicians and organizations. The article aims to provide a thorough description and examination of the ongoing political dynamics within the country, specifically the authoritarian trends stemming from PiS’s nationalist–imbued populism being elevated to the status of the state’s governing ideology. The study segments the political landscape into three distinct categories: the underlying factors driving PiS’s authoritarian trajectory rooted in its overarching authoritarian–populist worldview, the attitudes, imperatives, and strategies shaping PiS’s policy responses and problem-solving approaches, and the political shifts observed as a consequence of these dynamics.

Keywords: parties, party systems, populism, democratic rollback, Poland, CEE, «Law and Justice», «PiS»

References:

1. Babińska M., Bilewicz M., Bulska D., et al. (2018) *Stosunek do Żydów i ich historii po wprowadzeniu ustawy o IPN*. Warszawa: Centrum Badan nad Uprzedzeniami. (In Polish).

2. Benedikter R., Karolewski I. (2016). Poland's conservative turn of 2015: Where are its real origins? *CIFE Policy Paper* (35): 81–88.
3. Bodnar A. (2018) Protection of Human Rights after the Constitutional Crisis in Poland. *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart* (66): 639–662.
4. Cooley A. (2016). Countering Democratic Norms. In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. L. Diamond, M. Plattner, Ch. Walker (eds). Baltimore: John Hopkins University Press.
5. Drozdowicz J. (2019) Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law* (11): 85–110.
6. Gdula M. (2017) *Dobra zmiana w miastku. Neoautorytaryzm w polskiej polityce z perspektywy małego miasta*. Warszawa: Instytut Studiów Zaawansowanych Press. (In Polish).
7. Karnowska D. (2011) *Spór o wspólnoty. Idee komunitarystyczne we współczesnej polskiej myśli politycznej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
8. Karolewski I. (2016) Protest and participation in post-transformation Poland: The case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD). *Communist and Post-Communist Studies* 49(3): 255–267.
9. Karolewski I. (2019) Memory games and populism in postcommunist Poland. In: *European Memory in Populism*. Ch. Cesari, A. Kaya (eds.). London: Taylor and Francis Publishing.
10. Kelemen D. (2007) Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's Democratic Union. *Government and Opposition* 52(2): 211–238.
11. Koncewicz T. (2017) On the Politics of Resentment, Mis-memory, and Constitutional Fidelity: The Demise of the Polish Overlapping Consensus? In: *Law and Memory: Towards Legal Governance of History*. U. Belavusau, A. Głuszczynska-Grabias (eds). Cambridge: Cambridge University Press.
12. Korycki K. (2017) Memory, Party Politics, and Post-Transition Space: The Case of Poland. *East European Politics & Societies* 31(3): 518–544.
13. Kowalczyk K. (2004) Prawo i Sprawiedliwość. In: *Polskie partie i ugrupowania parlamentarne*. K. Kowalczyk, J. Sielski (eds). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
14. Kowalczyk K. (2014) Typologia polskich partii politycznych według kryterium programowego. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* (1): 73–99. (In Polish).
15. Lasoń M. (2011) Eurosceptycyzm jako przejaw populizmu w praktyce politycznej III RP. *Krakowskie Studia Międzynarodowe* 8(4): 187–201. (In Polish).
16. Markowski R. (2020) Plurality support for democratic decay: the 2019 Polish parliamentary election. *West European Politics* 43(13): 1513–1525.
17. Modrzejewski A. (2017). Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland. *Perspective Politice* 10(1): 21–31.
18. Müller J. (2017) Populism and Constitutionalism. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.
19. Ost D. (2018) *Authoritarian Drive in Poland. Poland's Memory Wars: Essays on Liberalism*. J. Harper (ed). Budapest: Central European University Press, pp. 55–64.
20. Paczeoeniak A., De Waele J. (2010) *Europa z rys populizmu. In: Populizm w Europie. Defekt i przejaw demokracji?* J.-M. De Waele, A. Paczeoeniak (eds). Warszawa: Oficyna Naukowa. (In Polish).
21. Pelinka A. (2013) Right-Wing Populism: Concept and Typology. In: *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. R. Wodak, M. Khosravini, B. Mral (eds). London: Bloomsbury.
22. Roguska B. (2016) Aktywność społeczno--polityczna Polaków. *Komunikat z Badań* (16): 1–17. (In Polish).
23. Sadurski W. (2014) *Rights before Courts: a study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe*. Dordrecht: Springer. 376 p.

24. Sadurski W. (2018) How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding. Sydney: *Legal Studies Research Paper* 18(1): 1–72.
25. Sadurski W. (2019) *Polish Constitutional Tribunal Under PiS: From an Activist Court, to a Paralysed Tribunal, to a Governmental Enabler*. Hague Journal on the Rule of Law 11: 63–84.
26. Sadurski W. (2020) Populism and Human Rights in Poland. In: *Human Rights in a Time of Populism*. G. Neuman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
27. Tworzecki H. (2019) Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681(1): 97–119.
28. Weyland K. (2017) Populism: A Political–Strategic Approach. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.

ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ФАЗА ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Елена ЗИНОВЬЕВА
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Даниил ЧЕРНОВ
НИУ ВШЭ

Евгения КОМАРОВА, Святослав АРОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: С ростом количества гражданских конфликтов наблюдается расширение практики вооруженного вмешательства третьих сторон, которые преследуют цели защиты и продвижения своих национальных интересов. Расширение практики вооруженного вмешательства и ее значимость для современной международной системы привлекают значительный исследовательский интерес. Акцент в эмпирической литературе зачастую ставится на причины вооруженного вмешательства или его влияние на продолжительность конфликта.

Подобное внимание к этим переменным объяснимо, так как оно, с одной стороны, позволяет углубить наше понимание причин применения государствами силы, а с другой – дает возможность изучить влияние внешних факторов на конфликтную динамику. При этом вне

Елена Сергеевна Зиновьева – доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов, Факультет управления и политики, МГИМО МИД России; профессор департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-5129-338X. E-mail: world_politics@mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Даниил Николаевич Чернов – аспирант Факультета социальных наук, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-7086-2808. E-mail: dnchernovv@gmail.com
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 18.

Евгения Сергеевна Комарова – студентка бакалавриата Факультета международных отношений, стажер Центра евроазиатских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0004-5892-3147. E-mail: evgeniam115@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Святослав Александрович Аров – студент магистратуры Факультета международных отношений, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0006-0478-3948. E-mail: sviatoslavarov@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.10.2023

Принята к публикации: 22.03.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья отражает результаты исследования, выполненного за счет гранта межвузовского конкурса молодых ученых СП1.4. «Политический атлас современного мира 2.0» Стратегического проекта № 1 «Глобальные исследования для глобальной России».

внимания большинства исследователей остается продолжение пребывания вооруженных сил интервента после официального окончания конфликта. Гражданские конфликты имеют тенденцию к возобновлению и могут нести в себе скрытые угрозы даже после официального окончания конфликта, заканчивающегося переговорами или полной победой одной из сторон. Третьи государства, проводящие вмешательство, учитывают потенциальные риски, что приводит к продолжению интервенции после окончания конфликта.

Ключевые слова: вооруженные интервенции, гражданские конфликты, урегулирование конфликтов, постконфликтное вмешательство

С середины XX в. наблюдается устойчивый рост гражданских конфликтов, в основе которых лежат этнические, религиозные или идеологические противоречия (Palik, Obermeier, Rustad, 2016). Ответом мирового сообщества на эту проблему стало расширение практики военного вмешательства¹ с целью урегулирования конфликта или приведения его к желаемому исходу (Pickering and Kisangani, 2009). В отдельных случаях истеблишмент государства, не являющегося стороной конфликта, вместо беспристрастного посредничества выбирает открытую поддержку политических союзников или проводников своих интересов (Corbetta and Melin, 2018). Эффективности интервенции как внешнеполитического инструмента можно противопоставить влекомые материальные и репутационные издержки. Так, например, результатом вмешательства Южной Африки в гражданскую войну в Анголе стало не только поражение поддерживаемой ею группировки, но и международное осуждение операции, усилившее изоляцию ЮАР. Почему государства все же предпринимают столь рискованные внешнеполитические шаги? Одно из возможных объяснений кроется в теории рационального выбора. Так, согласно П. Ригану, в процессе принятия решения о вмешательстве государства действуют как рациональные акторы и тщательно взвешивают потенциальные выгоды и издержки (Regan, 1998).

Детерминанты принятия решения о начале интервенции можно разделить на несколько групп. Первыми и, вероятно, наиболее очевидными являются экономические факторы, включая объем двусторонней торговли или инвестиций (Klosek, 2020; Stojek and Chacha, 2015). Для внешних игроков интерес могут представлять также запасы природных ресурсов и драгоценных камней на территории государства, охваченного гражданским конфликтом (Bove, Gleditsch, Sekeris, 2016; Findley and Marineau, 2015).

Следующая группа факторов связана с интересами обеспечения национальной безопасности. По мнению Дж. Катмана, государства, планирующие осуществление военного вмешательства, таким образом реагируют на риск

¹ Термины вмешательство, вооруженное вмешательство, интервенция, вооруженная интервенция используются в работе как взаимозаменяемые.

распространения боевых действий на новые территории, который определяется рядом географических факторов, а также динамикой конфликта (Kathman, 2010; 2011). Кроме того, принятие решения о начале интервенции может быть обусловлено стремлением сохранить сферу своего влияния. Возникшие в колониальную эпоху связи трансформируются в новые зоны ответственности, прямое вмешательство во внутренние процессы которых считается нормальным (Chacha and Stojek, 2019). Наконец, мотивом для инициирования военной операции могут служить действия других государств – союзных или враждебных (Findley and Teo, 2006; Klosek, 2020; Salehyan, Gleditsch, Cunningham, 2011). При значительном количестве изученных эмпирических взаимосвязей текущее состояние литературы ограничивается узостью концептуализации понятия «интервенция».

Стоит отметить, что начало и процесс вмешательства, как правило, ассоциируются с определенным внутренним вооруженным конфликтом, на урегулирование которого направлены действия внешнего игрока. Можно предположить, что с окончанием конфликта автоматически завершается и интервенция. Однако зачастую даже после окончания боевых действий наблюдается ее продолжение, проявляющееся в сохранении военного контингента на постконфликтной территории. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему государственные акторы принимают решение о продолжении военного присутствия в зоне завершенного конфликта? В академической литературе данный вопрос не получил широкого освещения. Настоящее исследование нацелено на восполнение этого пробела в научном знании.

В числе первых работ по теме можно назвать исследование С. Кору, в котором утверждается, что окончание гражданской войны является для государства-интервента возможностью закрепить полученные при проведении военной операции выгоды (Koru, 2023). Как предполагает С. Кору, продолжение интервенции, в частности, может быть связано с сохранением политических обязательств (например, по альянсам или союзам) или с защитой материальных приобретений и инвестиций, освоением природных ресурсов и новых рынков (Koru, 2023). Можно отметить, что работа С. Кору органично вписывается в «классическую» рамку эмпирических исследований по проблематике военного вмешательства, в которых государство рассматривается как рациональный актор, в первую очередь заинтересованный в максимизации собственных выгод.

В фокусе внимания работы С. Кору находятся материальные и репутационные выгоды, получаемые внешним игроком от продолжения интервенции. В настоящем же исследовании предлагается рассмотреть этот феномен с точки зрения влияния других факторов – исхода конфликта, особенностей его течения, а также действий других государств. Базовая гипотеза заключается в следующем: внешние игроки и их коалиции реагируют на потенциальные угрозы, сохраняющиеся после окончания конфликта, поскольку они способны аннулировать все результаты, достигнутые в ходе проведения операции.

Изучение постконфликтной фазы интервенции: теория и методология

В данном разделе представлены подробное описание ключевых концептов, используемых в работе, и теоретико-методологическая основа для построения гипотез и их проверки.

Прежде чем перейти к концептуализации постконфликтной фазы интервенции, необходимо зафиксировать несколько базовых понятий, включая прежде всего «вооруженное вмешательство». В настоящей работе используется база данных вооруженных интервенций, разрабатываемая сотрудниками Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО. Подробное описание структуры базы и её особенностей можно найти в следующем разделе.

Далее следует перейти к нескольким ключевым концептам, на которых основано кодирование базы данных. В базе данных использовано следующее определение вооруженного вмешательства: вооруженное вмешательство – направление военных сил с целью оказать воздействие на ход конфликта государством, которое изначально не являлось непосредственным участником данного конфликта, реализуемое при следующих условиях: а) отсутствие согласия всех основных противоборствующих сторон, б) отправка регулярных вооруженных сил или официально санкционированная государством отправка сил ЧВК, в) наличие у направляемых права на применение летальной силы, г) наличие военного и / или политического конфликта до начала операции. В базе данных и в настоящем исследовании также используются следующие термины: референтный объект (РО) – государство или группа государств, на территории которых происходит конфликт при реальном или потенциальном вооруженном вмешательстве; референтный субъект (РС) – государство, которое осуществляет или может осуществить вооруженное вмешательство в конфликт за пределами своих границ.

На основе этих элементов можно концептуализировать фазу постконфликтной интервенции. Её обязательными условиями являются: 1) окончание внутреннего вооруженного конфликта, на урегулирование которого изначально было направлено вмешательство; 2) сохранение военного присутствия референтного субъекта на территории конфликта. На основе этих условий можно предложить следующее определение постконфликтной фазы вооруженного вмешательства: сохранение на территории референтного объекта вооруженных сил референтного субъекта после окончания гражданского конфликта.

Методологически авторы исходят из парадигмы реализма, в рамках которой государства рассматриваются как рациональные акторы международных отношений, руководствующиеся национальными интересами. Неореалисты трактуют национальные интересы в терминах безопасности, но при этом не исключают и экономическую составляющую (Telbami, 2002). В настоящем исследовании неореалистский подход дополняется теорией рационального выбора (ТРВ), позволяющей структурировать информацию о социальных

явлениях (Carlsnaes, Risse, Simmons, 2002). Методология исследования позволяет изучить действия государств как монолитных акторов с учетом их предпочтений в процессе принятия решения о сохранении военного присутствия в постконфликтной зоне.

Государства как монолитные акторы стремятся максимизировать полезность при принятии решений, исходя из рационального понимания национальных интересов. Методологически решения о начале интервенции и о сохранении военного присутствия в постконфликтной фазе в настоящей работе рассматриваются как два отдельных решения. В последнем случае государства ориентируются на национальные интересы, принимая во внимание такие факторы, как влияние, престиж, безопасность, политические и экономические выгоды. Предполагается, что государствами, принимающими решение о сохранении военного контингента на постконфликтной территории, движет стремление избежать потенциальных издержек при возобновлении гражданской войны или же боязнь потери полученных политических и экономических выгод. Именно поэтому государство-интервент вынуждено реагировать на существующие угрозы безопасности и сохранять свое военное присутствие после окончания гражданского конфликта.

Существует несколько групп переменных, которые могут влиять на представления государственных акторов о потенциальной угрозе в постконфликтной фазе. К первой группе можно отнести характеристики заверщенного гражданского конфликта, включая количество задействованных в конфликте сторон, сепаратизм как причину конфликта, наличие этнической составляющей, а также исход конфликта. Описание, кодирование и источники получения данных представлены в следующем разделе.

Следует пояснить, как каждая из этих переменных вписывается в теоретическую концепцию настоящего исследования.

С увеличением количества сторон усложняется конфигурация интересов игроков, задействованных в гражданском конфликте. В подобных обстоятельствах урегулирование конфликта представляется более труднодостижимым из-за необходимости учитывать предпочтения нескольких акторов. В работе Д. Каннингэма данный тезис находит эмпирическое подтверждение: с возрастанием числа игроков в конфликте сужается пространство для приемлемых вариантов урегулирования (Cunningham, 2006). Более того, завершение подобного рода конфликтов не означает исчезновения враждебных намерений со стороны некоторых акторов. В связи с этим предполагается, что референтные субъекты и их коалиции, заинтересованные в сохранении статус-кво, будут стремиться к защите своих приобретений посредством сохранения военного присутствия.

Гипотеза 1: увеличение количества непосредственных сторон конфликта положительно связано с вероятностью, а также с длительностью продолжения пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

Следующим фактором, влияющим на масштаб и сложность конфликта, являются крайние формы сепаратизма. Отделение части территории центрального правительства может расцениваться как риск цепного распространения сепаратистских настроений и потери доходов от богатой ресурсами области (Balch-Lindsay and Enterline, 2000). Из-за этого конфликты, в основе которых лежат сепаратистские устремления, зачастую являются трудноразрешимыми и длительными (Balch-Lindsay and Enterline, 2000). Бескомпромиссность подобных конфликтов и сложность их урегулирования побуждает внешних игроков к сохранению своего военного присутствия на территории референтного объекта с целью недопущения возобновления активного противостояния.

Гипотеза 2: наличие сепаратизма как причины конфликта положительно связано с вероятностью, а также продолжительностью пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

Деструктивный фактор групповой идентичности в контексте гражданской войны может проявляться в виде этнических противоречий. Наличие дискриминации или угнетения по этническому признаку в государстве может оказаться поводом для начала внутреннего вооруженного противостояния (Fearon and Laitin, 2003). Этнические противоречия также приводят к повышению вероятности возобновления конфликта (Nygård, Trappeniers, Gates, 2016). Эти условия ставят под угрозу итоги постконфликтного урегулирования, приводя к продолжению пребывания интервентов для сохранения статус-кво.

Гипотеза 3: наличие этнически дискриминируемых групп в государстве связано с вероятностью, а также продолжительностью пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

Представляется, что условия завершения конфликта играют ключевую роль в последующих действиях и ожиданиях государства-интервента. Заключение мирного соглашения между сторонами конфликта, хотя и не во всех случаях, способствует формальному закреплению статус-кво. Схожий эффект может иметь убедительная победа одной из сторон – повстанцев или правительства, – подразумевающая тотальное уничтожение противника и позволяющая беспрепятственно зафиксировать выгодные для нее послевоенные условия. В подобных ситуациях присутствие внешнего игрока становится менее востребованным, поскольку потенциальные угрозы полученным приобретениям нивелируются либо наличием компромисса, либо подавляющим превосходством одной из сторон. В статье Дж. Куинн, Т. Мейсона и М. Гурсы эмпирически доказывается отрицательная взаимосвязь между заключением мирного соглашения или победой повстанцев и вероятностью возобновления конфликта (Quinn, Mason, Gurses, 2007).

Гипотеза 4.1: завершение конфликта победой одной из сторон отрицательно связано с вероятностью, а также продолжительностью пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

Гипотеза 4.2: завершение гражданского конфликта мирным соглашением отрицательно связано с вероятностью, а также продолжительностью пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

В настоящей работе отдельно рассматривается переменная, которая не имеет прямого отношения ко внутренней динамике гражданского конфликта, – наличие враждебной внешней поддержки. Государства, ее оказывающие, не являются референтными субъектами интервенции. Внешняя военная поддержка может подразумевать не только непосредственное участие вооруженных сил, но и поставку вооружений, отправку военных советников и инструкторов, обучение солдат на территории. Слово «враждебная» же означает, что такая поддержка оказывается одному из акторов конфликта, который противостоит поддерживаемой референтным субъектом стороне. В качестве иллюстрации можно привести гражданскую войну в Таджикистане: правительство республики получало поддержку от вооруженных сил Российской Федерации (референтного субъекта интервенции), в то время как силы оппозиции получали военную помощь от иностранных исламистских группировок. При этом противостояние между внешними акторами, оказывающими поддержку, и референтным субъектом интервенции может принимать форму острой геополитической конфронтации, но не предполагает вооруженного противоборства (например, отношения между США и СССР в период холодной войны характеризовались противостоянием, но не прямым вооруженным столкновением).

Гипотеза 5: присутствие враждебной внешней поддержки в конфликте положительно связано с вероятностью, а также продолжительностью пребывания вооруженных сил интервента после завершения конфликта.

В следующем разделе дано развернутое описание кодирования переменных, а также источников получения данных.

Данные и анализ

Эмпирической основой для анализа служит база данных вооруженных интервенций, составляемая сотрудниками Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО. В базе данных кодируется широкий набор параметров кейсов и нон-кейсов вооруженного вмешательства: даты конфликта и проведения интервенции, характеристики участников интервенции, а также государства, в конфликт на территории которых проводится вмешательство. Предполагается, что итоговая версия базы данных будет включать в себя набор переменных, связанных с этическими и международно-правовыми аспектами вмешательства, а также описывать конфигурацию национальных интересов интервента.

Научная значимость описанной базы данных заключается в том, что в ней кодируются даты вывода войск референтного субъекта, за которую принимается официальное объявление об окончании данного процесса. Именно эта характеристика составляет основу для кодирования зависимой переменной в настоящем исследовании.

Описанные элементы легли в основу процедуры кодирования двух зависимых переменных с использованием доступных в базе дат окончания конфликтов и вывода войск. Первая зависимая переменная является бинарной

и принимает значение 1, если дата вывода войск является более поздней, чем дата окончания конфликта, 0 – в ином случае. Вторая зависимая переменная является количественной и рассчитывается как разница между годом вывода войск и годом окончания конфликта. Выделение двух переменных необходимо для проведения двух различных типов анализа.

В работе также используются несколько независимых переменных, взятых из открытых источников, а также базы вооруженного вмешательства Центра евроазиатских исследований. При описании переменных используются те же обозначения, которые позже будут представлены в таблицах с результатами анализа.

«Количество сторон» является бинарной переменной, принимающей значение 1, если в конфликте принимают участие более двух акторов, 0 – в ином случае. Переменная кодируется на основе данных *UCDP Actor Dataset* (Davies, Pettersson, Öberg, 2023). Переменная «Мир» является бинарной и принимает значение 1, если гражданский конфликт завершился заключением мирного соглашения, 0 – в ином случае. Переменная «Победа» является бинарной и принимает значение 1, если гражданский конфликт завершился победой одной из сторон, 0 – в ином случае. При кодировании этих двух переменных используются данные *UCDP Conflict Termination Dataset* (Kreutz, 2010). «Враждебная внешняя поддержка» является бинарной переменной и принимает значение 1, если один из участников конфликта, противостоящий поддерживаемой РС стороне конфликта, получал внешнюю поддержку в период конфликта, 0 – в ином случае. Переменная кодируется с использованием данных из *UCDP External Support Dataset* (Meier, Karlén, Pettersson, Croicu, 2023). Переменная «Сепаратизм» основана на авторском кодировании причин гражданского конфликта. Переменная принимает значение 1, если хотя бы одна из сторон конфликта выдвигает требования об отделении какой-либо территории референтного объекта, 0 – в ином случае. Переменная «Дискриминация» означает наличие в референтном объекте этнической дискриминации, т.е. «подверженность группы активной, намеренной и направленной дискриминации со стороны государства» (Cederman, Wimmer, Min, 2010). Данная переменная является бинарной и принимает значение 1, если в референтном объекте присутствует хотя бы одна дискриминируемая этническая группа, 0 – в ином случае. Кодирование переменной осуществляется на основе данных *Ethnic Power Relations Dataset* (Cederman, Wimmer, Min, 2010).

В анализе также используется набор контрольных переменных, целью которых является тестирование устойчивости основных взаимосвязей. Переменная «Альянс» является бинарной и принимает значение 1, если между референтным субъектом и референтным объектом существовал формальный союз в год начала интервенции, 0 – в ином случае. Данные для кодирования переменной получены из *Alliance Treaty Obligations and Provisions* (Leeds, Ritter, Mitchell, Long, 2002). Переменная «Колония» является бинарной и принимает значение 1, если референтный объект являлся колонией референтного субъекта, 0 – в ином случае. При кодировании переменной используются

данные из *Colonial Contiguity Data* (Hensel, 2016). Переменная «Сопряженность» является бинарной и принимает значение 1, если референтный объект и референтный субъект имели сухопутную или водную границу в год начала интервенции, 0 – в ином случае. Данные для кодирования переменной получены из *Direct Contiguity Database Correlates of War* (Stinnett, Tir, Diehl, Schafer, Gochman, 2002). Переменная «ВВП на душу населения РС» является количественной и означает валовый внутренний продукт референтного субъекта на душу населения в миллионах долларов в год начала интервенции. Данные получены из *Maddison Project Database of Historical Statistics* (Bolt and van Zanden, 2020). В анализе используется лог-трансформированная версия этой переменной для улучшения конгруэнтности моделей. В качестве контрольной переменной также используется бинарный фактор «Коалиция», принимающий значение 1, если вмешательство проводится под эгидой какой-либо региональной, международной организации или в составе коалиции, 0 – в ином случае. Кодирование переменной осуществляется с использованием базы данных вооруженного вмешательства Центра евроазиатских исследований.

В работе используются два типа моделей: логистическая регрессия и регрессия Кокса, позволяющая проводить анализ выживаемости. Логистическая регрессия применяется для моделирования взаимосвязей с бинарными зависимыми переменными. В рамках настоящего исследования подобная модель позволяет моделировать вероятность исхода – наличие постконфликтного вмешательства. Для модели Кокса используется закодированная количественная переменная – разница в годах между датой вывода войск и датой окончания конфликта. В анализе учитываются только наблюдения с разницей больше нуля. Результатом модели Кокса является определение вероятности наступления события при определенных значениях независимых переменных. В данном исследовании под событием подразумевается вывод войск.

Использование двух вариантов моделей позволяет протестировать различные аспекты взаимосвязей. В частности, модель Кокса позволяет углубить получаемые с помощью логистической регрессии результаты, показывая не только наблюдаемое решение о продолжении военного присутствия, но и длительность присутствия в зависимости от различных параметров.

Результаты

В данном разделе представлены результаты тестирования гипотез с помощью нескольких эконометрических моделей. Результаты логистического анализа представлены в Таблице 1. Тестирование проводилось на нескольких моделях с различными спецификациями с целью определения устойчивости основных взаимосвязей.

Как и предполагалось, сохранение военного контингента чаще происходит на территориях, где имел место сепаратистский конфликт, в котором противостояние сторон нередко принимает форму игры с нулевой суммой. При этом значимость коэффициента переменной в первой модели является предельной. При включении контрольных переменных эффект перестает быть

значимым. Эффект этнической дискриминации является отрицательным, что не соответствует изначальному предположению. Данный эффект является устойчивым к включению контрольных переменных. Наконец, наличие враждебного вмешательства также вынуждает референтные субъекты сохранять свое присутствие, что подтверждается устойчивым положительным эффектом во всех трех моделях.

Таблица 1. Результаты логистической регрессии
Table 1. Logistic regression results

Переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	β	S.E.	β	S.E.	β	S.E.
Константа	0.947	0.508	0.324	0.558	0.895	0.800
Количество сторон	0.084	0.061	0.111	0.066	0.131	0.071
Сепаратизм	1.257*	0.62	1.007	0.642	1.263	0.714
Дискриминация	-1.790***	0.469	-1.593**	0.505	-1.69**	0.52
Мир	0.504	0.531	0.108	0.573	0.345	0.606
Победа	-0.578	0.489	-0.942	0.53	-0.854	0.551
Враждебная внешняя поддержка	1.417**	0.440	1.447**	0.469	1.260**	0.482
Альянс			1.328**	0.427	1.282**	0.439
Колония			0.472	0.546	-0.060	0.670
Сопряженность					0.245	0.623
ВВП на душу населения РС					0.071	0.252
Коалиция					-0.703	0.671
<i>Log likelihood</i>		-87988		-82.526		-80.023
<i>AIC</i>		189977		183.052		184.046

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; S.E. – стандартная ошибка; β – коэффициент

Результаты регрессии Кокса представлены в Таблице 2. Как и в случае с логистической регрессией, наполнение моделей варьируется с целью контроля за устойчивостью коэффициентов.

Наличие сепаратистских требований, особенно в сочетании с этнической дискриминацией, снижает вероятность вывода войск, что означает увеличение продолжительности военного присутствия государства-интервента. Стоит заметить, что эффект этнической дискриминации является неустойчивым, он перестает быть значимым при включении всех контрольных переменных.

Исход конфликта также оказывает влияние на решения референтных субъектов после его завершения. Заключение мирного соглашения или победа одной из сторон увеличивают вероятность вывода войск, что означает уменьшение продолжительности военного присутствия. Подобный результат

согласуется с предположением о том, что мирное соглашение и победа одной из сторон позволяют эффективно зафиксировать распределение выгод по итогам гражданского конфликта, что снижает необходимость в продолжении присутствия со стороны референтного субъекта.

Таблица 2. Результаты регрессии Кокса
Table 2. Cox regression results

Переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	β	S.E.	β	S.E.	β	S.E.
Количество сторон	0.003	0.042	0.001	0.045	0.019	0.048
Сепаратизм	-0.991**	0.331	-1.036**	0.336	-1.072***	0.340
Этническая дискриминация	-0.884*	0.361	-0.806*	0.350	-0.667	0.363
Мир	1.407**	0.444	1.497***	0.445	1.32**	0.463
Победа	1.103**	0.358	1.194***	0.362	1.178**	0.374
Враждебная внешняя поддержка	-0.327	0.275	-0.204	0.296	-0.151	0.297
Альянс			-0.255	0.260	-0.227	0.271
Колония			-0.534	0.345	-0.765	0.556
Сопряженность					-0.533	0.439
ВВП на душу населения РС					0.071	0.127
Коалиция					-0.15	0.546
<i>Log likelihood</i>		-280.678		-279.102		-278.218
<i>AIC</i>		573.356		574.205		578.436

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; S.E. – стандартная ошибка; β – коэффициент

В заключительном разделе статьи представлена характеристика итогов тестирования гипотез, ограничения настоящего исследования и потенциальные направления для будущих исследований.

Заключение

Вооруженная интервенция ассоциируется с гражданским конфликтом, на урегулирование которого изначально и направлены усилия референтных субъектов и их коалиций. При этом стремление к урегулированию в большинстве случаев продиктовано не только гуманистическими мотивами, но также направлено на преумножение собственного влияния, престижа или на получение материальных выгод. Окончание конфликта представляет для государства-интервента шанс зафиксировать свои приобретения, сохраняя военное присутствие в зоне конфликта. Подобная рациональная мотивация зачастую дополняется наличием нескольких угроз перспективам постконфликтного урегулирования. В настоящей работе был рассмотрен целый ряд факторов, способствующих или препятствующих выводу войск государства-интервента из постконфликтной зоны. Условия начала конфликта закладывают основу для его разрешения, а также влияют на потенциальную угрозу его

возобновления. Внешние игроки вынуждены принимать во внимание не только материальные выгоды, но и потенциальные риски и угрозы, которые могут аннулировать все приобретения.

В работе были протестированы несколько гипотез с использованием двух различных аналитических моделей. Было протестировано влияние нескольких переменных на вероятность продолжения вмешательства, а также на его продолжительность. Первая гипотеза о взаимосвязи количества сторон и вероятности, а также продолжительности постконфликтной фазы интервенции не нашла подтверждения. Взаимосвязь между наличием сепаратизма как причины конфликта нашла слабое подтверждение в логистическом анализе, при этом сильное свидетельство взаимосвязи было получено при анализе выживаемости. При тестировании третьей гипотезы в логистическом анализе был получен результат, противоположный ожидаемому, однако в анализе выживаемости была получена положительная взаимосвязь, что соответствует изначальному предположению. Данный результат, очевидно, является следствием различий в форме зависимых переменных. В случае логистической регрессии рассматривается некоторое бинарное «решение» актора, в то время как анализ выживаемости направлен на изучение продолжительности некоторого состояния. Гипотезы 4.1. и 4.2. подтвердились при использовании регрессии Кокса, но не логистического анализа. Гипотеза 5 подтвердилась при проведении логистического анализа, но не применении регрессии Кокса.

К ограничениям анализа стоит отнести узость временных рамок используемых данных. База данных вооруженных интервенций Центра евроазиатских исследований кодирует кейсы и нон-кейсы вмешательства в период 1992–2022, что отрицательно сказывается на возможности генерализации выводов. Кроме того, в работе используется достаточно малое количество наблюдений (меньше 200), что сказывается на устойчивости результатов.

Последующие исследовательские усилия могут быть сконцентрированы на улучшении процедуры кодирования, расширении выборки кейсов постконфликтных интервенций. Возможно также использование постконфликтной интервенции в качестве независимой переменной для определения ее влияния на характеристики референтного объекта или субъекта в постконфликтном периоде.

Список литературы

1. Сафранчук И.А. (2022) *Вооруженное вмешательство как основной способ применения государствами силы в современных международных отношениях (составление базы данных и качественно-количественный анализ на её основе)*. Отчет о НИР/НИОКР, МГИМО МИД России, Россия.
2. Balch-Lindsay D., Enterline A.J. (2000) Killing Time: The World Politics of Civil War Duration, 1820–1992. *International Studies Quarterly* 44(4): 615–642. DOI: 10.1111/0020-8833.00174.
3. Bolt J., van Zanden J.L. (2020) *Maddison style estimates of the evolution of the world economy. A new 2020 update*. Maddison-Project Working Paper WP-15.

4. Bove V., Gleditsch K.S., Sekeris P.G. (2016) "Oil above Water": Economic Interdependence and Third-party Intervention. *Journal of Conflict Resolution* 60(7): 1251–1277. DOI: 10.1177/0022002714567952.
5. Carlsnaes W., Risse T., Simmons B. (2002) *Handbook of International Relations*. SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781848608290.
6. Cederman L.-E., Wimmer A., Min B. (2010) Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis. *World Politics* 62(1): 87–119. DOI: 10.1017/S0043887109990219.
7. Chacha M., Stojek S. (2019) Colonial ties and civil conflict intervention: Clarifying the causal mechanisms. *Conflict Management and Peace Science* 36(1): 42–62. DOI: 10.1177/0738894216655514.
8. Corbetta R., Melin M.M. (2018) Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions. *Journal of Conflict Resolution* 62(10): 2205–2231. DOI: 10.1177/0022002717720754.
9. Cunningham D.E. (2006) Veto Players and Civil War Duration. *American Journal of Political Science* 50(4): 875–892. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00221.x.
10. Davies S., Pettersson T., Öberg M. (2023) Organized violence 1989–2022, and the return of conflict between states. *Journal of Peace Research* 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.
11. Fearon J.D., Laitin D.D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97(01): 75–90. DOI: 10.1017/S0003055403000534.
12. Findley M.G., Marineau J.F. (2015) Lootable resources and third-party intervention into civil wars. *Conflict Management and Peace Science* 32(5): 465–486. DOI: 10.1177/0738894214530828.
13. Findley M.G., Teo T.K. (2006) Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach. *The Journal of Politics* 68(4): 828–837. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x.
14. Hensel P. (2016) *Colonial Contiguity Data, 1816–2016*. Correlates of War Project.
15. Kathman J.D. (2010) Civil War Contagion and Neighboring Interventions: Civil War Contagion. *International Studies Quarterly* 54(4): 989–1012. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x.
16. Kathman J.D. (2011) Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention. *Journal of Conflict Resolution* 55(6): 847–876. DOI: 10.1177/0022002711408009.
17. Klosek K.C. (2020) Military Interventions in Civil Wars: Protecting Foreign Direct Investments and the Defence Industry. *Civil Wars* 22(1): 87–113. DOI: 10.1080/13698249.2020.1724726.
18. Koru S. (2023) *Understanding Persistent Interventions in Civil Wars*. Conflict Resolution. Midwest Political Science Association Annual Conference.
19. Kreutz J. (2010) How and when armed conflicts end: Introducing the UCDP Conflict Termination dataset. *Journal of Peace Research* 47(2): 243–250. DOI: 10.1177/0022343309353108.
20. Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A. (2002) Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944. *International Interactions* 28(3): 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.
21. Meier V., Karlén N., Pettersson T., Croicu M. (2023) External support in armed conflicts: Introducing the UCDP external support dataset (ESD), 1975–2017. *Journal of Peace Research* 60(3): 545–554. DOI: 10.1177/00223433221079864.
22. Nygård G., Trappeniers E., Gates S. (2016) Conflict Recurrence. *Conflict Trends* (2): 1–4.
23. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. (2016) *Conflict Trends: A Global Overview*. PRIO Paper.
24. Pickering J., Kisangani E.F. (2009) The International Military Intervention Dataset: An Updated Resource for Conflict Scholars. *Journal of Peace Research* 46(4): 589–599. DOI: 10.1177/0022343309334634.
25. Quinn J.M., Mason T.D., Gurses M. (2007) Sustaining the Peace: Determinants of Civil War Recurrence. *International Interactions* 33(2): 167–193. DOI: 10.1080/03050620701277673.
26. Regan P.M. (1998) Choosing to Intervene: Outside Interventions in Internal Conflicts. *The Journal of Politics* 60(3): 754–779. DOI: 10.2307/2647647.
27. Salehyan I., Gleditsch K.S., Cunningham D.E. (2011) Explaining External Support for Insurgent Groups. *International Organization* 65(4): 709–744. DOI: 10.1017/S0020818311000233.

28. Stinnett D.M., Tir J., Diehl P.F., Schafer P., Gochman C. (2002) The Correlates of War (Cow) Project Direct Contiguity Data, Version 3.0. *Conflict Management and Peace Science* 19(2): 59–67. DOI: 10.1177/073889420201900203.
29. Stojek S.M., Chacha M. (2015) Adding trade to the equation: Multilevel modeling of biased civil war interventions. *Journal of Peace Research* 52(2): 228–242. DOI: 10.1177/0022343314561406.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-120-135

POST-CONFLICT PHASE OF ARMED INTERVENTION

Dr **Elena S. ZINOVIEVA** – Professor, Department of World Political Processes, School of Governance and Politics, MGIMO University; Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.

ORCID: 0000-0002-5129-338X. E-mail: world_politics@mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Daniil N. CHERNOV – Postgraduate Student, Department of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.

ORCID: 0000-0002-7086-2808. E-mail: dnchernovv@gmail.com
18 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000.

Evgenia S. KOMAROVA – Bachelor's Student, Department of International Relations, Intern, Center for Euro-Asian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0004-5892-3147. E-mail: evgeniam115@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Sviatoslav A. AROV – Master's Student, Department of International Relations, MGIMO University.

ORCID: 0009-0006-0478-3948. E-mail: sviatoslavarov@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 18, 2023

Accepted March 22, 2024

Acknowledgements. The article reflects the findings of the research funded by the interuniversity young scientists competition grant SP1.4. “Political Atlas of the Modern World 2.0» of the Strategic Project No.1 «Global Research for Global Russia”.

Abstract: With the growing number of civil conflicts there is an increase in the practice of armed intervention by third parties, which pursue the goals of protecting and promoting their national interests. The expanding practice of armed intervention and its significance for the contemporary international system has attracted considerable research interest. The emphasis in the empirical literature on interventions is often placed on the causes of armed intervention or its impact on the duration of conflict. This focus on these variables is understandable, as it allows us, on the one hand, to deepen our understanding of the reasons for states' use of force and, on the other hand, provides an opportunity to examine the influence of external factors on conflict dynamics. At the

same time, the continued presence of the interventionist forces after the official end of the conflict remains outside the focus of most researchers. Civil conflicts tend to reignite and may carry latent threats even after the official end of the conflict, ending in negotiations or complete victory for one of the parties. Third states intervening are mindful of the potential risks, leading to persistent intervention after the end of the conflict.

Keywords: armed interventions, civil conflicts, conflict resolution, post-conflict intervention

References:

1. Balch-Lindsay D., Enterline A.J. (2000) Killing Time: The World Politics of Civil War Duration, 1820–1992. *International Studies Quarterly* 44(4): 615–642. DOI: 10.1111/0020-8833.00174.
2. Bolt J., van Zanden J.L. (2020) *Maddison style estimates of the evolution of the world economy. A new 2020 update*. Maddison–Project Working Paper WP-15.
3. Bove V., Gleditsch K.S., Sekeris P.G. (2016) “Oil above Water”: Economic Interdependence and Third-party Intervention. *Journal of Conflict Resolution* 60(7): 1251–1277. DOI: 10.1177/0022002714567952.
4. Carlsnaes W., Risse T., Simmons B. (2002) *Handbook of International Relations*. SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781848608290.
5. Cederman L.-E., Wimmer A., Min B. (2010) Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis. *World Politics* 62(1): 87–119. DOI: 10.1017/S0043887109990219.
6. Chacha M., Stojek S. (2019) Colonial ties and civil conflict intervention: Clarifying the causal mechanisms. *Conflict Management and Peace Science* 36(1): 42–62. DOI: 10.1177/0738894216655514.
7. Corbetta R., Melin M.M. (2018) Exploring the Threshold between Conflict Management and Joining in Biased Interventions. *Journal of Conflict Resolution* 62(10): 2205–2231. DOI: 10.1177/0022002717720754.
8. Cunningham D.E. (2006) Veto Players and Civil War Duration. *American Journal of Political Science* 50(4): 875–892. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00221.x.
9. Davies S., Pettersson T., Öberg M. (2023) Organized violence 1989–2022, and the return of conflict between states. *Journal of Peace Research* 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.
10. Fearon J.D., Laitin D.D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97(01): 75–90. DOI: 10.1017/S0003055403000534.
11. Findley M.G., Marineau J.F. (2015) Lootable resources and third-party intervention into civil wars. *Conflict Management and Peace Science* 32(5): 465–486. DOI: 10.1177/0738894214530828.
12. Findley M.G., Teo T.K. (2006) Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach. *The Journal of Politics* 68(4): 828–837. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2006.00473.x.
13. Hensel P. (2016) *Colonial Contiguity Data, 1816–2016*. Correlates of War Project.
14. Kathman J.D. (2010) Civil War Contagion and Neighboring Interventions: Civil War Contagion. *International Studies Quarterly* 54(4): 989–1012. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2010.00623.x.
15. Kathman J.D. (2011) Civil War Diffusion and Regional Motivations for Intervention. *Journal of Conflict Resolution* 55(6): 847–876. DOI: 10.1177/0022002711408009.
16. Klosek K.C. (2020) Military Interventions in Civil Wars: Protecting Foreign Direct Investments and the Defence Industry. *Civil Wars* 22(1): 87–113. DOI: 10.1080/13698249.2020.1724726.
17. Koru S. (2023) *Understanding Persistent Interventions in Civil Wars*. Conflict Resolution. Midwest Political Science Association Annual Conference.

18. Kreutz J. (2010) How and when armed conflicts end: Introducing the UCDP Conflict Termination dataset. *Journal of Peace Research* 47(2): 243–250. DOI: 10.1177/0022343309353108.
19. Leeds B., Ritter J., Mitchell S., Long A. (2002) Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944. *International Interactions* 28(3): 237–260. DOI: 10.1080/03050620213653.
20. Meier V., Karlén N., Pettersson T., Croicu M. (2023) External support in armed conflicts: Introducing the UCDP external support dataset (ESD), 1975–2017. *Journal of Peace Research* 60(3): 545–554. DOI: 10.1177/00223433221079864.
21. Nygård G., Trappeniers E., Gates S. (2016) Conflict Recurrence. *Conflict Trends* (2): 1–4.
22. Palik J., Obermeier A.M., Rustad S.A. (2016) *Conflict Trends: A Global Overview*. PRIO Paper.
23. Pickering J., Kisangani E.F. (2009) The International Military Intervention Dataset: An Updated Resource for Conflict Scholars. *Journal of Peace Research* 46(4): 589–599. DOI: 10.1177/0022343309334634.
24. Quinn J.M., Mason T.D., Gurses M. (2007) Sustaining the Peace: Determinants of Civil War Recurrence. *International Interactions* 33(2): 167–193. DOI: 10.1080/03050620701277673.
25. Regan P.M. (1998) Choosing to Intervene: Outside Interventions in Internal Conflicts. *The Journal of Politics* 60(3): 754–779. DOI: 10.2307/2647647.
26. Salehyan I., Gleditsch K.S., Cunningham D.E. (2011) Explaining External Support for Insurgent Groups. *International Organization* 65(4): 709–744. DOI: 10.1017/S0020818311000233.
27. Safranchuk I.A. (2022) *Vooruzhennoye vmeshatel'stvo kak osnovnoy sposob primeneniya gosudarstvami sily v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (sostavleniye bazy dannykh i kachestvenno-kolichestvennyy analiz na yeyo osnove) [Armed intervention as the main way states use force in modern international relations (compilation of a database and qualitative and quantitative analysis based on it)]*. Report on research and development, MGIMO University, Russia. (In Russian).
28. Stinnett D.M., Tir J., Diehl P.F., Schafer P., Gochman C. (2002) The Correlates of War (Cow) Project Direct Contiguity Data, Version 3.0. *Conflict Management and Peace Science* 19(2): 59–67. DOI: 10.1177/073889420201900203.
29. Stojek S.M., Chacha M. (2015) Adding trade to the equation: Multilevel modeling of biased civil war interventions. *Journal of Peace Research* 52(2): 228–242. DOI: 10.1177/0022343314561406.

«РОССИЯ – СЕРЬЕЗНЫЙ ИГРОК В ГОНКЕ ИИ»

Интервью: Арутюн АВЕТИСЯН
Беседовал: Николай СИЛАЕВ

Аннотация: Успехи технологий искусственного интеллекта, а особенно «большие» языковые модели, породили множество ожиданий – как позитивных, так и алармистских. Это явление можно сравнить с открытием атомной энергии: в свое время оно создало много новых возможностей, но также породило ранее невиданные угрозы. Аналогичным образом ИИ может привести не только к наращиванию темпов научно-технического и экономического развития, но и к усилению неравенства между государствами, как это произошло в первой половине прошлого столетия с появлением разработок в ядерной сфере. Возникновение «больших» языковых моделей – это, пожалуй, первый случай, когда информационные технологии настолько сильно вторгаются в область, которую гуманитарии привыкли считать принадлежащей лишь человеческому уму – в область создания новых текстов. Нельзя не заметить, что гуманитарии пребывают в некоторой панике и ищут собственные описания и объяснения происходящего. Для того, чтобы в этих объяснениях не оторваться от твердой технологической основы и не уйти в философские выси, журнал «Сравнительная политика» побеседовал со специалистом с переднего края развития технологии ИИ в России – академиком РАН, директором Института системного программирования РАН им. В.П. Иванникова Арутюном Ишхановичем Аветисяном.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), большие языковые модели, большие данные, *ChatGPT*

Николай Силаев (Н.С.): Современные технологии искусственного интеллекта, тот же *ChatGPT*, создают впечатление скорого необратимого изменения мира. Как будто искусственный интеллект изменит все на свете, в том числе в международной политике. Так ли это?

Арутюн Аветисян (А.А.): Любая технология, которая позволяет существенно повысить производительность труда, меняет многое. В том числе появляется неравенство на международном уровне. Те, кто создает и контролирует

Арутюн Ишханович Аветисян – доктор физико-математических наук, академик РАН, профессор РАН, директор Института системного программирования РАН.
ORCID: 0000-0002-0470-9944, E-mail: arut@ispras.ru.
109004, г. Москва, ул. А. Солженицына, дом 25.

Николай Юрьевич Силаев – кандидат исторических наук, директор, ведущий научный сотрудник Лаборатории интеллектуального анализа данных, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-8110-7218. E-mail: n.silaev@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 10.10.2023

Принято к публикации: 30.10.2023

Благодарность. Статья подготовлена в рамках программы развития МГИМО «Приоритет 2030».

технологии, могут навязывать другим правила игры. Опыт использования социальных сетей и вся наша жизнь за последние лет десять показывают, как с помощью технологий можно влиять на выборы, на предпочтения заказчиков и клиентов. А теперь представьте, что искусственный интеллект будет в одних руках. И с помощью, например, *ChatGPT* можно будет практически бесплатно и под разным авторством выдавать массу новостей или постов в соцсетях на одну и ту же тему. Как может в таком случае измениться международная политика! Вопрос тут не в том, можем ли мы этому что-то противопоставить. Вопрос, как мы можем этим управлять.

Через двадцать лет после того, как появилось ядерное оружие, на уровне ООН было принято решение о его нераспространении: обладателями ядерным оружием признавались те, кто имел его на момент 1967 года – СССР, США, Великобритания, Франция и Китай. Потом этот список расширился, но с большим трудом. Похожая ситуация будет с развитием информационных технологий в целом и искусственного интеллекта в частности. Мы или начнем договариваться, или это выльется в какие-то эксцессы.

Для начала нам нужно сделать главное – определить, какое место занимает Россия в этой гонке технологий. Исторически Россия является серьезным игроком в силу того, что у нас долгая история развития ИТ – 75 лет. Мы разработали много собственных решений, много что потеряли, но несмотря ни на что, у нас сохранились научные школы, профильное образование на высоком уровне. Именно поэтому у нас есть такие компании, как «Яндекс», «Лаборатория Касперского», Сбер. Это с одной стороны. С другой – у нас очень сильная математика, а именно она играет большую роль в развитии искусственного интеллекта. Этот высокий уровень подтверждается лучшими публикациями наших ученых: Александра Гасникова, Ивана Оселедца и многих других. То есть сейчас направление ИИ у нас в стране в должном состоянии, а недостатки связаны, в первую очередь, с отставанием в области микроэлектроники (чтобы создавать «большие» модели, нужно специализированное «железо»). Но это не представляется критичным.

Чуть раньше я сказал про ядерное оружие, но в связи с искусственным интеллектом можно вспомнить и так называемую «пороховую революцию». С одной стороны, она ускорила создание больших централизованных государств, а с другой – сильно демократизировала применение оружия, поскольку оно уже не требовало такой высокой квалификации, как раньше.

Технологии искусственного интеллекта работают на усиление неравенства, потому что возникают центры, которые резко вырываются вперед в развитии, не позволяя малым игрокам включаться в гонку. Казалось бы, демократизация тоже есть: человек из самой отдаленной деревни, если у него есть интернет, может генерировать картины, музыку и тексты. Но создать свою модель, например, генеративного искусственного интеллекта он не может. То есть на самом деле нет демократизации доступа. Создание собственной модели стоит сотни миллионов долларов, но дело не только в деньгах. Для создания ИИ нужны знания, то есть университеты соответствующего уровня.

А еще требуются оборудование, энергетические ресурсы. Это целый комплекс составляющих, поэтому «большие» модели имеются лишь у нескольких стран. В США, в Китае, во Франции и у нас. Я даже не про качество говорю, а про то, что есть хотя бы попытка играть в высшей лиге (Ребро, Гладышева, Сучков, Сушенцов, 2021).

Как все это будет развиваться? Безусловно, будет расширяться регулирование ИИ. Хотелось бы доверять этим технологиям, и тут должны быть единые процедуры. Например, в прошлом году в США объявили, что любой сгенерированный контент должен быть маркирован, чтобы потребитель однозначно мог понять, сгенерировано это или нет. Потому что без маркирования это невозможно определить. Сначала была идея создать инструмент, который мог бы выявлять такой контент. Но потом выяснилось, что в реальности его сделать нельзя, поскольку ИИ все время развивается и становится сложнее. Поэтому выход один – криминализировать отсутствие маркирования. И это только начало пути, первые попытки защитить потребителей от технологической лавины.

Если же смотреть с точки зрения развития технологий, мне больше всего импонирует подход к разработке открытого программного обеспечения, когда совместная деятельность ведется несмотря на конкуренцию в политике и экономике. Я представлял эту идею на форуме БРИКС в прошлом году. Основной смысл в том, что базовые технологии мы разрабатываем вместе, а доступ к ним есть у всех – как на уровне страны, так и на уровне отдельного человека. Вне зависимости от того, есть ли возможность за это заплатить.

Очень хороший пример – французская модель *Mistral AI*, которая выложена в открытый доступ. Многие берут ее и дорабатывают под себя. Я думаю, она станет более популярной, чем американские «большие» модели, с которыми можно взаимодействовать только в качестве внешнего потребителя. С обычным программным обеспечением это давно произошло: есть операционная система *Linux*, которую все дорабатывают под свои нужды.

Разумеется, это не решает все проблемы сразу. Например, если у страны нет развитого научного сектора, то она, конечно, может позаимствовать чужую модель и даже переобучить ее, но принципиальное отставание все равно будет заметно. Нужны годы, чтобы создать целую индустрию. Главный вопрос здесь – как на мировом уровне сделать так, чтобы при неравенстве не было навязывания своих правил другим. Чтобы те, у кого есть технологии, не навязывали свою ментальность остальным, чтобы каждый мог жить так, как он считает нужным, не опасаясь, что его отключат от электричества и доступа к ИИ технологиям (Сучков, 2022). Но это уже вопрос для международных организаций.

Н.С.: Если попытаться описать угрозы и возможности, которые сейчас связаны с ИИ, то как бы Вы это сделали?

А.А.: Из-за влияния кинематографа для многих сегодня эти угрозы связаны с тем, что ИИ станет умнее человека и заменит его. Но я все время говорю, что это как раз не угроза, поскольку искусственный интеллект не является

интеллектом в буквальном смысле. Это очень сложная ИТ-система на основе машинного обучения. Возможно, в будущем настоящий искусственный интеллект появится. Вот тогда и будем обсуждать. Сейчас же вся мировая регуляторика исходит из того, что ИИ не обладает субъектностью (Kuleshov, Ignatiev, Abramova, Marshalko, 2020).

В первую очередь с ИИ связаны технологические угрозы. Поэтому если мы начинаем инкорпорировать его во все контуры управления и принятия решений, не понимая его природы, а уж тем более передавать управление ему в руки – это будет очень опрометчивым шагом.

Во всех ИТ-системах бывают ошибки. В обычных системах без ИИ более-менее понятно, как их выискивать, как обеспечивать безопасность. Хорошим примером является авиационная отрасль, где уже с 1970-х годов на сертификацию и поиск ошибок уходит, наверное, больше денег, чем на разработку. Система управления, взлет, посадка, «операционка», план действий – все понятно. Для анализа кода за последние 20 лет создано огромное количество инструментов. В том числе и наш Институт разработал технологии, которые используются и в российских, и в зарубежных компаниях. В случае же с искусственным интеллектом сложность кода такова, что не понятно, что там вообще проверять. Через данные в нейронную сеть можно занести то, что потом можно эксплуатировать. Даже просто зная, на каких данных обучалась модель, можно понять, как ее атаковать. Существующие методы анализа тут не подходят.

Последние три-четыре года в мире были попытки разработать собственную регуляторику в этой области. Пока что и американцы, и европейцы пришли к тому, что хорошо быть богатым и здоровым, но никаких конкретных механизмов пока не предложено. Есть только десятки, сотни разрозненных проектов. В ближайшие годы я ожидаю, что появятся инструменты и процессы разработки безопасного ПО в области ИИ. Мы сами этим сейчас занимаемся в рамках нашего Исследовательского центра доверенного искусственного интеллекта.

Именно из-за этого дефицита безопасности беспилотные автомобили до сих пор не выпускаются в широкое использование. В прошлом году в Калифорнии произошло ДТП: обычный автомобиль с водителем за рулем сбил пешехода, которого отбросило под колеса беспилотного *Cruise*. Тот тоже сбил этого пешехода, остановился, а потом снова поехал! Человек был зажат под одной из шин и получил серьезные травмы, так как *Cruise* проехал таким образом еще 6 метров. Водитель бы остановился, ИИ не смог. И таких ситуаций будут тысячи. При этом не внедрять все это человечество уже не может. Речь о слишком большой прибыли. А для нашей страны это актуально еще и в том смысле, что территория у нас огромная, а людей мало. В отличие от многих других стран у нас нехватка рабочей силы, мы ее завозим миллионами. И тут ИИ может помочь, например, в сельском хозяйстве.

Мы должны, во-первых, правильно разрабатывать технологии, а во-вторых – рационально их использовать. То есть, процессы эксплуатации тоже должны быть регламентированы. Принимать решения должен только человек.

Технологические угрозы – это еще не все. Существуют и угрозы другого плана. Например, в Евросоюзе все системы с ИИ решено разделить на следующие категории: с минимальными рисками (это игры или спам-фильтры, здесь регулирование не требуется), с ограниченными рисками (это системы генерации контента, который подлежит маркированию), с высокими рисками (это беспилотные автомобили или медицинские устройства, здесь необходимо жесткое регулирование), а также запрещенные в Евросоюзе технологии (например, системы социального скоринга) (Маслова, 2023). Таким образом, возникает новый вопрос, который надо решать совместно с гуманитариями: хотим ли мы запретить какие-то системы, или у нас все будет разрешено? Нужно учитывать, что когда появляется ограничение на технологию, то ее развитие замедляется. Многим компаниям это не понравится, и они просто уедут в другие юрисдикции.

Таким образом, с ИИ связаны как технологические угрозы, так и гуманитарные. И как с ними бороться, никто точно не знает. Может, и не надо бороться. Будем ходить зачипованные и всегда улыбаться... Но это мне пришлось бы не по душе.

Н.С.: Создается впечатление, что технологии искусственного интеллекта в общественных науках применяются пока не очень активно. Если не считать студенческих работ, написанных с помощью *ChatGPT* или *GigaChat*. Конечно, есть лингвисты, которые внесли значительный вклад в развитие языковых моделей. И есть очень хорошие примеры того, как лингвисты работают, используя технологии искусственного интеллекта. Я помню одну из Открытых конференций ИСП РАН, где был представлен интересный доклад на эту тему. Благодаря ИИ развиваются технологии преподавания языков и технологии распознавания рукописных текстов. Но пока кажется, что это какие-то отдельные очаги, которые касаются, скорее, вещей сервисных, вспомогательных. В связи с этим возникает первый вопрос: в какой степени ИИ может заменить гуманитариев? Сможет ли он писать тексты вместо них? И второй: в каком направлении нам двигаться, чтобы общественные науки, включая политологию и науку о международных отношениях, могли задействовать все те возможности, которые предоставляет искусственный интеллект?

А.А.: Это очень серьезный вопрос, попробуем порассуждать на эту тему. Некоторое время назад я был в Китае и разговаривал с девушкой, которая знает только китайский. Я китайского не знаю. Еще недавно мы бы не смогли понять друг друга. Но у нее в руках был девайс, в который она говорила на китайском, а он переводил на английский, и наоборот – прямо в один клик – и все было понятно! Стало очевидно, что недалеко уже то время,

когда такое устройство можно будет просто повесить на ухо и разговаривать практически без ожидания. Плюсы понятны. Но это все же простой разговор, а не сложный текст.

Еще один пример. Написание статей или даже научных работ, где *ChatGPT* выступает помощником, уже тоже привычно. Это же не значит, что ИИ пишет за вас. Он просто повышает продуктивность вашего труда. С его помощью можно быстро сформировать черновик, а потом его поправить. То, на что раньше уходил год, сейчас можно сделать за пару месяцев. То есть ИИ экономит время. Но в любом случае без высокопрофессиональных ученых, журналистов – без человека в целом – качественный продукт не получить. ИИ может заменить человека с низкой квалификацией, который мало что делал, только механически что-то собирал. А заменить профессионала, который еще и пользуется всеми преимуществами искусственного интеллекта, невозможно.

Я думаю, технологии ИИ пока активно не внедряются в общественные науки просто потому, что появились недавно. Наука, образование – это консервативные отрасли. А диффузия между прикладными специалистами (психологами, экономистами, медиками) и программистами требует времени. Не случайно на стратсессии по ИИ под руководством премьер-министра М.В. Мишустина было заявлено о необходимости повысить финансирование междисциплинарных исследований. А глава Минобрнауки В.Н. Фальков чуть позже заявил, что существует задача выпускать ежегодно 800 тысяч специалистов по ИИ для разных отраслей. Прикладной специалист не должен становиться программистом. Но он должен знать, как создавать свои инструменты на базе ИИ, то есть переобучать модели, исходя из своих задач (Karasyov, Silaev, Taran, 2023). Если раньше психолог мог опросить тысячу человек, и это занимало много времени, то сейчас можно буквально за день проанализировать сотни миллионов профилей людей. Я считаю, что это уже должно быть частью обучения в университете, чтобы будущие психологи, еще будучи студентами, знали о том, что теперь можно сотни миллионов опросить, а на тысяче уточнить построенную модель.

Невозможно с помощью ИИ писать тексты уровня Л.Н. Толстого или Ф.М. Достоевского. А вот сделать так, чтобы студент написал не простенький диплом на 40 страниц, а сразу серьезный аналитический материал – можно! Раньше, чтобы провести эксперимент, студенту нужны были месяцы или даже годы, а сейчас он может это сделать в течение дня. Значит, он должен делать больше. Почему бы ему не ставить задачи уровня диссертации, раз у него есть другой инструментарий? Благодаря ИИ можно повысить требования. И если студент будет использовать искусственный интеллект для того, чтобы написать просто текст диплома, это все равно не поможет. Потому что требования будут другие.

Наконец, главная проблема не в том, что кто-то за студента написал, это всегда было: до прихода *ChatGPT* некоторые недобросовестные студенты заказывали дипломные работы «на стороне». Проблема в том, как вы учите и как контролируете. Это как раз вызов, на который нам нужно ответить,

иначе наша система образования может деградировать. Потому что возникнет ситуация, при которой всем будет легко учиться, легко получать хорошие оценки, а значит и педагогам не нужно готовиться. Это, безусловно, вредно. Но это решаемая проблема.

Н.С.: Для Вас как специалиста по искусственному интеллекту есть ли какая-то польза от работы с гуманитариями – специалистами по общественным наукам?

А.А.: Безусловно. Искусственный интеллект существует не в теории, его надо где-то применять. И это самые разные области. В ИСП РАН есть целая группа, которая разрабатывает и применяет инструменты анализа программного кода на безопасность – как раз с использованием ИИ. В частности, с его помощью можно провести автоматическое тестирование большого числа приложений так, как это сделал бы человек. Но это очень узкоспециализированная область применения. А массовое же связано с другими, прикладными, отраслями. Это медицина, сельское хозяйство, международные отношения. Если в современном мире в таких отраслях не будет применяться ИИ, то производительность труда останется очень низкой, невозможно будет конкурировать.

Сейчас много знаний можно получить прямо в онлайн. И очень важна оперативность. Например, пока человек сидел на переговорах, что-то произошло, контекст поменялся, требуется не просто информация о событии, а директива: что теперь делать, как это влияет на годовое планирование разной степени детализации. Сейчас для первых лиц это делают сверхквалифицированные люди, но ведь хотелось бы, чтобы и средний менеджмент получал такую аналитику, причем сделанную на столь же высоком уровне. Вот здесь искусственный интеллект может помочь, причем массово, в том числе и в международных делах.

Вместе с МГИМО ИСП РАН стали партнерами МИФИ по использованию ИИ на транспорте и в логистике. Представьте ситуацию: произошло какое-то событие, вдруг закрылся пролив, который вроде был открыт, в разы выросла стоимость перевозок. Что делать? Как быстро проанализировать ситуацию и через пять минут сказать, куда что перенаправлять? Или не перенаправлять, потому что через несколько дней все восстановится, и ничего не менять будет дешевле. Нужны сиюминутные предложения и краткосрочные решения, но все это должно быть сделано с учетом долгосрочного контекста. В таких ситуациях искусственный интеллект может оказаться очень полезным. Конечно, ИИ не будет это делать в одиночку, но он может стать помощником, который быстро даст много информации, в том числе косвенной, не связанной с проблемой напрямую (человеческий мозг ее вообще не заметит).

Чтобы такой подход работал, нужны экосистемы, совместный труд прикладных специалистов с программистами. Нужна диффузия, чтобы врач в некоторой степени становился программистом – например, понимал, что такое разметка данных. И постепенно через несколько лет выяснится, что вообще странно было тратить на обработку данных человеческую энергию, ведь это

так просто сделать технологически. А потом и до образования дело дойдет. Пока не понятно, какие разработки можно внедрять в образование, а какие нет. После распространения технологий, вероятно, выяснится, что это в школе уже можно преподавать. В истории человечества такое уже было. Сейчас в средней школе преподают то, что 100 лет назад не преподавали. Тот же матанализ дети когда-то не изучали, а теперь изучают.

Н.С.: Насколько российским разработкам в области искусственного интеллекта повредило давление со стороны западных стран?

А.А.: Конечно, обидно, что часть людей уехала, потому что такими специалистами не разбрасываются. Но критическая масса осталась, они продолжают работать. Наш институт не испытал какого-то массового оттока профессионалов, особенно из числа тех, кто занимается ИИ. Остались и программисты, и математики, которые вносят фундаментальный вклад в развитие технологий.

Еще в 2021 году государство обеспечило финансовую поддержку шести исследовательских центров искусственного интеллекта. В конце 2023 года были утверждены еще шесть – уже «второй волны». Крупные корпорации тоже вкладываются в развитие этих технологий. Это заметно. Так что какого-то урона я особенно не почувствовал.

Единственная реальная проблема, которая может со временем стать значительной, связана с оборудованием. Но пока этот вопрос решается. В дальнейшем, если мы пойдем по пути международного партнерства, можно размещать какие-то данные во внешних центрах обработки данных (ЦОД). Самое важное, что у нас есть мозги, есть политическая воля и стремление к технологической независимости, есть средства разработки – полный стек системного софта на основе проектов с открытым исходным кодом. Самая непростая задача для любой отрасли промышленности – это получить средства производства. Сейчас эти средства почти на 100% открыты.

Наличие всего этого позволяет нам создавать свои продукты. Например, Сбер и «Яндекс» смогли разработать свои «большие» модели. Есть и другие компании, которые это могут. И этот бизнес будет расти, улучшаться – у меня нет никаких сомнений. В том, что он немного отстает по разным причинам, нет ничего критичного.

Самая большая ценность для нас сейчас – это качество профессиональной подготовки нашего населения, кадры. Конечно, не все определяется только знаниями, мы же все-таки не роботы. Я уже скорее с гуманитарной точки зрения рассуждаю. Но если говорить с научно-технической, то за людей, которые получили образование и умеют решать задачи, нужно держаться. Повторюсь – невосполнимого урона нет. Если мы сейчас правильно сконцентрируем свои усилия внутри страны, будем системно работать на основе тех моделей, которые открыты миру, понятны и нацелены не против кого-то, а на нашу технологическую независимость, то, мне кажется, у нас будет много возможностей. Например, нужен международный репозиторий открытых решений, и эта идея уже нашла поддержку на самом высоком уровне.

Вообще, мир ИТ очень сложный. Да и в целом современный мир сложный. Не надо пытаться одним способом решить все. В конце концов, у нас мощная интеллектуальная держава с огромным, почти бесконечным потенциалом.

Список литературы

1. Маслова Е.А. (2023) Регулирование искусственного интеллекта в ЕС: риски и возможности для развития. *Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней*. Под ред. М.А. Сучкова, И.В. Болговой. Москва: МГИМО-Университет, 120–139.
2. Ребро О.И., Гладышева А.И., Сучков М.А., Сушенцов А.А. (2021) Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России. *Международные процессы* 19 (4(67)): 47–67.
3. Сучков М.А. (2022) «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения* 15 (2): 138–157. DOI: 10.21638/spbu06.2022.202.
4. Karasyov D., Silaev N.Yu., Taran V. (2023) The Use of Network Data Analysis in Research of Political Groups (the Case of Ukraine). In *"Digital International Relations"*. Ed. by Baikov A., Zinovieva E. Singapore: Palgrave Macmillan, 281–302.
5. Kuleshov A., Ignatiev A., Abramova A., Marshalko G. (2020) *Addressing AI Ethics through Codification*. Conference Paper. Proceedings. 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science, EnT. 24–30.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-136-145

«RUSSIA IS A SERIOUS PLAYER IN THE AI RACE»

About the interviewee:

Dr **Arutyun I. AVETISYAN** – Academician of RAS, Professor of the RAS, Director of the Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (ISP RAS).

ORCID: 0000-0002-0470-9944. E-mail: arut@ispras.ru

25 A. Solzhenitsyna str., Moscow, Russia, 109004

The interview was conducted by Dr **Nikolay Yu. SILAEV** – Director, Leading Research Fellow, Laboratory for Smart Data Analysis, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8110-7218. E-mail: n.silaev@inno.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received October 10, 2023

Accepted October 30, 2024

Acknowledgments.

The article was prepared within the framework of the MGIMO development program «Priority 2030».

Abstract: The advances in artificial intelligence (AI) technologies, especially “large” language models, have raised many expectations, both positive and alarmist. This phenomenon can be compared to atomic energy: at one point in time, it created many new opportunities, but also generated new, previously unprecedented threats. Similarly, AI can enhance scientific, technological and economic development, but also increase inter-state inequalities, as nuclear weapons did decades ago. The emergence of large language models is perhaps the first time in history when information technology has so boldly stepped into an area that humanitarians have come to regard as belonging only to human consciousness, namely the creation of new texts. One cannot help but notice that humanitarians panic to some extent and seek their own explanations for what is happening. In order to make sure that these explanations do not ignore a solid technological basis and do not go into philosophical debates, Comparative Politics Russia spoke to a specialist from the front line of AI technology development in Russia. The guest of today’s interview is Dr. Arutyun I. Avetisyan, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of V.P. Ivannikov Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: artificial intelligence (AI), big language models, big data, ChatGPT

References:

1. Karasyov D., Silaev N.Yu., Taran V. (2023) The Use of Network Data Analysis in Research of Political Groups (the Case of Ukraine). In «*Digital International Relations*». Ed. by Baikov A., Zinovieva E. Singapore: Palgrave Macmillan, 281–302.
2. Kuleshov A., Ignatiev A., Abramova A., Marshalko G. (2020) *Addressing AI Ethics through Codification*. Conference Paper. Proceedings. 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science, EnT. 24–30.
3. Maslova E.A. (2023) Regulirovanie iskusstvennogo intellekta v ES: riski i vozmozhnosti dlya razvitiya [Regulation of Artificial Intelligence in the EU: Risks and Opportunities for Development]. *Cifrovoy povorot v mezhdunarodnyh otnosheniyah: kak novye tekhnologii menyayut mirovuyu politiku i nauku o nej. Pod red. M.A. Suchkova, I.V. Bolgovoy [Digital Turn in International Relations: How New Technologies are Changing World Politics and the Science of Politics. Edited by M.A. Suchkov, I.V. Bolgova]*. Moscow: MGIMO–University, 120–139.
4. Rebro O.I., Gladysheva A.I., Suchkov M.A., Sushentsov A.A. (2021). Kategoriya «cifrovogo suvereniteta» v sovremennoj mirovoj politike: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [The Category of «Digital Sovereignty» in Contemporary World Politics: Challenges and Opportunities for Russia]. *Mezhdunarodnye processy [International Processes]* 19 (4(67)): 47–67.
5. Suchkov M.A. (2022). «Geopolitika tekhnologij»: mezhdunarodnye otnosheniya v epohu CHetvertoy promyshlennoj revolyucii [«Geopolitics of Technology»: International Relations in the Era of the Fourth Industrial Revolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of St. Petersburg University. International Relations]* 15 (2): 138–157. DOI: 10.21638/spbu06.2022.202.

ОТ ДРЕВНЕГО МИРА К ЦИФРОВОМУ ВЕКУ: ФЕНОМЕН ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ

Рецензия на книгу: Brands H. (ed) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.

Егор СПИРИН
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье рассматриваются основные тезисы книги под редакцией Х. Бредса «Создатели современной стратегии: от античности до цифрового века» (Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.) посвященной изучению эволюции стратегической мысли. В сборнике поднимается ряд значимых теоретических и практических вопросов, связанных с принятием внешнеполитических решений и процессом формирования внешней и оборонной стратегии государств. Основной задачей данной работы является обновление теоретического фундамента стратегических исследований с опорой на меняющийся информационно-технологический ландшафт.

Ключевые слова: стратегия, история, теория, безопасность, война, стратегические исследования

В российской академической среде существует представление, согласно которому единственный практический опыт великодержавного противостояния в арсенале США – это опыт холодной войны, диктующий те паттерны поведения, которые воспроизводятся и на современном этапе реализации внешнеполитической стратегии США (Сучков, 2021). Вместе с тем, на теоретическом уровне американцы последовательно работают над развитием более системного знания в данной области. В частности, в университетах разрабатываются и преподаются курсы по «большой стратегии», регулярно выходят работы по этой и смежной тематикам (Гэддис, 2021). В целом данное

Егор Дмитриевич Спирин – эксперт Центра перспективных американских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8543-2720. E-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 10.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

направление мысли активно развивается, однако множество разносторонних подходов к изучению стратегии имеет и обратную сторону в виде феномена «растяжения концепта» (Сартори, 2003).

В многообразии издаваемых в США трудов по «большой стратегии» особую роль занимают сборники публикаций именитых представителей академической среды под общим названием «создатели современной стратегии» (*Makers of Modern Strategy*). Первый из них увидел свет в далеком 1943 году и концентрировался вокруг конвенциональных войн (*Makers of Modern Strategy...*, 1943). Вторым том в этой серии появился спустя примерно 40 лет и уже учитывал наиболее актуальную для того времени тематику – ядерную (Craig and Gilbert, 1986).

Однако технологическое развитие, как показывает практика современных конфликтов, создает все новые вызовы, в том числе и на уровне стратегического планирования. Хотя теоретическая мысль и не стояла на месте (Kaldor, 2012), она, тем не менее, во многом оказалась заложником «иллюзии долгого мира» (Фененко, 2018). Это выразилось в том, что ключевым нарративом, существовавшим в сфере исследований стратегий безопасности, стала концентрация на противодействии неконвенциональным угрозам, зачастую представленным разного рода нерегулярными формированиями, террористическими группировками и т.д. Некоторые наиболее прозорливые авторы отмечали, что войны едва ли канули в Лету, а технологические новшества мало способствуют смягчению нравов политических акторов (Lieber and Press, 2020). Однако реальность оказалась еще более суровой: практика международных отношений наглядно демонстрировала, что эра межгосударственных войн далека от завершения, а все большее нарастание великодержавной конкуренции между Китаем и США лишь подливает масла в огонь и без того не особо стабильной ситуации. Данный контекст международной обстановки способствовал росту внимания к вопросам оборонных и внешнеполитических стратегий, что и нашло свое прямое отражение в третьем томе «создателей современной стратегии», который расширил временные горизонты в оба направления. Так, если раньше отсчет стратегического мышления вели с Макиавелли, то в настоящей работе авторы постарались более подробно изучить наработки античных авторов. В сборник включены и наиболее современные тенденции, выражающиеся в цифровизации и постепенной «вепонизации всего» (Galeotti, 2022).

Как утверждают сами авторы, «область стратегических исследований основана на убеждении, что существует базовая логика стратегии, которая не зависит от времени и пространства. Однако основное значение термина «стратегия» никогда не было фиксированным, и специалисты-международники «обречены» на переосмысление даже самых древних текстов через призму актуальных интересов современных государств. Если стратегия кажется таким «неуловимым существом», то это потому, что каждая эпоха учит чему-то новому в отношении этой концепции и требований к ее успешному осуществлению. Происходящее в мире сегодня требует обновления самого

понимания стратегии. Все сложнее верить в то, как это иногда утверждалось поколение назад, что война и, возможно, сама стратегия остались в прошлом, в эпохе мира после окончания холодной войны» (The New Makers., 2023: 2). Принимая во внимание такое положение дел, авторы, работавшие над новым томом, старались ответить на ряд ключевых вопросов, среди которых: кто является «создателем стратегии»? Что такое современность в контексте стратегии? Что действительно является стратегией?

Авторы коллективного труда последовательно стараются приблизиться к ответам на эти вопросы и в этих устремлениях намеренно расширяют рамки своего понимания данной проблематики. Так, говоря о создателях стратегии, они отходят от атрибутирования стратегий конкретным личностям (хотя от этого подхода они в полной мере и не отказываются) и постулируют следующее: «Стратегия формируется не в вакууме, а под влиянием технологических изменений и организационной культуры, социальных сил и интеллектуальных движений, идеологий и типов режимов, менталитета поколений и профессиональных сообществ». Из этого тезиса вытекает и скептическое отношение к некоторым работам, ставшими классическими. В частности, ставится под сомнение, насколько значительное влияние на формирование американской ядерной стратегии времен холодной войны оказали т.н. Волшебники Армагеддона (Kaplan, 1991), а не непрозрачный, подчас деперсонализированный, бюрократический процесс.

Очевидным достоинством рассматриваемой работы является готовность авторов к поиску нового как во временном пространстве, так и в географическом – последнее, в частности, находит отражение и в анализе незападных теоретиков и практиков. Сами авторы пишут об этом так: «Поиск стратегии в незнакомых ранее местах – это то, что предотвращает интеллектуальную застой, который может наступить от простого воспроизведения лучших “хитов”. Понятие “современности” тоже претерпело изменения. Появились новые области военных действий; цифровая эпоха изменила разведку, тайные спецоперации и другие давно известные инструменты стратегии».

В попытке ответить на обозначенные выше и, казалось бы, простые, но на деле крайне дискуссионные вопросы¹, книга затрагивает шесть основных тем, являющихся своего рода связующей нитью между более предметными текстами именитых авторов. Первой из таковых является уже упомянутая тема необходимости расширения понятия «стратегия» в современности. Так, авторы указывают, что «апофеозом стратегии является синергия: объединение множества инструментов, будь то оружие, деньги, дипломатия или даже идеи, для достижения высших целей. Ее суть заключается в соединении силы с креативностью для достижения превосходства в конкурентной борьбе, в какой бы форме эта сила ни проявлялась».

¹ О теоретических дискуссиях по данной проблематике см. (Silove, 2018).

Во-вторых, данная работа, в отличие от множества других, сугубо теоретических, старается принимать во внимание ключевой фактор, делающий возможной (или наоборот, невозможной) реализацию любой сколь угодно продуманной стратегии, а именно фактор политики. Исследователи отмечают, что «для того, чтобы разобраться со стратегией, необходимо признать первичность и всепроникающий характер политики. Это не просто подтверждение часто неверно понимаемой сентенции Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами. Дело, скорее, в том, что хотя проблемы стратегии могут быть универсальными, ее содержание вряд ли можно отделить от политической системы, которая ее порождает». Политика и ее высшее выражение в виде стратегии всегда является результатом борьбы интересов, при этом зачастую отнюдь не абстрактных национальных, а вполне конкретных и скорее частных (Hanania, 2021). Осознание данного факта можно отнести к достоинствам данной работы.

Важно отметить и то, что авторы указывают на наличие своего рода пространства для творческого маневра в рамках стратегического мышления. Хотя с легкой подачи реалистской школы международных отношений вопросы стратегического противоборства и стали измерять преимущественно в материальных терминах (основные дебаты велись лишь на тему того, что и как считать²), такой подход во многом является редукционистским и не учитывает обстоятельства, которые помогают более слабым по количественным показателям игрокам изменять ситуацию в свою пользу. В работе указывается, что «стратегия наиболее ценна, когда она раскрывает силу в неожиданных проявлениях. Даже самые сильные страны нуждаются в стратегии; применение подавляющей силы может быть выигрышным подходом. Однако опора на грубую силу – не самая интересная форма стратегии, и исход конкурентных взаимодействий не всегда определяется материальным балансом сил. Наиболее впечатляющие стратегии – те, которые изменяют баланс сил, создавая новые преимущества». Как показывает опыт, например, русско-японской войны и ряда более современных конфликтов, именно такой подход является более приближенным к реальности.

Из осознания данного обстоятельства вытекает пятая основная тема сборника, которую можно условно назвать «уроками истории». Лейтмотивом в нем звучит мысль о том, что цена стратегической и исторической безграмотности может быть катастрофически высокой, а правильный стратегический выбор дает возможность реабилитироваться за тактические просчеты. Авторы этого раздела делают вывод, что «с древнейших времен и до наших дней качество стратегии (или отсутствие таковой) определяло взлет и падение государств и контуры международного порядка». Сложно не согласиться с данными тезисами. При этом и в данном контексте важно упомянуть фактор

² См., например, (Beckley, 2018).

взаимосвязанности стратегии и политики. Как неоднократно демонстрировала практика, иногда отсутствие политической воли и превалирование узкокорпоративных интересов не позволяли произвести ревизию тех аспектов государственного управления, которые приводили и приводят к воспроизведению ошибочных, а подчас и весьма трагических паттернов поведения, сохраняющихся на протяжении десятилетий.

Наконец, исходя из всего вышесказанного, авторы постулируют, что сами стратегические исследования должны носить по большей части инструментальный характер и служить делу формирования практической политики. При этом такой характер не позволяет полностью освободиться от доминирующих в этот момент нарративов. Стратегия, таким образом, есть продукт конкретного времени, и едва ли возможен банальный перенос схемы прошлого в современность, хотя это отнюдь не отменяет необходимости ее изучения.

Впрочем, при всех достоинствах обзораемой работы она не лишена недостатков. Так, в первую очередь, стоит отметить, что, несмотря на декларированную авторами приверженность примату политики над идеями, в некоторых эссе наблюдается ровно обратная тенденция. Проблема такого подхода заключается не столько в том, что политика всегда стоит в более сильной позиции, а в том, что больший упор на идеи во многом лишает анализ историзма. Очевидно, что сколь прорывными бы ни были те или иные идеи, они могут не найти практического воплощения в случае отсутствия на то политической воли или в силу личных противоречий между теоретиком и властью. Ярким примером такого феномена является глава, посвященная Маршалу Н.В. Огаркову. При всей фактологической содержательности автор упускает вопрос де-факто отсутствия реализации предлагавшихся Огарковым решений, что было обусловлено именно политикой в ее самом главном стремлении – борьбе за власть. Если обратиться к историографии, то можно наглядно увидеть, что его идеи не были в полной мере реализованы в силу внутрибюрократических интриг, а именно того обстоятельства, что в сентябре 1984 года министр обороны СССР Д.Ф. Устинов заменил Огаркова удобным ему Ахромеевым – военным профессионалом, но, по свидетельству некоторых историков, «более покладистым и лояльным к начальству человеком»³.

В этом же контексте можно выделить и другой недостаток работы, который связан с периодически проявляющимся экстраполированием современных теоретических наработок на «дела давно минувших дней», которые в своей сути исходили скорее из требований *Realpolitik*, нежели из теоретических воззрений. Так, в книге можно найти описание внешней политики Л.И. Брежнева как политики, в некотором роде опирающейся на представления о цивилизационном подходе. Хотя подобное описание и может выглядеть интересным

³ Семенов С. (2022) Взлет и падение Маршала Огаркова. К 105-летию со дня рождения выдающегося советского военачальника. *История.рф*. 31 октября 2022. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/vzlet-i-padenie-marshala-ogarkova-k-105-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-vydayushchegosya-sovetskogo-voenachalnika> (дата обращения: 18.01.2024).

для политологического анализа, оно, тем не менее, является несколько редуционистским. Кроме того, такой подход вновь контрастирует с декларировавшимися авторами принципом анализа на основе примата политики.

Нельзя пройти мимо и того ощущения, что аналитики подчас запираются в рамках западных нарративов, не стараясь всерьез исследовать описываемое ими явление. Хрестоматийным примером подобного подхода является глава, посвященная анализу военной мысли действующего начальника Генштаба РФ В.В. Герасимова. Автор во многом воспроизводит ту риторику, которую в публичный дискурс запустил британский политолог Марк Галеотти, фактически выдумав идею «доктрины Герасимова»⁴. Автор повторяет тезисы, ставшие широко популярными на Западе, которые в общем виде можно сформулировать следующим образом: 1) у России есть доктрина экспансионной внешней политики, которой она следует и будет следовать в будущем; 2) данная доктрина представляет реальную опасность для западного мира; 3) этой доктрине необходимо противостоять. Исследователь отказывается от попыток какого-либо критического восприятия темы и атрибутирует данную «стратегию» примерно ко всем действиям с прямым или косвенным участием Москвы. Находясь «в плену» западных нарративов, автор отказывается рассматривать события на Украине, начиная с 2014 года, иначе как «происки Кремля», что, как показывает реальность и исследования российских авторов (Дзарасов, 2022), по меньшей мере, не отражает полноты картины. Помимо этого, исследователь демонстрирует отсутствие понимания первоисточника «доктрины Герасимова», а именно доктрины «Шока и трепета» (*Shock and Awe*), которая, к слову, не имела ничего общего ни с действиями времен 2014 года, ни с СВО⁵. Более подробный анализ выходил бы за рамки формата книжной рецензии, однако стоит сказать, что публикации подобного рода довольно негативно отражаются на общем реноме сборника статей от главных интеллектуалов в области стратегического мышления.

В более широком смысле к недостаткам работы можно отнести и то, что при прочтении складывается ощущение, что авторы исходят из изначальной предпосылки, постулирующей факт наличия стратегии. Однако такой подход порождает своего рода «ловушку послезнания»: авторы начинают интерпретировать ряд внешнеполитических шагов как целенаправленную стратегию, в то время как она в действительности является реактивной. Такая аналитическая ошибка может привести к неправильному пониманию исторического опыта, что, как отмечали сами исследователи, может заложить основы для принятия недальновидных решений.

Впрочем, несмотря на данные недостатки, которые скорее относятся к конкретным эссе в рамках обозреваемого сборника, нежели к самой концепции книги, работа действительно представляет немалый интерес и может

⁴ Galeotti M. (2018) I'm Sorry for Creating the 'Gerasimov Doctrine'. *Foreign Policy*, 5 March. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/> (accessed 18 January 2024).

⁵ Подробнее см. (Головлев, 2023: 44–60).

быть рекомендована к изучению всем, кто интересуется стратегической мыслью, процессом принятия внешнеполитических решений, вопросами военной истории и ядерного сдерживания. Многие из тем, поднимаемых в работе, являются вполне релевантными и для российских исследователей, особенно на фоне актуальных внешнеполитических условий, сложившихся вокруг РФ.

Понимание того, что такое стратегия и как она вырабатывается, могло бы оказать и весьма эффективное практическое воздействие. Разумеется, сам факт наличия стратегии не является панацеей хотя бы в силу того, что политика – это игра с множеством различных переменных и едва ли в полной мере рациональная, однако отсутствие стратегии – это, бесспорно, путь к внешнеполитическим неудачам.

Список литературы

1. Головлев М. (2023) *СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и боевых действий*. Москва: Книжный мир. 160 с.
2. Гэддис Дж. Л. (2021) *О большой стратегии*. Пер. с англ. О. Филиппов и А. Шоломицкая. Москва: Издательство Института Гайдара. 424 с.
3. Дзарасов Р.С. (2022) *За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму мир-системного подхода*. Москва: URSS. 408 с.
4. Сартори Д. (2003) Искажение концептов в сравнительной политологии (I). *Полис. Политические исследования* 3: 67–77.
5. Сучков М.А. (2021) Трумэн, а не Никсон: США в новом великодержавном противостоянии. *Россия в глобальной политике* 19(4): 74–82.
6. Фененко А.В. (2018) «Долгий мир» и ядерное оружие. *Россия в глобальной политике* 6.
7. Beckley M. (2018) The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security* 43(2): 7–44.
8. Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.
9. Craig G.A., Glibert F. (1986) *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press. 941 p.
10. Earle E.M. (ed) (1943) *Makers of Modern Strategy; Military Thought from Machiavelli to Hitler*. Princeton: Princeton University Press. 553 p.
11. Galeotti M. (2022) *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War*. New Haven: Yale University Press. 256 p.
12. Hanania R. (2021) *Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy: How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy*. Routledge. 230 p.
13. Kaldor M. (2012) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era (3rd edition)*. Cambridge: Polity Press. 268 p.
14. Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon*. Redwood: Stanford University Press. 456 p.
15. Lieber K.A., Press D.G. (2020) *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age*. Ithaca: Cornell University Press. 180 p.
16. Silove N. (2018) Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy”. *Security Studies* 27(11): 27–57.

FROM THE ANCIENT WORLD TO THE DIGITAL AGE: THE PHENOMENON OF FOREIGN POLICY STRATEGY IN INTERSTATE CONFRONTATION

Book review: Brands H. (ed.) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.

Egor D. SPIRIN – Expert, Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8543-2720. E-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received January 18, 2024 Accepted February 10, 2024

Abstract: The article reviews the main theses of the book edited by H. Brands «The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age» (*Brands H. (ed.) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.*) devoted to the study of the evolution of strategic thought. The volume raises a number of significant theoretical and practical issues related to foreign policy decision-making and the process of shaping of the foreign and defense strategy of different states. The main objective of this work is to update the theoretical foundation of strategic research based on the changing information and technological landscape.

Keywords: strategy, history, theory, security, war, strategic studies

References:

1. Beckley M. (2018) The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security* 43(2): 7–44.
2. Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.
3. Craig G.A, Glibert F. (1986) *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press. 941 p.
4. Dzarasov R.S. (2022) *Za luchshuyu dolyu! Ukrainskij krizis skvoz' prizmu mir-sistemnogo podhoda [For a Better Share! Ukrainian crisis through the prism of the world-system approach]*. Moscow: URSS. 408 p. (In Russian).
5. Earle E.M. (ed) (1943) *Makers of Modern Strategy; Military Thought from Machiavelli to Hitler*. Princeton: Princeton University Press. 553 p.
6. Fenenko A.V. (2018) «Dolgij mir» i yadernoe oruzhie [«Long peace» and nuclear weapons]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]* 6. (In Russian).
7. Galeotti M. (2022) *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War*. New Haven: Yale University Press. 256 p.

8. Geddis Dzh.L. *O bol'shoj strategii. Perevod s anglijskogo Olega Filippova (predislovie, glavy 6-10) i Anny Sholomickoj (glavy 1-5) [On Grand Strategy. Translated from English by Oleg Filippov (foreword, chapters 6-10) and Anna Sholomitskaya (chapters 1-5)].* Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Moscow: Gaidar Institute Publishing House]. 424 p. (In Russian).
9. Golovlev M. (2023) *SVO. Klauzevic i pustota. Politologicheskij analiz operacii i boevyh dejstvij [SMO. Clausewitz and the void. A political science analysis of operation and combat].* Moscow: Knizhnyj mir. 160 p. (In Russian).
10. Hanania R. (2021) *Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy: How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy.* Routledge. 230 p.
11. Kaldor M. (2012) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era (3rd edition).* Cambridge: Polity Press. 268 p.
12. Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon.* Redwood: Stanford University Press. 456 p.
13. Lieber K.A., Press D.G. (2020) *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age.* Ithaca: Cornell University Press. 180 p.
14. Sartori D. (2003) Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii (I) [Concept Misformation in Comparative Politics (I)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 3: 67–77. (In Russian).
15. Silove N. (2018) Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy”. *Security Studies* 27(11): 27–57.
16. Suchkov M.A. (2021) Trumen, a ne Nikson: SShA v novom velikoderzhavnom protivostoyanii [Truman, not Nixon: the United States in a new great-power confrontation]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]* 19(4): 74–82. (In Russian).